

АРТ

12+

Содержание

П. Лимеров. Слово редактора3

Проза. Поэзия. Литературная Критика

Е. Афанасьева. Öти лун кежлö шондi. *Кывбур цикл*6

Е. Габова. Ворона. *Повесть*13

В. Салганова. «А всего-то и надо – карандаш под рукой...». *Стихи*55

Е. Козлова. Сказ о Сильвестре Обнорском70

Женсовет

Союз женщин РК: будни, заботы, перспективы84

Г. Спичак. Женское движение за 100 лет92

Ю. Леготина. Из жизни современных женщин112

К 75-летию Победы

Е. Генталь. Блокадница132

Н. Митюшева. В тяжёлую военную годину взметнула
крылом коми песня145

Л. Ширшова. Е. И. Зверьков – художник и воин157

Ы

Челядълöн мойдкывъяс178

В. Семяшкин. Козин. *Висьт*186

«Лоны шудаöн уна оз ков»: Т. Чаплыгинакöд ёрта сёрни188

Сыктывкар, 2020

АРТ^{ЛАД}

**Республиканский
литературно-публицистический,
историко-культурологический,
художественный журнал**

**Республикаса литература,
публицистика, история,
культурология да
художественной журнал**

Издаётся с 1997 года четыре раза в год
на коми и русском языках.

Публикация материалов по освещению
реализации социально значимых проектов
осуществляется при государственной поддержке
Администрации Главы Республики Коми.

Учредители (соучредители):

Администрация Главы Республики Коми,
Министерство национальной политики
Республики Коми,
МОД «Коми войтыр»,
АУ РК «Редакция журнала «Арт».

Руководитель редакции – Нина Новикова.

Главный редактор – Павел Лимеров.

Главный бухгалтер – Татьяна Леончик.

**Заведующий отделом
по основным направлениям
деятельности** – Татьяна Логинова.

Художественный редактор – Юрий Лисовский.

Литературный редактор,

корректор – Алёна Шомысова.

Технический редактор –

Анастасия Габова.

Журнал «Арт»

Зарегистрировано Управлением
Роскомнадзора по Республике
Коми. Регистрационный номер
и дата принятия решения
о регистрации: серия
ПИ № ФС77-35079
от 23 января 2009 г.

Тираж: 1200 экземпляров.

© Журнал «Арт», № 1 (90) 2020 г.

Дата выхода в свет: 20.03.2020.

Руководитель редакции:

Новикова Н. М.

Главный редактор:

Лимеров П. Ф.

Цена свободная.

В оформлении обложки
и заставок использованы работы
(©) Ю. Лисовского.

Адрес редакции, издателя:

167982, Республика Коми,
г. Сыктывкар, ул. Карла Маркса, д. 229,
каб. 136, тел./факс: (8212) 201-499.
E-mail: artkomi@mail.ru,
www.artlad.ru

Отпечатано в ООО «Коми

республиканская типография»
с электронных носителей
заказчика в полном соответствии
с качеством предоставленных
материалов. Подписано к печати
по графику – 12.03.20. Фактически –
12.03.20. Формат: 70x100 1/16.
Печать офсетная. Усл. п. л. 15,48.
Адрес типографии: 167982,
Республика Коми,
г. Сыктывкар, ул. Савина, 81.

Подписной индекс:

П4453 по каталогу «Почта России»

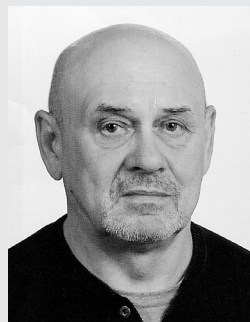
Все права на материалы, опубликованные
в номере, принадлежат журналу «Арт».
Перепечатка без разрешения редакции
запрещена. При использовании
материалов ссылка обязательна.
Присланные материалы не рецензируются
и не возвращаются.

Материалы, не опубликованные
в журнале, редакция не рецензирует
и не возвращает авторам. Публикуя
материал, редакция не обязательно
поддерживает точку зрения автора.

Слово редактора

В 2020 году исполняется 100 лет женскому движению на территории Коми края. Журнал «Арт» не мог пройти мимо такого знакового события и первый номер этого года посвятил ему. Как же можно интерпретировать женское движение, иначе – феминизм, и как к нему относиться? Wikipedia даёт такое определение: «Под женскими движениями... понимаются движения, которые мобилизуют женщин в качестве женщин – то есть обращаются к женщинам как к своей аудитории и потенциальным сторонницам». Родоначальницей женского движения и первой феминисткой считается Олимпия де Руж, в пламени Французской революции составившей в 1791 году первую Декларацию прав женщины и гражданки. В этой Декларации были прописаны требования о предоставлении женщинам политических, включая и избирательных, прав, а также требования о возможности занимать государственные посты, владеть и распоряжаться собственностью, иметь право на образование, а также равные с мужчинами права в семье и церкви. Жизнь Олимпии оборвалась на гильотине, но дело, как говорится, отозвалось в веках, и сегодня её Декларация вряд ли вызвала бы столь негативную реакцию: эти требования уже давно стали нормой. Но женские движения вовсе не прекратились и даже набирают обороты, меняются только формы и содержание.

В России, в отличие от Запада, как ни странно, не было предпосылок борьбы за равноправие полов – так, во всяком случае, пишут исследователи. Эта проблема пришла к нам из Европы и впервые обозначена в «Революционном катехизисе» известного анархиста М. А. Бакунина. В частности, он требовал полного политического и социального равенства женщины с мужчиной, замены брака, узаконенного юридическими и религиозными нормами, свободным браком, а также уничтожения семейного права и права наследства. Лейтмотивом

**ПАВЕЛ
ЛИМЕРОВ**

*Главный редактор
журнала «Арт»*

женского движения М. А. Бакунин считал борьбу за высшее образование. Другой анархист, князь П. А. Кропоткин, ратовал за освобождение женщин от работ по дому, чтобы они могли участвовать в общественной жизни. Иными словами, феминизм в России инициировали мужчины-анархисты, а не сами женщины. Тем не менее, женское движение пустило в России свои корни, а к 1920 году докатилось и до Коми края. Конечно, такие призывы князя Кропоткина, как «освобождение женщины от оупляющего труда кухни», кажутся теперь наивными, да и университетское образование сегодня получают преимущественно женщины, однако женское наступление продолжается и, кажется, даже – побеждает. Ничего плохого в этом нет, но всё же вспоминается печальный опыт прародительницы Евы, из-за аппетита которой люди однажды лишились рая.

Как уже понял читатель, этот номер журнала полностью женский, участие мужчин в нём только косвенное. В литературном разделе можно прочитать стихи Елены Афанасьевой и Валерии Салтановой, познакомиться с новой повестью Елены Габовой. Детский писатель Елена Козлова представлена недетской прозой о великом русском святом Сильвестре Обнорском.

Раздел «Женсовет» является ключевым для номера. Он открывается материалами круглого стола, проведённого журналом с представительницами женского движения Республики Коми. Писатель и журналист Григорий Спичак специально для этого раздела написал статью об истории женского движения в республике, а журналистка Юлия Леготина сделала несколько блиц-интервью с современными женщинами на тему места женщины в обществе.

Раздел, посвящённый 75-летию Победы, открывается материалами о судьбе прекрасной женщины Евгении Генталь, пережившей блокаду и всю свою жизнь служившей зубным врачом в Печорской городской поликлинике.

Надежда Митюшева подготовила для журнала статью о зарождении современной коми песни в годы войны. Статья искусствоведа Любви Ширшовой посвящена знаменитому русскому художнику Ефрему Зверькову, прошедшему войну и писавшему в послевоенные годы картины о Севере, о Коми крае.

Журнал в журнале «Ы!» в этом номере публикует сказки детей, принявших участие в литературных конкурсах «Виль нимъяс» (Новые имена) и «Менам мойд» (Моя сказка), а также интервью с певицей Таисией Чаплыгиной.

Проза. Поэзия. Литературная критика

**ЕЛЕНА
АФАНАСЬЕВА**

*Елена Евгеньевна
Афанасьева чужис
Удораын, Важгорт
сиктын. Гижö кыв-
буръяс, висъяс.
«Енкöлаö ыбöс», «Ву» –
сылöн кывбура асшöр
книгаяс. Челядьлы
лоины козинöн
«Кутш», «Дуда
Платтьöа» да
«Дуда кимöститчö»
висъяса небöгъяс.*

Öти лун кежлö шондi

*«...Я нахожу Тебя во всевозможных
Вещах...».*

Райнер Мария Рильке

1.

Öти здукö ставыс лои ясыд:
Бара узытöг кольö тайö войыс.
Медым шуны пыдi-пыдi дойöс,
Би öзтытöг вöчи аслым пасйöд.

2.

Шуштöм талун му вылас и төла...
Локтан тэ,
И мейн садьмö радлун.
Сэки быттьö пыра төвся садьö,
Вуджөръяс көн вералöны чöла –
Быд кок туйлөн аслас сер и шылад.
Аддза сьөлöм – му пасьтаыс югыд.
Мед и руа берег дорыс мугыд,
Тэнö весиг сэтысь
Ловнам кыла.
Коркö тэ он лок, и помтöм лун
Мöда гартны, быттьö мудзöм тун.
Став му-васö бергöда ме соддзын,
Тэнсьыд мыгөр вайöдла син водзö.
Бöрдла, кодыр лолöс личкö лёк.
Гажтöм тадзи босьтлö зэра лунö,
Кодыр мөвпöй ас көсийтöг мунö...
Сийö локтас.
Сöмын тэ он лок.

3.

Волöмьд тэ! Югьд лысва войтъяс
Турун вылö сьвкнитöмьд тырыс...
Петкöдчылін вöтö – öтка тури
Лэбалö ми весьтöд вой шöр вояс.
Гашкö, сьлөн горзöмысь и садьми,
Петі ывлаö да чуйми быдөн:
Менö кодкö чукöсталіс пыдö –
Пöрысь кьдз пуяса гажтöм садьям.
Быттö ставнас востін ассьыд сьвтö –
Турун вылын сярвидзис тшöк кодзув.
Содзтырйөн тэ, көнкö, войбыд кöдзин...
Медым мунны менам сьөлöм вывті.

4.

Сэтшöм лöня торкöдчин – эг велав,
Инмöдчыліс мыйö ру кодь кьид.
Öні вöт моз кьлö морöс пиын,
Тайö, тайö шы вылас и кела
Лысва усьтöдз помтöм-дортöм видзсö,
Медым кöвтны тэнö востьöм лолö.
Тэныд веськодь, кутшöм платтьö новла.
Кöсья сетны, сьөлöмам мый видза.

5.

Тэ öні тані, мян вичко горйын,
Неьджьд öбраз... Лунсö вежö вой.
Ас дорад менö корöмөн тэ корин,
И – локті...
Кьлі тэö йöрмöм дой,
Кор аддзи тэнö.
Рьö быттö вöйи:
Син аканьястö перйöмны лөк йöз.
Кöть олан сямьд вöлі сэтшöм вöйс,
Но öні кодкö тэныд эскö оз?

Виль синъяс вöчис мастер
Вежавидза.
Ме наысь аддзи ассьым енэж рöч,
Но сьöлöмön ни вежөрön эг сидзав,
Кöть вöлі сійö асья ру кодъ сöдз.
...Эн кытчöкö, а ме дінö тэ воин,
И сэсся некор некытчö он мун.
Ме тöда – менам аслам андел лои
И мöдас видзны менö
Вой и лун.

6.

Тэнсьыд гижöд рöмыд пиас лыддя,
Абу ставыс вежөртана мем.
Век жö кывйын олысь мöвпыс пыдди
Кыла пессьысь вынъяс костын вен.
Кодыр лыблас төв ныр
Сэтшöм яра,
Пондас летны пуяссö...
А ме
Кöсья сюрны тэнад гажтöм арö,
Орччөн чöла восьлалыштны мед.
И ог торк ме сьöлöмыдлысь дiпкöм,
Сос помöдыд кватлавын ог мöд.
Пырам коръя сьöд пуяса дiö,
Шуан: тайö – медся мича вöт!

7.

Тэ пöртчин пуö, сувтiн менам йөрö,
И сэксянь лоим тэкöд сэтшöм матын.
И быттö век нин сулалöмыд татön.
И быд лун петiс шондi енэж шөрö.

Эг кöсйы тэнö лэдзны ме ас дорысь,
Но воис кад, и кайин енэж йирас,
Көн шондiыслөн ыззялöма вирыс...
Тi кыкөнöсь... а ме тан быттö корысь.

8.

Тэ волін – вöсни шонди визь
Коли менам стенö.
А кöнкö ылын-ылын сизь
Сизьдысис пу вемö.

Тэ вöлин тани либö сэн? –
Некор ог нин тöдмав.
Мед бөрйысьны эз ковмы мен,
Öшиньöс эг пöдлав.

9.

Тэ вочаалін катшасина виддзөн –
Оз судзсы сійöс топöдлыны сыв.
Но лов пыдöсöдз югыдлуныс сидзö,
И кöнкö матын-матын чужö кыв.

И кодкö коркö лэптас вунöм кывсö –
И ки пыдöсас пуксяс ловъя дзирд.
Морт висьтасьöмсö сылысь лöня кывзас,
Да вежөр пырыс ньöвйөн мунас вирд –

И пыдö-пыдö пырны сійöс корас
Вөр пиö дзевсьöм катшасина видз!
И радейтас, и вомдзалас, и ёрас
Быд дзоридзөн... а бөрнас сетас лич.

10.

Тэ талун пöтич
керка вевтöй вылысь.
Тэ талун тулыс! Югыд-югыд лун!
Мед асывсянь эг казьтыштлы тэ йылысь.
Но сэк жö некор вежöрысь он вун.

А арнас
волін төв нырөн ме йөрө
И пальөдін став пуясойлысь ун.
...Но пөрысь льөм пу войнас рутш-ратш пөри,
Көть ичөтсьянь ме чайтлі, сійө – тун.

Кор пөлыштавліс төвру ыджыд вынөн,
Ме весиг кылі вөр-ваислысь кыв.
И зэлавліс и личаліс сэк
Сынөд,
Но ме ог төд, тэ кылін ли эн кыв.

11.

Гусьөн бөрда – тупкыся ме кинам,
Нинөм өні аддзыны ог мөд.
Пытшкын быттьө садьмө кодкө мөд...
Синмөс дзеба –
Сьөлөм лоө синма.

12.

Синваөй доршасис,
визувтіс.
Кодкө
тыдавтөм кинас чышкыштіс сійөс.
Но коді васө койыштіс биас?
Енэжыс шуис: ог төд ме, ог төд...

Мыськалі лымйөн син тупкан русө
да аддзи: лэбөны пуясөй эсті.
– Кытчө нө? Кытчө ті?
– Шондісө пестам!

Кысь найө төдөны, мый сійө кусі?

13.

Вуджам Ку, а сэсса Ы, и пырам
Митьöv кладбищелөн крестъяс дорö.
Коді татчö волынысö корö
Катшасинсö öктыны ки тырөн?

Сöмын төвру шöйтö пуяс костöд,
Дикмöм, пöрысь – некодöс нин оз тöд.
Кок водзсыным гартлö васöд турун,
Косьмöм корйөн кышöдчöмөн дурö.

Ас пöль-пöчкöд панам векся сёрни.
Кöть и тöдам – сёрнинаным сёрмим.
Мый ми шуам, шуöмаён лоас...
Сійö кывйыс коркö миöдз воас...

14.

Тувччалан – оз вөрззы турун сі.
Тувччалан – оз гылав лысва войт.
Кок улад кө вöсни-вöсни йи,
Весиг сэтi вуджны аддзан сойт.
Кутшöм дивö менö босьтлö пыр
Тэнсьыд кок туй казьявны туй буссьыс,
Кевмыны, мед аскиöдз оз быр,
Кодыр лысва водз асылын усяс.

15.

Тэ юөн вöлiн, лысваён, и зэрөн,
И гора шорөн тулысывывсö збоя
Тэ вуджин уна васöдiн да керöс
И лэбачөн ме дiнö öтчыд воин.
Но эг тöд тэнö – вöтлi арся йирас,
И кор нин югдiс, сöмын сэки аддзи,
Мый öшинь улам точалöма вирыд,
Дерт, войнас волiн отсöг корны татчö.

Бөр косодны ли корны өні вынтөм,
И мед көть кызди чуксала – тэ ылын.
И дойыс өні менсьым сьөлөм кынтө.
А тэ и меысь ёнджыка на кылан.

16.

Волін татчө – колин пас:
Лов шысө ли Кывсө.
Вуджин вежа енму тас.
Өні кызди сьывсьө?

Чөвлун лои тэнад ёрт;
Мынан сьлөн сывйысь?
Сійос кыв мозыд он ворд,
Вынаджык на кывйысь!

2018 вося декабр 3 лун – 2019 вося май 25 лун.

Ворона

(Повесть)

Вероника

Жила-была ворона. Она любила всякие блестяшки: фантики, крышки от бутылок, флакончики от духов, ну, а если найдёт брошку со стёклышками – сердце её замирало от счастья. Все эти драгоценности ворона утаскивала в своё жилище на старой высокой берёзе.

– Вот и ты, дочка, похожа на такую же ворону. Тебе нравится то, что блестит, всё это ты готова унести в своё гнездышко...

Мама рассказала сказочку про ворону, когда мне было лет пять. Я всякий раз вспоминала об этом, когда перебирала в коробке из-под конфет свои нынешние «драгоценности» – серебряную цепочку, кулон из сердолика, брошь, – то, что дарили мне на дни рождения родители или бабушка. Всё это я хранила в обычной конфетной коробке. Конфеты съели, а вместо них в ячейки пластмассового вкладыша я помещала украшение. По одному в каждую ячейку-гнездышко. Удобно!

Мама оказалась права, говоря о похожести. Когда я была маленькая, в гостях выпрашивала у хозяев всякие блестящие пустячки вроде пластмассовых колечек, кулончиков, брелоков. Все с удовольствием уступали ребёнку ненужные, неведь как попавшие в дом, побрякушки. За всю мою последующую жизнь эта мелочовка растерялась, но одна побрякушка... нет, её нельзя так назвать... один брелок хранится у меня до сих пор. Маленький козлик из прозрачной пластмассы. Цепочка и кольцо для ключей на нём почти не бросаются в глаза, а заметен вот этот козлик с крутыми рогами. Когда нажима-

ЕЛЕНА ГАБОВА

Елена Васильевна Габова родилась в Сыктывкаре, закончила среднюю школу № 1 и Всесоюзный государственный институт кинематографии (ВГИК). Лауреат литературных премий В. Крапивина, имени А. Толстого, П. Бажова, А. Грина, лауреат премии правительства Республики Коми. Рассказы и повести Е. Габовой переводились на английский, немецкий, норвежский, японский и другие языки. Автор многих книг для детей и подростков, вышедших в Москве, Киеве, Сыктывкаре. Две книги опубликованы в Японии. Произведения Е. Габовой печатались в журналах «Кукумбер», «Костёр», «Пионер», «Юность», «Слово», «Наш современник», «Таллинн», журналах Японии и Республики Коми.

ешь на его спину, внутри переливается свет – красный, зелёный, голубой. И сразу вспоминается сказка «Серебряное копытце» – тот момент, когда из-под копытца лесного козла вылетают разноцветные драгоценные камушки.

Козлик успокаивал меня в моих горестях: от пустяковых – вроде тройки за диктанты в младших классах, до обидных – вроде записки Кати Стрекаловой о том, что они с Вилей Вельсом три раза ходили в кафе. Эта записка случилась всего неделю назад. Катя (она сидит на парте сзади меня) дала мне её на физике. Толкнула в спину и дала. Я и так физику не люблю, а тут ещё эта записка. До того стало муторно, хоть выбегай из класса. Виля Вельс мне нравился, об этом знала только Катя Стрекалова. Я ей буквально за два дня до записки по секрету сказала.

Была очередь дежурить по классу, а моя соседка по парте Наташка Круглова заболела. Катя сидит одна. Вот Классная Лилия и сказала, чтобы мы подежурили вместе.

После уроков, убрав класс, мы сели за Катину парту. Я люблю наш класс. Люблю цветы на подоконниках, люблю портреты великих биологов, которые вот уже третий год смотрят на нас со стен. А когда класс пустой, мне он ещё больше нравится. Он будто наряжается в таинственность. Все наши дневные разговоры, споры на переменах, объяснения учителей никуда не деваются, а превращаются во что-то неизвестное науке и витают вокруг нас, сидящих в одиночестве в пустом классе.

Сидели мы с Катей, дышали этим неизвестным. Я никогда не была близка с этой девчонкой. Мы с Наташей дружим. Но вот тут я проявила слабость и призналась, что мне нравится Виля. Конечно, слабость! Можно сказать, раскрылась перед змеей. А разве она не змея? Ведь она прислала записку, уже зная, что мне нравится Вельс, чтобы я помучилась.

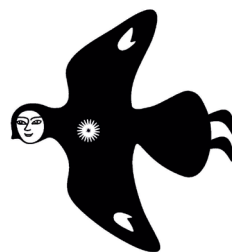
Вилька красивый. У него длиннющие ресницы и чёлка, закрывающая лоб. Я не понимаю, как парням удаётся быть такими красавчиками. Ведь они не красятся. И ещё он очень умный, даже физику знает на отлично. Я перед отличниками по физике преклоняюсь. Потому что совершенно, совершенно не понимаю её задачи – как их можно решить? Прочитав записку, в школе я как-то сдерживалась, а когда пришла домой, схватила свой талисман, нажала на спинку и разревелась. Посыпались из-под копытца разноцветные камушки. С недавнего времени мне стало казаться, что это мои горячие слёзы.

Конечно, я понимала, что перспектив подружиться с Вилей у меня ноль. Да я вообще-то не сильно хотела! Мне он нравился как чудная картинка, и я мечтала о нём, как о журавле в небе. Понимала, что он недостижим. Я не понимала другое: зачем Кате записки писать про себя и него? И отдавать их именно тому, кому нравится Виля, то есть мне? Ответ напрашивался сам собой: чтобы сделать мне больно. Я и заплакала-то от обиды. Кто я такая? Кому могу понравиться? Никому.

В школе я написала ответ:

Рада за тебя, Катя.

И, не оборачиваясь, бросила через плечо перед Катиным носом.

Брелок в конфетной коробке не помещался. Лесной козёл на крошечных копытцах стоял на подоконнике в моей комнате. Елисейка ещё не мог до него дотянуться. Когда брат подрастёт, уберу талисман повыше. А если кто-то скажет, что это копеечная побрякушка, я обижусь и на ляпнувшего подобную чепуху долго буду коситься.

Когда мама увидела у меня коробку из-под конфет с моими нынешними «драгоценностями», она посмеялась и сказала, что я очень изобретательна.

- Ничего не скажешь, удобно – каждая вещь на своём месте. Но ведь смешно.
- Мне не смешно, – фыркнула я.
- Смотрится уж больно убого.

«Убого!» – сказала мама. Для женских украшений нужна красивая шкатулка, а не картонка из-под конфет. А мне нравится коробка. На ней изображены красные розы. Люблю розы. Даже просто нарисованные. К тому же конфеты подарили парни на 8 марта. В этом, выпускном, классе они в Международный женский день каждой девочке что-то подарили на память. Раньше ничего не дарили. Повзрослели. Так неужели я выброшу эту коробку? Пусть и пустую, без конфет – их мы семьёй съели в тот же день. Да ни в жизнь не выброшу. Можно сказать, первый подарок от представителей другого пола. Мне она дороже всяких бриллиантовых шкатулок. Да, мама, да!

Когда мама рассказала мне, пятилетней, сказочку про ворону, я спросила:

- Мама, а ворона моя сестра?

Мама засмеялась.

- Судя по тому, что любите одно и то же – вы сёстры.

- А меня ведь и зовут как ворону – Вороника...

– Не Вороника, а Вероника, – мама ещё раз засмеялась и крепко-крепко меня обняла. – Воронёнок ты мой глупый-глупый.

Она меня так обняла, что я очутилась вся-вся внутри неё, в темноте, почти в её животе, как тогда, когда я плавала там, в безвоздушном пространстве.

И я полюбила ворон, этих чёрно-серых птиц с треугольными клювами.

Места в детском саду не нашлось, и каждый день мама отвозила меня к своей сестре Алине. Тётя не работала, и всем нравилось и было удобно, что она домохозяйка. Мне нравилось у неё, она разрешала долго смотреть мультики, в отличие

от мамы, и ещё тётя Аля пекла вкусные пироги с брусникой и часто делала блинчики. Я ела их с рябиновым вареньем. Все со сметаной ели, а я выбирала варенье. Оно у меня до сих пор любимое. Оно такое... необычное. Чуть-чуть с горчинкой. Чуть-чуть, и даже ещё меньше, на такое маленькое количество даже слова не придумали.

Если бы не двоюродный брат Лёнька, я была бы готова даже ночевать у тёти Али и даже вообще домой не возвращаться. Такая она добрая, мягкая, почти пушистая. А вот Лёнька мне сильно досаждал. Между мной и ним была огромная разница в возрасте, мне тогда так казалось – огромная. Мне пять – ему десять, мне – шесть, ему – одиннадцать, ну и так далее по ходу жизни. Лёнька называл меня «вороной». Сначала мне это нравилось, ведь я думала, что ворона моя сестра. А потом я поняла, что тут что-то не очень хорошо. Что Лёнька как-то противно меня называет. Слишком громко он каркает: «Вор-р-рона!», слишком подчёркивает звук «р». За всякий промах, когда ругать надо, а не хвалить. Что-нибудь уроню – «Ворона». Что-нибудь скажу не так – опять обзывается, споткнувшись о ковёр – снова: «Ворона!» Наконец, я поняла, что быть вороной, по мнению Лёньки, очень плохо. И по мере того, как я росла, эта кличка становилась всё обиднее. Он меня вообще достал, этот Лёнька. Но что я с ним могла сделать – с большущим? У него были хитрые глаза, аккуратный школьный чубчик и вельветовые штаны. Почему-то Лёнька любил вельветовые штаны. Наверное, тётя Аля покупала их потому, что они были дешевле других, а потом Лёнька к ним привык. А что, классные же – не мнутся.

Зимой, ближе к вечеру, двоюродный брат тащил меня на прогулку. Даже если я не хотела. Тётя Аля сына поддерживала:

- Тебе, Ника, надо подышать свежим воздухом.
- Воронам полезно гулять! – кривлялся Лёнька.
- Зачем же ты Веронику обзываешь? – защищала меня тётя Аля.
- Я не обзываю! – издевался Лёнька. – Я и говорю: Воронике гулять полезно.

Тётя Аля не замечала, что он моё имя переименовывал.

Естественно, гуляли мы с мальчишками. Встречались на деревянном мостике через овраг. Мальчишки – их было четыре-пять – показывали друг другу закачанные в телефоны клипы, фотки, слушали музыку. На телефонах музыка всегда оказывалась плоская – ненастоящая, слушать её было скучно. Потом шли кататься на санках. Кто на круглых ледянках, кто – на обычных. Около дома тёти Али был овраг, на который наступали многоэтажные дома. Перед оврагом многоэтажки резко тормозили – такие большие, просто огромные, они всё-таки не могли перешагнуть овражек, и мне это казалось смешным. А овраг казался волшебным: он не пускал громадных стоглазых драконов к старым двухэтажным домишкам. На санки мы ложились пузом, и когда они набирали скорость, снежные брызги обдавали разгорячённые лица – вот было здорово! Лёнькины друзья научили меня съезжать на животе. Прежде я съезжала на пятой точке –

моя ровная спинка прислонена к железной спинке санок. Склоны у оврага неровные, и мы катались не по всем, конечно, а по укатанным, наиболее удобным. И всё равно мои санки всякий раз опрокидывались, и Лёнькины приятели смеялись до слёз. До моих слёз, имею в виду.

Был там один мальчишка, ещё повреднее Лёньки, он скатывался с противоположного края оврага именно в тот момент, когда начинала катиться я, и я страшно боялась с ним столкнуться. Даже визжала, когда была маленькая, когда была ещё Вороника. Кстати, мальчишкам Лёнька тоже говорил: «Её зовут Вороника». И они меня так называли, а вредный Борька звал «воронёнок». Но мы с ним ни разу не столкнулись, потому что лёжа на животе, оказывается, можно было санками управлять. И Борька отворачивал свои санки в последний момент. И смеялся, показывая белые и мелкие, как снежинки, зубы. Именно он научил меня кататься на животе, сняв с моих санок детскую спинку.

...И вот я выросла. Лёнька тоже. Всякое было у нас с моим двоюродным братцем. Часто тётя Аля уходила по своим делам – в магазины, к подругам, и тогда я испытывала то, что в армии называлось «дедовщиной». Лёнька заставлял меня заваривать чай, чистить вельветовые брюки, если они оказывались запачканы на коленках, прибираться в его раздутом школьном рюкзаке, в котором чего только не было! Кроме учебников и тетрадей – засохшие кусочки хлеба, шоколада, крошки печенья, гвозди, булавки, детали от лего, проволока... Всё это нужно было сортировать, вытряхивать рюкзак и складывать обратно учебники и тетради. С другой кучкой отсортированных вещей Лёнька разбирался сам. Иногда ему хотелось, чтобы я лаяла и мяукала. Приезжая домой от тёти Али, я часто нажимала на спинку своего талисмана, и мои слезы превращались в разноцветные камешки. Брать брелок с собой я не смела, знала, что Лёнька отберёт в тот же миг.

Он научил меня играть в карты. В подкидного я играю с пяти лет. А ещё была такая игра, она называлась – «Пьяница». Я всегда проигрывала, и Лёнька больно бил меня по носу колодой карт. «Так всегда поступают с проигравшим», – объяснял он. Когда за мной заезжала мама, она удивлялась, почему у меня красный нос. И я не смела пищать и жаловаться, потому что с кем мне потом играть, если Лёньку накажут и он на меня рассердится. А мне нравилось играть с ним, жестоким. И ему нравилось со мной. Когда было скучно, что ему оставалось делать? Играть со мной. Сидеть в интернете Лёньке не разрешали.

Теперь мне семнадцать, а Лёньке – двадцать два, он заканчивает колледж. К нему приходят друзья, и если в это время мне случается быть у тёти, я тоже хочу к ним, в Лёнькину комнату, – послушать музыку и о чём они там говорят. Но Лёнька меня прогоняет.

– Иди отсюда, Ворона!

- Ты чего так с сестрой? – спросил в последний раз один парень.
- Да ну её! Ворона – ворона и есть.
- Зачем же ты её так называешь?
- Да её так звать! – соврал Лёнька. – Вороника!
- Вероника, наверное, – поправил парень. И посмотрел на меня с сочувствием.

Два года назад я каталась на лыжах в лесу. На подъезде к городу увидела двух мальчишек, рассматривающих что-то чёрное на снегу. Один из них тыкал в это «что-то» лыжной палкой. Приблизившись, я поняла, что перед ними раненая птица. Ворона. Она была одним крылом, шоркала им по снегу, пытаясь отползти, спрятаться от изуверов. Второе её крыло совсем не работало. В следующую минуту я увидела, как тот же пацан нацелил остриё лыжной палки прямо в воронью грудь, где должно быть сердце. Не знаю, что со мной случилось, только я подлетела к нему стремительно, толкнула его и заорала:

- Не трогай!
- Парнишка свалился в снег и забарахтался в сугробе.
- Ты чего-о? Ненормальная, да? – завопил он оттуда.
- Она живая, дурак!

Я воткнула в снег лыжные палки и подняла раненую птицу. Глаза у неё уже покрывались синей плёнкой. Но она была живая, я услышала слабый гортанный звук.

– Нет, ты правда ненормальная! Это же ворона! – мальчишка поднялся и стал вытряхивать из рукавиц снег, с ненавистью глядя на меня. Его спутник стоял, разинув рот, не зная, что предпринять.

- Живая! – снова крикнула я.

Я положила ворону в свою лыжную шапочку и взяла с собой. Ничего эти парни мне не сделали: наверное, потому что были младше. Смотрели только вслед, вылупив глаза. Меня трясло всю дорогу. Я шла с непокрытой головой до автобуса и от него до дому. Даже простыла тогда.

«Это же ворона!» Ужасно! Не понимаю, как можно делить живое на людей, животных, птиц... Всё живое испытывает боль. Вот того бы парня самого так – лыжной палкой, остриём...

Я отвезла птицу к нам на станцию юннатов. Я хожу туда с пятого класса. Мы её вылечили. Она до сих пор живёт на станции, ворона Галя. И очень любит, когда дети, приходящие туда на экскурсию, разбрасывают блестящие конфетные обёртки. Собирает их к себе в гнездо, которое устроила на ветках сухой берёзки, – деревце стоит у нас в зале в углу. Его привезли из лесу специально для Гали.

Я почувствовала себя такой же раненой вороной, когда меня Лёнька обозвал перед своими приятелями.

Шла домой и глотала слёзы от обиды.

Я вспоминала, как этот парень на меня поглядел: не то чтобы с жалостью, но взгляд у него был такой... тёплый. Он невысокий, коренастый. Глаза большие, тёмные. Не знаю, как его звать.

Неужели он с Лёнкой будет дружить?

Лучше бы со мной подружился.

Потому что хотя мне и нравится Виля Вельс, я не прочь подружиться с любым парнем, ровесником или постарше. Потому что Виля мне нравится... ну как красивый киноактёр или певец. Я ведь не льщу себе надеждой, что какая-нибудь звезда познакомится со мной и в меня влюбится.

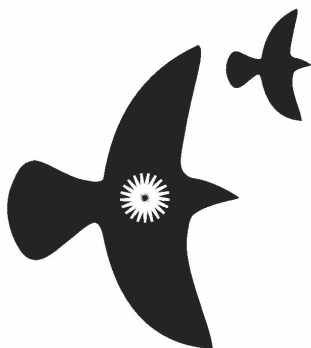
На улице конец марта. Последний школьный снег тает со страшной силой. Почему снег «последний школьный»? Потому что скоро у нас последний звонок, выпускные экзамены. В июне – выпускной вечер. И всё. Я закончу школу. В нашем классе сейчас жизнь пронизана только этими недалёкими в будущем событиями. Ничего другого больше не существует. Последний звонок, ЕГЭ, выпускной – ключевые слова.

Я живу на шестом этаже. В нашем доме умудрилось поселиться пять человек из нашего класса. Двое вообще в нашем подъезде. Думаете, мы дружим? Нет. Прямо под нами живёт Папуас. Так мы прозвали Кольку Лемешева за то, что он почти в любую погоду ходит в школе в растянутых футболках и бандане. Только в самые крутые морозы переодевается в толстовку. Интересно, что он наденет на выпускной вечер? Ему бы очень подошли юбочка из пальмовых листьев и перья на голове. А под Колькой-Папуасом живёт ещё один одноклассник – Витёк Кетов по прозвищу Кед. Он почему-то девчонок не любит и со мной даже не всегда здоровается. И везде говорит, что не существует любви. На двадцать третье февраля мы с девчонками подарили ему книжку про любовь, так он разделался с ней как тузик с грелкой – всю изорвал и выкинул в урну. И снова сказал, что любви не существует. Он даже не сказал это, а продекламировал, как артист: «Люби нет, девки», только что на стул не вскарабкался. Мне его жаль.

Мы живём в районе новых многоэтажек, в центре воткнута школа. Так что все одноклассники живут от неё буквально в двух шагах.

На улице установилась тёплая погода, и мой балкончик открыт. Дорога, где грохочут машины, от нас далеко, мы в глубине двора, так что тут относительно тихо.

И вдруг я услышала, как на балконе под нашим кто-то громко задышал. Жутко громко. Вздохи были неравномерные, больные. Я сидела за компом, просматривала сайт, посвящённый ЕГЭ по русскому, очень полезный, между прочим, и слушала это дыхание с огромным сочувствием к больному. Мне стало жалко того, кто вышел подышать воздухом на балкон: лёгкие у человека, наверное, вообще дырявые. Кто

бы это мог быть? Насколько я знала, старичков здесь нет. Мама-папа Кольки Лемешева на вид вполне здоровые. Может, бабушка из деревни приехала? Больной дышал таким образом очень долго. Иногда между вдохами проходила целая вечность. И было странно, что человек ещё не умер там у себя на балконе. Я не выдержала, вышла на свой балкон, перевесилась через перила и посмотрела на соседский.

Ха-ха! Умиравший был не кто иной, как Колька Папуас. Нет, дышал не он, и даже вовсе не человек. Если бы в самом деле умирал Колька, стала бы я смеяться? Я бы вызвала скорую! Папуас вообще сильно здоровый. Никаким фитнесом не занимался – я точно знала, а бицепсы у него – ого-го! Как у тяжеловеса. А дышал так по-больному не он, и вообще никто, как я уже сказала, а просто-напросто литровая бутылка из-под воды. Она курила. Да! Именно! Колька сделал в крышке отверстие, всунул туда сигарету, зажёл её и надавливал на бока бутылки. Господи, как будто он шестиклассник! Бутылка с шумом «выдыхала» воздух, и на кончике сигареты вспыхивал огонёк. Потом Папуас силился округлить бутылку, но вдыхала она гораздо хуже, отсюда и болезненное дыхание. Вообще бутылке курить явно не нравилось. Колька разозлился и кинул неудачницу во двор вместе с сигаретой.

– Эй, Папуас! – крикнула я. – Бегом во двор, мусор поднимать!

– Ага! – воскликнул Колька, подняв лохматую голову. – Разбежался! Сейчас! Прямо с балкона прыгну! Ласточкой! Хочешь?

– Конечно, хочу, а как ты думал! Давай!

– Фига не хочешь, Дымова?

У него даже жаргон шестиклассника!

Да уж, поднимет он. Придётся самой поднимать и в мусорный контейнер выбрасывать.

АКИМ

Когда я был сильно маленький, я не думал, что мальчики и девочки чем-то друг от друга отличаются.

Я думал, если родители хотят, чтобы у них была девчонка, они просто надевают на ребёнка платьице и не водят в парикмахерскую. А если хотят парнишку, то, наоборот, коротко стригут и надевают шорты.

В детский сад я не ходил. Гулял на детской площадке во дворе. А однажды пришёл домой с прогулки и заявил, что завтра хочу быть девочкой, так как Маринка со мной не играет, так что ты, мама, дай мне завтра платье, а как там дальше – посмотрим. Если мне понравится девочкой быть, так навсегда и останусь. И ещё добавил: пусть меня зовут как-нибудь по-девчачьи, я вообще-то хотел бы называться Машенькой.

И тут папа резво убежал в кухню и стал там ломиться от смеха, а мама сказала, что им не нужно никакой Машеньки, а нужен именно Аким Зимин, и никаких вообще платьев.

Тогда я тоже убежал в кухню и рядом со смеющимся папой начал горько плакать, потому что очень хотел играть с Маринкой, а она с мальчиками не дружила.

Когда мама рассказала мне эту историю из моего древнего детства, я хохотал. Потому что понятное дело: сейчас-то я совсем не хочу быть девчонкой. Правда, с некоторых пор меня тянет с кем-то из них дружить, как вот тогда с Маринкой, но это уже другая песня. Тогда мне хотелось дружить как девочка с девочкой, а теперь мне хочется тусить с девчонкой как нормальному парню. Я сейчас об этом вообще часто размышляю. И присматриваюсь к нашим девушкам в классе. На кого из них обращают внимание парни? Ну, во-первых, на Наташку Круглову. Но обращать сильное внимание на Круглову занятие тупое. Наташка занята и вполне довольна судьбой – у них сложившаяся пара со Славкой Красильниковым. И мне совсем не хотелось эту пару разбивать, да я бы и не смог: Славик – смуглый красавец и высокий, а у меня в плюсе только рост, а до красавца мне как до спутника Марса.

Обращают внимание на Катерину Стрекалову. Тоже симпатяга. Тоненькая, как тростинка. Но тоже занята, с Вилькой Вельсом стала тусоваться. Да что такое! Как девочка посимпатичнее, так на неё уже планы у парней.

Недавно я подсел на ретро-фильмы. У мамы со школьных лет остались видеокассеты и старый видик. Она полезла в кладовку что-то искать и наткнулась на них. Маме захотелось вспомнить юность, она выгребла доисторические видеокассеты с видеком, уговорила папу настроить его и поставила «Сто дней после детства»¹. И я совершенно случайно присоседился к маме на диванчик. Карти-

¹ Фильм режиссёра Сергея Соловьёва, 1975 г.

на была такая красивая, реально художественная. И про любовь. А говорили, в Советском Союзе фильмы про подростковую любовь не снимали. Вот неправда. И я стал смотреть всё подряд, что нашёл: «Доживём до понедельника», «Розыгрыш», «Чужие письма»². Отличные фильмы оказались! Сильно наивные, но это пусть. Я пожалел, что сейчас про наш возраст кино не снимают. Фильмы по телику – про милицию-полицию-тюрьму, как будто общество разделилось на сыщиков и преступников и других категорий людей больше не существует. Среди моих знакомых взрослых нет ни одного сыщика или бандита. Ещё по телику крутят сильно запутанные любовные сериалы, в которых кто-то обязательно кому-то изменяет: жена – мужу или наоборот. Как будто нормальных семей не бывает. Наша – пример, не надо далеко бегать. Образцовая вообще семейка. Папенций до сих пор маму на руках носит.

Мне интересно про свой возраст – книги, фильмы, рэп. Я не люблю энциклопедии и познавательные книги, ну просматриваю их, конечно, но они меня не увлекают так, как нашего Митьку Алёшина, который в них потонул, одна макушка торчит. Может быть, я инфантильный какой, но по моему мнению – нормальный, без отклонений. Ну вот. Я посмотрел мамину киноколлекцию и удивился, какие же фильмы классные делались в советское время. Почему же сейчас ничего такого не снимают? Что, мы стали хуже? Да нет же, мы стали лучше, и жизнь у нас как-то порезвее: мобильники, иномарки, компьютеры, заграница... Я стал искать фильмы по онлайн про наш возраст. И нашёл только один – «КостяНика. Время лета»³. Только один, прикиньте! А потом мне попался снова старый фильм «Вам и не снилось»⁴. Мне и не снилось, что эти два фильма меня изменят и решат мою дальнейшую судьбу. Особенно «Вам и не снилось» меня добил.

Герой фильма Ромка оставил однокласснице Кате магнитофонную запись, и она слушает его голос: «Слепуха моя, как хорошо, что ты маленькая». Ромкина девчонка – самая крошечная в классе, а ещё она носила тупые очки. И вообще героиня фильма, по моему мнению, была так себе девушкой. А Ромка на неё запал. И меня вдруг пронзила мысль – именно пронзила, навывлет, как стрела: почему я, Аким Зимин, и другие парни обращаем внимание только на симпатичных девчонок? И говорим между собой только о таких, а незаметных не видим. Конечно, потому и не видим, что они незаметные. Но ведь они тоже люди и тоже ждут внимания! Почему до этого никто не додумался?

Перед сном, когда в голову лезут самые важные за день мысли, я стал думать о фильме и вспоминать одноклассниц. Начал с первой парты. Вспоминал личико

² Фильмы: «Доживём до понедельника» (1968 г., реж. Станислав Росткоцкий), «Розыгрыш» (1976 г., реж. Владимир Меньшов), «Чужие письма» (1975, реж. Илья Авербах).

³ «КостяНика. Время лета» (2006 г., реж. Дмитрий Фёдоров).

⁴ «Вам и не снилось» (1980 г., реж. Илья Фрэн).

и решал: красивая это девушка или нет? Я вдруг решил с кем-нибудь из девчонок зафрендить, но выбор свой остановить на той, которая была для всех незаметна. Словом, мне захотелось проявить благородство и осчастливить дружбой с собой некрасивую девушку.

Первая парта у окна в нашем классе свободная.

На второй сидит та самая Наташка Круглова.

Наташка почему-то всегда вспоминается первой, даже и парта ни при чём. Чуть что – сразу думаешь о Наташке, звезде первой величины. Какая у неё шея! Просто лебединая. А глаза? Прочь, видение, прочь, она сейчас по боку...

Далее идёт Катя Стрекалова... о ней мы уже упоминали. Гоним дальше...

Вот длинная нескладная Геля Титова. Боевая девчонка, и парни её уважают. А на дискотеках Геля всегда в тени, парни не приглашают. Наверное, потому что фигура у неё нескладная, совсем ещё подростковая, одни углы. Личико у Гели обычное, круглое, глаза небольшие, нос чуть широковат. Непримечательное лицо, но разве Геля в этом виновата? А ведь нормальная девчонка, что ни попросишь – сделает. Сколько раз ребята просили её подежурить вместо них – она хоть раз отказала? И меня, было дело, выручала. У кого есть запасная ручка? Всегда у Гели. У кого можно телефон выклянчить и попросить позвонить, если свой дома забыл? У неё.

Далее скачем. Саша Пеночкина и Надя Воробьёва. О, у подруг даже фамилии птичьи, только сейчас заметил. Саша хорошенькая, она Митьке Алёшину нравится, их супермену-книжнику. Так что оставим будущую пару в покое. Надя... О ней мне думать не хочется. Она толстая. Я понимаю, она не виновата в этом. А может, и виновата? Может, ест много? Но даже и не это главное, Надья жуткая язва. Попади к ней на язычок, мало не покажется: съест. (И ещё больше растолстеет, ха-ха!) Так, мимо, мимо, по течению...

Лада Данилова. Маленького роста, как Катя в фильме «Вам и не снилось». Носик у неё остренький, ножки мускулистые, голосок как у птички – пи-пи-пи, чик-чи-рик... мимо. Мимо... Эля Устинова. Худая как щепка, с бледным, в веснушках, лицом. С причудами. Посреди любого урока вдруг заревёт и резво выскакивает из класса. Может, у неё дома что-то не ладится? Надо бы у девчонок поспрашивать. Лизка Звезда. Плоская как доска.

Я «прошёлся» по всем девчонкам и понял, что в нашем классе незаметных гораздо больше, чем тех, о которых говорят парни, с кем дружат, кого приглашают на дискотеках. Больше, оказывается, их, незаметных! Вот так!

Решимость подружиться с незаметной девчонкой во мне укрепилась. Пусть хоть одна из таких будет счастлива. Я точно смогу её осчастливить. Я хороший! (И скромный, а как же!) Не отличник и не спортсмен, хотя спорт люблю. Но я парень. И хочу дружить с девушкой. Время пришло. А о том, что все девчонки на свете мечтают подружиться с каким-нибудь мачо, мы с парнями ещё в восьмом классе, в бурных спорах, выяснили.

Всех перебрал? Никого не забыл? Стоп! А Наташка-то с кем сидит? С Вероникой Дымовой. С красавицей? Нет. Незаметной? Да! Вот ведь, пропустил. Наташка потому что всех затмевает. И так, Дымова. Невысокая. На лице небольшой носик, губы яркие. Глаза... глаза, кажется, голубые? Или зелёные? Нет, он не знает, какие у Дымовой глаза. Парни не обращают на неё внимания. Может, и зря. Правда, Вероничка сама виновата: до сих пор волосы в косы заплетает и цепляет их по бокам головы. Этакие еловые шишки. Несовременно. Может, эта привычка отбрасывает Дымову за барьер привлекательности?

Она умная. Особенно от биологии тащится. Со всякими пестиками-тычинками возится. Кажется, она до сих пор бегаёт на станцию юннатов – в наши-то годы! Как-то слышал, она рассказывала девчонкам про ворону Галю. Ворона – Галя, ха-ха! Надо же такое придумать! Что поделаешь – страсть. Я же вот люблю машины и не могу их разлюбить только потому, что мне восемнадцать стукнуло. Наоборот! Сейчас-то и наступает время практической к ним любви! Жду не дождусь, когда мне купят какой-нибудь драндулет. Папенций обещал.

На следующий день я зашёл в класс и сразу глянул на Дымову. Сидит на своём месте и зубрит физику. Ушки с шишками прикрыла ладонями, чтобы не мешал окружающий шумный мир. И вдруг... гля, ребята, да она – ничего! Или мне показалось? Цвет лица симпатичный. А глаза? Какого цвета глаза? Дымова, подыми глазки... Покажи личико...⁵ Не поддаётся гипнозу. Ладно, потом гляну, куда торопиться? А то, что симпатия, – да точно! Куда мы с парнями раньше смотрели? А ведь я обещал самому себе, что выберу незаметную девушку, не уродину, конечно, не такой уж я извращенец, но несимпатичную, по крайней мере. Что ж, значит, Вероничка не подходит? Но менять объект уже как-то не хочется, я уже к Дымовой привык, то есть привык к мысли о ней. О'кей, несколько дней просто понаблюдаю. Ну а там – «будем посмотреть», как говорит папенций.

В первый день я ничего не понял. Но выяснил, что глаза у неё точно голубые. Ярко-голубые. Весенне-голубые. А всё остальное до того обычное... внимания не на чем остановить. Вот она болтает с одноклассницами. Улыбаясь, что-то рассказывает, почти не жестикулируя. На ней безрукавка поверх тонкого белого джемпера, руки спрятала под мышки. Мёрзнет, что ли? Кровь плохо греет? Когда другие девчонки над чем-то смеялись, она улыбалась. Хорошо! – я не люблю хохотушек. Отчего-то не люблю, да и всё. Мне нравится сдержанный нордический характер. Наверное, потому что сам смеюсь за двоих.

На последней перемене я хотел подойти к Веронике, пригласить в кино или погулять просто так. На улице – хорошая, добрая, без слёз, то бишь дождя – вес-

⁵ Фраза из кинофильма «Белое солнце пустыни» (1969 г., реж. Владимир Мотыль).

на. Снег весь утёк. Поскакали бы в парк, зашли бы в кафешку... Я ходил кругами и квадратами вокруг Дымовой, и... так и не посмел пригласить. Никогда не был робким, и вдруг... А, я вот что подумал: а что она подумает? Ни с того ни с сего – Зимин в кино приглашает. Да с ходу откажет! Терпеть не могу, когда отказывают. Я задумался: а хочу ли я её пригласить? Хочу? Серьёзно? Да нет же у меня особого желания! А что парни подумают? Ни с того ни с сего Дымку в киношку зовёт. Что это с Зимой? Ладно, повременю. Поработаю ещё наблюдателем... Мой объект (субъект правильнее) прямо по курсу – я на последней парте сижу. Далек гляжу... «Субъект Дымова» – смешно. «Шпион Зимин» – ещё смешнее!

За дни наблюдений я вдруг открыл, что Дымова удивительно следит за собой. Потому удивительно, что эта аккуратность раньше не бросалась в глаза. У неё с собой всегда носовой платочек с кружавчиками. Чистюля! Я в столовой видел и сегодня, и вчера, и позавчера. Чёрт, а это как-то привлекает внимание. У девчонки платочек вроде бы всегда должен присутствовать, но у других я не видел, чесслово. В столовой девчонки влажными салфетками пользовались.

У Дымовой светлые джемпера, а если кофточки под безрукавками, то белые. Я, конечно, не очень-то в шмотках разбираюсь, но понял, что Вероника одевается со вкусом.

На парней она – ноль внимания. По-моему, мы для неё вообще не существуем. Это нужно как-то менять. Да что такое! Ведь нам по семнадцать! Пардон, мне уже восемнадцать, я в школу с семи лет пошёл. Я вообще самый из всех старший и даже старый. Поэтому в институт мне нужно обязательно в этот год пробиваться. Как-то мне не хочется со школьной скамьи сразу в армию прыгать.

...Я улыбнулся Дымовой на перемене. Встретил в коридоре и сделал улыбку. Да ещё и подмигнул! Она удивлённо вскинула глаза: в чём дело? Да, точно, я снова заметил: голубые! Резко голубые! Она не улыбнулась в ответ, увела взгляд в сторону. Как-то это меня даже задело. Я для неё – пустое место!

Как раз мимо прошли Наташка со Славиком. Они из буфета возвращались, всегда туда вместе бегают, как семейная пара. У подоконника о чём-то болтали Виля с Катей Стрекаловой. В классе склонились над общим учебником Вадим Разманов с Викторией Тирановой. И так мне захотелось с кем-нибудь в буфет вместе бегать, у подоконника болтать, книжку читать общую – я аж зубами заскрипел.

Сидя на последней парте, удобно наблюдать за всеми. Раньше, когда Дымову вызывали к доске, я и не думал её слушать, а теперь стал интересоваться. И что? Вероника отвечала негромко, иной раз приходилось локатор в её сторону поворачивать, чтобы услышать.

Ответ как ответ. Всё правильно, как в учебнике. Никаких своих слов, своих мыслей, эмоций.

Я даже стал думать, что выбрал не тот субъект. Скучная какая-то девушка. Скучная и правильная. Я сильно правильных не люблю. Потому что сам не очень

правильный. Не очень серьёзный. Часто хихикаю. От учителей я слышу чаще всего: «Аким! Будь серьёзней!» Люблю разные приколы. Если учительница по литре просит прочесть «Старуху Изергиль» Горького, могу спросить: «Из чего старуха?» – люблю, чтобы ребята поржали. Да, снова о Дымовой. Чтобы оправдать своё отступление от этого «субъекта», я даже решил, что она недостаточно незаметна. А если распустит волосы по плечам, станет вообще резко привлекательной. Может быть, даже красивой. Я обрадовался, что не пригласил её в кино.

И на всякий случай стал приглядываться к другим девчонкам в классе.

Но... ни к Лизке Звездиной, плоской как доска, ни к Ладе Денисовой с мускулистыми ногами меня ну никак не тянуло. Да, они супернезаметные, и, если я поставил себе целью подружиться с такой, – вот же, дружись, осчастлививай! Но ни малейшего желания не было. Я предательски отворачивался и от Лизы, и от Лады.

А может, я просто схитрил? И выбрал себе всё же симпатичную девушку? Ладно, может, Ника и симпатичная (почему же этого тогда никто не видит?), главное, что я к ней уже не совсем равнодушен. Но ещё не влюблён. Наверное, нельзя заставить себя влюбиться. Это должно произойти не просто так. Должна быть вспышка!

Вероника

Я никогда не смотрюсь в зеркало. Почему? Не знаю. А, вот почему, вспомнила. Это опять же из глубокого детства. Раньше, стоило мне подойти к зеркалу, чтобы посмотреться, тут же за моей спиной, как чёртик, вырастал Лёнька и начинал кривляться:

– Кращивая, кращивая...

Он нарочно шепелявил, чтобы я лучше поняла, какая я на самом деле «красивая».

Я сразу краснела и отходила. Мне становилось стыдно, что решила на себя полюбоваться. И это Лёнькино шепелявое «кращивая» говорило: тебе ли любоваться собой? Надо было понимать наоборот: ты – уродина, и любоваться смешно.

Так что меня от зеркала двоюродный братец отучил. Теперь я к нему вообще не подхожу. К зеркалу, не к Лёньке. Да и к Лёньке тоже. Зачем он мне нужен? А зеркало нужно, конечно, но теперь мы с ним антагонисты. Так, где-нибудь мельком в школе гляну на себя и только расстроюсь. Ничего особенного во мне нет. Абсолютно. Лицо как лицо. Лёнька недаром всегда издевательски смеялся и обзывал Вороной.

Вот Наташка Круглова из нашего класса – да-а! Красавица. Волосы светло-

русые, даже какие-то серебряные, ну необычного цвета, неземного, я бы сказала. А глаза у неё, как тополиные листья, зелёные и большущие. Так и хочется в них смотреть и смотреть. Славка Красильников так и делает – смотрит в них, смотрит, скоро совсем в Наташкиных глазах потонет. Он в Наташку, понятное дело, влюблён. В неё все влюблены. Мальчишки даже свой рок-оркестр назвали НАТАША. Прикольно? Нет, хорошо, мне нравится. Потому что красота спасёт мир, как говорил далёкий классик.

А я – так себе. Кто в меня влюбится-то? В уточку серую.

Кстати сказать, Наташа – моя подруга, и мы сидим за партой вместе вот уже третий год.

На улице апрель. Солнце греет как сумасшедшее. Куртку приходится расстёгивать, когда возвращаешься из школы домой. А когда в школу идёшь – наоборот съёживаешься, как почка на деревьях, дуба даёшь. А после школы дело другое. Весь открываешься, расширяешься (тела от тепла расширяются: на физике учили), хочется петь, смеяться, тормозить кого-нибудь, а ещё хочется познакомиться с парнем. Пусть даже взрослым. И чтобы мы с ним гуляли, ходили везде вместе, и потом – да-да – влюбились друг в друга.

По выходным, когда меня не забирают в деревню работать на огороде, я хожу по городу и ищу такого парня. Просто хожу и ищу, смотрю на всех встречаемых парней и иногда ловлю на себе удивлённый взгляд: чего ты на меня вытаращилась?

У меня не получается найти. Да сейчас долго не разгуляешься: скоро ЕГЭ. Готовлюсь. Нас уж всех запугали этим ЕГЭ. После уроков почти каждый день консультации.

А в нашем классе интересных парней нет. Все маленькие. Я не рост имею в виду. По росту-то они все ого-го! Какие-то они инфантильные. Дети. Один мне сегодня улыбнулся и подмигнул ни с того ни с сего. Ну что тут скажешь? Ребёнок.

Аким

Вспышки всё не было и не было.

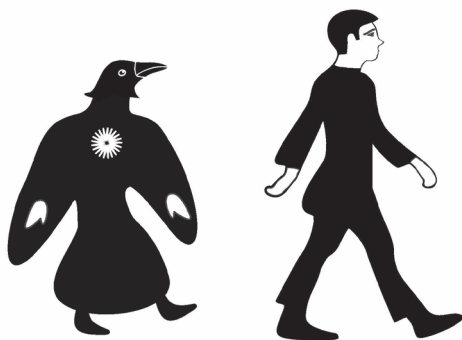
Я уже совсем хотел махнуть на Веронику рукой и присмотреть себе другую девушку. Если ни на грамм к Дымовой не тянуло. Не было даже крошечной искры зажигания. Но тут произошёл один случай.

Наши одиннадцатые классы отправили на концерт, посвящённый Дню Победы. В районный Дом культуры. Понятно, какой там был настрой: праздничный и ещё патриотичный. Ну я последнего слова не люблю, какое-то оно официальное. Невозможно было без сочувствия смотреть на старых ветеранов, когда им дарили

очередные медали, подарки и цветы. Каждый из них, выходя на сцену, пытался приободриться. Одного старичка я знал, у него нога на протезе, он всегда хромал, когда шёл по улице с палкой. А тут вышел – сам, как трухлявое дерево, а не хромал и палку где-то в кулисах спрятал! Представляю, чего ему это стоило. Вся грудь в орденах, и ему новую медаль прицепили вдобавок. И ещё одна женщина запомнилась: восемьдесят восемь лет, маленькая, сухонькая, как жухлый осенний лист, а частушки горланила так, что всем захотелось пуститься в пляс.

Песни на концерте пели не только про войну, но и про весну, про любовь. Да про войну-то ветеранам, наверное, уже тошно слушать. Наслушались, надышались в молодости и вообще. Ненавижу я эту войну. А в детстве любил всяких солдатиков, трансформеров с накачанными бицепсами, с пистолетами-автоматами в лапах. Ну вот. Песни, танцы, ордена... Дымова сидит на десятом ряду с девчонками, а я на одиннадцатом с парнями.

Один ветеран, участвовавший в войне совсем пацаном, был поэтом. Он прочёл свои стихи. Но так как и он был уже сильно в годах, ему разрешили прочесть их не со сцены, а с места. Он сидел в первом ряду, а как дали слово, поднялся, взял микрофон, повернулся лицом к залу и прочёл. Стихи классные. Личные, и в то же время о родине. Такие стихи мне больше нравятся, чем когда просто о родине пишут. Поэт-ветеран отдал микрофон ведущей, а сам остался стоять, повернулся только лицом к сцене – там уже танец исполняли. Поэт был горбатый, седые волнистые волосы спадали на плечи. Даже чуть-чуть симпатичный, хотя все эти старики такие древние, что симпатичными их уже трудно назвать. Сморщенные, как печёные яблоки. Поэт стоял. Голова у него тряслась. Никто не понимал, чего он, думали: ну так удобней, стоит и стоит, уже внимание на него никто не обращает, а я смотрю, и мне жутко не по себе. Хотелось

подойти к нему и посадить в кресло. Мне казалось, что ему просто трудно сесть. Но я трусил. Сижу ведь на одиннадцатом ряду, и надо пройти ползала, и все на тебя будут пялиться, как на дурака, и думать: зачем ты идёшь, зачем встал, кто ты такой вообще? И что у тебя на уме?

И вот пока я так своим кочаном размышлял, с десятого ряда поднялась Вероника и направилась к этому деду. Прошла через весь зал, и все на неё смотрели в точности, как я себе представлял. Подошла к старику, улыбнулась, взяла его за обе руки и бережно усадила на место.

И зал вздохнул облегчённо. Оказывается, все, глядя на старика, испытывали неловкость, не только я. А Ника спокойно пошла на своё место, и теперь на неё смотрели не как на дурочку, а как на человека, исполнившего свой долг.

Дымова сильно поднялась в моих глазах. Я смотрел на неё с уважухой, когда она возвращалась на свой десятый.

Вероника

Концерт был неплохой, даже нам понравился, а ветеранам-то уж конечно, они от всякого к ним внимания просто млеют, потому что его им мало достаётся. У всех своя жизнь, никому до ветеранов в будние дни и дела нет, а у них свои мысли и воспоминания.

Один старичок, после того как рассказал у сцены стихи, не мог сесть на своё место в первом ряду. И было страшно неудобно смотреть, как он стоит с трясущейся седой головой. Я всё надеялась, что соседи по ряду помогут ему. Но никто не проявлял инициативы. Наверное, все думали, что ему так хорошо. А я же видела, что ему неудобно. А мне идти через весь зал, мы на десятом ряду сидели. Но так и не дождалась, что ему кто-то поможет, и, дрожа от страха, поднялась, прошла к нему через весь зал и посадила. И сразу все успокоились, по залу вздох облегчения прошелестел. А когда я садилась на своё место, встретилась взглядом со своим одноклассником Акимом – он смотрел на меня... как бы это сказать. Не с восхищением, конечно, чем тут восхищаться, а с благодарностью, что ли. Как будто он сам хотел то же самое сделать, но я его опередила, и он меня за это благодарил взглядом.

Кстати, это же он как-то на днях ни с того ни с сего мне улыбнулся. И подмигнул. Ну он любит похохмить. А так Кимка обыкновенный. Высокий. Больше ничего не могу о нём сказать. Но всё-таки было странно, что он на меня посмотрел. Странно и... приятно. Ну все, конечно, на меня смотрят, но все так – скользнут взглядом, и всё. Это длится какое-то мгновение. А Зимин не мгновение, а долго на меня глядел. Может быть, мне показалось?

Поздним вечером в субботу мы поехали на дачу. Она у нас в заброшенной даче. Конечно, нужно было готовиться к экзаменам, но мама сказала, что хорошо бы мне поменять обстановку, а то, если я всё время буду зубрить, просто свихнусь.

– И вообще, Ника, посадочный сезон. Каждый должен поработать на грядках. Хоть немножко. Бабушка уже там целую неделю пашет, надо помочь.

Весна уже в полном цвету. Земля просохла. На клумбе около деревенского дома выпустил стрелу первый нарцисс. Жёлтый пухлый острый наконечник стрелы пронзил землю, нацелился в небо. Сквозь полупрозрачные стенки наконечника угадывается прекрасный цветок. Вот-вот он раскроет сердце. Нарциссы всегда распускаются ко Дню Победы. А следом за ними – тюльпаны. Как я люблю цветы!

Но главное – зацвела черёмуха! Это такая прелесть, что не передать словами. Вся деревня потонула в белом цвету. И так его много, на деревьях – целые душистые сугробы, а если по отдельности цветок рассматривать – это удлинённый ажурный фонарик, состоящий ещё из более мелких цветочков. И запах... сладкий и в то же время терпкий, который ни с чем не спутаешь. По-английски черёмуха называется birdcherry – птичья вишня, вот она такая же красивая, как вишня, а цветёт, может быть, ещё и получше. Ну так вот, сейчас нас окружает белая кипень черёмухи, над нами летают белые чайки – рядом с нашим домом река, и плывут по небу белые облака. Просто рай!

Я привезла в клетке ворону Гаю. Что-то затосковала птица на нашей юннатской станции. Сядет на подоконник и грустит. Иногда клювом по стеклу тактично постучит: тук-тук. «Пустите!» Мы с руководительницей Тамарой Георгиевной посоветовались и решили, что если Галя хочет улететь на волю, – так тому и быть. Пусть живёт на свободе, а не на засохшей берёзке в юннатском зале.

Выпускали Гаю с Елисейкой. Это было так. Поставили клетку на землю. Открыли. Галя подошла к дверце, выпростала голову и, казалось, принялась, хотя я не знаю – как там у птиц с нюхом. Но ведь цвела черёмуха! Мне показалось, Гале тоже понравился запах. Она ступила на землю – раз, другой, посверлила нас с Елисейкой чёрным блестящим глазом, замахала крыльями и взлетела.

– Пока, Галя! – закричала я. – Не забывай своих!

– Типка, типка! Пока! – закричал вслед за мной Елисейка и восторженно захлопал в ладоши. – Улитела!

Всех птичек брат называет «типками».

Галя, то опускаясь, то поднимаясь, неуклюже летела над землёй, осторожно испытывая свои вороньи силы. Иногда её заносило то вправо, то влево. Ей приходилось вспоминать, что она – птица. Да и то сказать: удивительно, как она вообще не стала инвалидкой после того, как над ней поизмывались мальчишки с лыжными палками. Поняв, что с крыльями у неё всё в порядке, ворона взлетела на верхушку высокой цветущей черёмухи и оттуда что-то радостно прокаркала. Может быть: «Спасибо»?

– Пожалуйста! – на всякий случай крикнула я.

Я люблю бывать в деревне Волки. Да, так она называется. Наверное, в прошлом тут водилось множество волков. Недалеко от нашего дома река. С другой стороны холмы, с третьей – гора, из-за которой в моём ноутбуке не работает интернет и часто не ловит мобильник. Потому что всё основное село и телефонная вышка за этой мощной горой. А у нас – отросточек деревни у реки, можно сказать – волчий хвост. Холмы утыканы маленькими, бревенчатыми домиками. Они чёрного от времени цвета. Раньше это было большое село, с большим совхозом, но в девяностых годах прошлого века всё разрушилось. Молодые жители разъехались, потому что работать стало негде. Остались только старушки, такие же древние и сгорбленные, как домики. Сельчане уехали в город, а горожане выкупили у них дома под дачи: место чудо как хорошо, а в домиках можно по выходным нормально жить. Некоторые разобрали избышки и построили на их месте современные дома-дворцы. Мы тоже так когда-нибудь сделаем, папа обещает, но когда это ещё будет? Пока у нас нет возможности построить здесь новый дом. Родители только недавно погасили кредит за городскую квартиру.

Мы уложили Елисейку спать и вышли на улицу. Ночи стояли уже вполне белые, волшебные. За рекой заливались соловьи. Папа разжёт костёр и сидел около него, подбрасывая мусор и сухие ветки. Бабушка читала в доме свежую прессу, которую мы привезли из города. Мы с мамой спустились к реке, поближе к соловьиным трелям. Вот они заливались! Просто сходили с ума. Мама сказала, что северные соловьи называются варакушами.

– Славно поют варакуши, – произнесла мама.

– Мам, ну зачем ты сказала? Варакуши какие-то. Некрасиво же. Пусть лучше будут просто – северные соловьи.

– Хорошо, малыш, – согласилась мама. – Пусть будут соловьи, а про варакуш мы не хотим знать. Точно?

– Точно! – я засмеялась и подкинула мамину руку к небу.

Обратно мы с мамой шли, взявшись за руки, как самые близкие подруги.

Славно погуляли. Комары ещё не народились. Эти мелкие твари здорово портят настроение при такой красоте. А мы этой красотой наслаждались. И насладились вполне. Вернулись, наполненные соловьиным пением, белой ночью, запахом белых черёмух, которые в белой ночи стали ещё чудеснее.

Бабушка, Елисейка и даже папа спали. Кот Марус встретил нас на крыльце, словно он всех сторожил. Потёрся о мамини ноги, доложил, что пост сдаёт, а сам отправляется на охоту. Именно так я поняла его двойное: «Маау, маау».

– Никуля, завтра у нас много работы, – мама остановилась на крыльце и оглянулась на меня. – Тебе поручаю целую гору: почистить клубнику и малину, посадить рассаду цветов, – она открыла скрипучую дверь и вспомнила: – Да, ещё

горох посадишь!

– Ладно, – ответила я кислым голосом. Действительно, целая гора.

–...Я понимаю, тебе надо готовиться к ЕГЭ, но весенние работы никто не отменял.

– Ладно, ладно, я что, против?.. – Я вздохнула. Ничего не поделаешь, придётся побыть крестьянкой.

Утро было, как бабушка, доброе. Солнце тёрло щёки ватными дисками облаков, заставляя себя хорошенько проснуться. Пели какие-то пичужки, но соловьёв не было слышно. Они за рекой, в кустах ивняка. Да какие там соловьи! Они же ночью распевают, а днём отсыпаются. Сейчас к дому с разных концов света подлетали скворцы. Вернее, два скворца, семейная пара. Тут у нас под крышей старый скворечник. Иногда было слышно, как там орали птенцы. Скворчинные родители, то один, то другой, ныряли туда вниз головой с червяком в клюве. В скворечнике слышалась возня, мать или отец вылетали оттуда потрёпанными: видно, им доставалось от орущих, вечно голодных детей, и снова летели на поиски добычи. Кошмар... во, жизнь! Летают туда-сюда. Как они так быстро червей находят?

Люблю наблюдать за природой. За цветами, птицами. Вот мои любимые вороны. Садятся на ветки цветущих черёмух и, склонив головы набок, пристально наблюдают за нашим двором: что-нибудь тут появилось новенькое? Где-то среди этой вороньей компании сидит и наша знакомая Галя. Вон какая-то ворона слетела с одной черёмухи и пересела на другую, поближе ко мне. На всякий случай я помахала рукой:

– Галя, это ты? Привет!

Рано утром мама потащила нас на причастие в церковь. Я не могу сказать, что мы или даже мама сильно верующие. Но в деревенскую церковь ходим каждое воскресенье, если, конечно, не в городе. Елисейка капризничал, ему дали поесть, он маленький, ему можно, а мне перед причастием ни-ни. Бабушка по этому поводу собралась поворчать, но мама так на неё посмотрела, что бабушка сразу передумала, замолчала, успев сказать только одну фразу: «Дайте Нике хоть молока, что ли...» Но нельзя. Мне уже и на исповедь нужно. Я взрослая. Скоро, после выпускного, статус взрослой будет у меня официальным.

На исповеди я покаялась в том, что кричу на брата, злюсь на родителей, мало готовлюсь к ЕГЭ, не думаю, куда поступать после школы, мало помогаю маме. Много грехов! Потом было причастие. Елисейка с готовностью раскрыл клювик и проглотил с серебряной ложки разбавленное вино, олицетворяющее кровь Христову. Потом наступила моя очередь. Ложечка вина, святая вода и просфорка – вот и весь мой сегодняшний завтрак. Потому что после службы мама сказала:

– Никуль, сейчас иди к тётё Марине. У неё сегодня день рождения, и будет много гостей. Поможешь готовить на стол.

Мама, конечно, думала, что я с Соней, тётё-Марининой дочкой, что-нибудь сжую. Но Соня уже раньше позавтракала, а что я голодная, тётя Марина ведь не знала. Ох, как мне хотелось есть! Я резала помидоры, колбасу, яйца, делала салаты, запах съестного дурманил голову, но съесть я ничего не смела. Даже маленький кусочек хлеба! И попросить стеснялась. Тётя Марина была мне мало знакома. Так я и страдала, пока не собрались все гости, в том числе мама, папа и Елисейка. Вот тут я набросилась на еду: салат, колбаса, морс, шанежки... Всё летело как в топку.

– Ты почему так жадно ешь? – с недоумением спросила мама. – Веди себя прилично!

Я проглотила последний кусок и отложила вилку в сторону. И правда, чего распустилась? Оглянулась по сторонам – видел ли кто мою ненасытность? И вообще, сама ведь не хочу толстеть.

Домой из гостей мы вернулись рано. Елисейка захотел спать. Он прямо в машине уснул за каких-то пять минут – столько и ехать до нашего дома от тётё-Марининого. Прямо нырнул в сон. Мы оставили брата спать в машине в его креслице. Спал, свесив набор головёнку в бейсболке. Из-под кепарика выбились белые кудряшки, дорожка слюнки на подбородке, а не противно. Малыши до чего сладкие, у них ничего противного нет.

А мы вышли работать на огород. Перед этим мама нашла свои джинсы, которые стали ей малы лет пять назад, и попросила меня примерить. Я напялила их и засмеялась:

– Мама! Я чувствую себя в них как Пятачок в штанах Винни-Пуха!

Мама поглядела и тоже расхохоталась.

– Ну и ладно! В деревне в самый раз в них работать.

– Мам, ну ты что? Я же из них выпадую!

– Тогда пусть ещё полежат, – мама аккуратно свернула джинсы и спрятала их в старинный сундук, оставшийся от прежних хозяев.

Я посадила горох, который бабушка предварительно замочила в воде. Каждую размокшую горошину сунула в чёрное гнёздышко и представила, как в темноте они расправят свои морщинки, из круглого брюшка вылезут зелёные побеги, на цеплючих ручках появятся и будут толстеть сладкие горошины в упругих стручках...

Воткнула на клумбу около дома заморыши будущих астр. Рассаду астр бабушка сажает у себя в городской квартире из семян, а потом папа перевозит это в деревню. Бабушка так и помидоры сажает, и огурцы... Всё хорошенько полила, почистила клубнику... Если кто-то думает, что я чистила ягоды, то глубоко ошибается. Потому что клубника весной – это кусты. Я отрезала ножницами сухие и

подгнившие листья, сидя на маленькой скамеечке, которую смастерил папа, передвигая её за собой по борозде. Я не видела, но знала и чувствовала, как растёт трава, как по своим делам ползут миллионы жуков, как они встречаются друг с другом, знакомятся, ощупывая друг друга усиками, влюбляются, женятся, рожают новых жуков, а под землёй роят норки дождевые черви, а в воздухе роятся тысячи мушек и маленьких комаров, ещё не умеющих кусаться. Всюду жизнь, на каждом земном сантиметре, в каждой тёплой капельке воздуха. Я всё это чувствую, всё это – во мне, всё переполняет меня восторгом и счастьем. Как всё здорово устроено в природе!

Так, с клубникой покончено. Сейчас почистить кусты малины – выломать прошлогодние побеги, которые больше не будут плодоносить, отнести их к костре, папа потом сожжёт. Но сначала немножко отдохну...

Я перенесла свою скамеечку к папиной мастерской, села на неё, закинув руки за голову, и оперлась о слегка нагретую стену. Тёплый воздух обтекал меня со всех сторон, перед глазами столбом роились юные, не умеющие кусаться комарики, и где-то отдельными фразами пел скворец. Хорошо!..

И тут раздался плач Елисейки.

Я вскочила, задев ногой скамейку и перевернув её, и помчалась к машине. Освободила брата из автомобильного креслица и поставила на землю. Елисейка перестал плакать, но, видно, ещё не совсем отошёл ото сна, постоял на неустойчивых ножках, шагнул раз-другой, ноги у него заплелись, и он рухнул в лужу. В холодную апрельскую лужу! И снова заревел.

– Вероника! – закричала мама с дальней грядки. – Ворона! Ты что же за ним не смотришь? – Крик прозвучал как-то чудовищно – как будто вся земля разлетелась вдребезги, и её голос был голосом последнего на планете человека.

Я подхватила брата под мышку и бегом – в дом переодевать.

К счастью, он не сильно вымок, только перепугался. Оделись как следует и вышли во двор.

– Нет, ты посмотри на неё! – закричала мама, увидев меня. Призыв в этот раз относился уже к папе, поправляющему угол теплицы. – Малину она ещё и не начала чистить! Только и знает воронами своими любоваться! Вероника! Бессовестная! Тебе не стыдно?

Братишка испугался маминого крика и снова захныкал. Бабушка и папа перестали работать, но смотрели не на меня или маму, а в сторону. Молчали.

И тут я увидела за забором знакомое лицо. Вот кого бы мне сейчас вовсе не хотелось видеть. Ведь стыдно! Зимин был изумлён.

Я сразу отвела от него взгляд.

Почему Кимка тут? Я его в нашей деревне раньше не видела. Мне захотелось спрятаться и вообще исчезнуть.

– Мама, я хотела чуть-чуть отдохнуть, – я попробовала оправдаться.

– Мы с папой без отдыха вкалываем! А бабушка! Старая бабушка работает! А она – чуть-чуть отдохнуть! А бабушка пусть грядку копает! Не стыдно? Не стыдно? Как малину есть – первая, а как её чистить – это оставим Пушкину!

Я хотела добавить, что просто не успела, что утром помогала тёте Марине. Что сейчас присела только на минутку. Что не видела, как Елисейка оказался на крыльце. Но я знала, что если мама заведётся, её не остановить. Поэтому молчала, уставившись в землю.

А потом снова взглянула за забор. Может, мне показалось, что это был мой одноклассник?

Нет, это Кимка. Он уже почти прошёл наш длинный участок, но звонкий мамин голос был слышен на всю деревню. Вот скрылась и его красная куртка за высокой берёзой. А я стояла, как эта самая берёза, и глотала слёзы.

Зимин видел мой позор.

Подошла бабушка и сказала:

– Молчи, девочка. Терпи.

Бабушка не защищала меня. И папа не защищал. Никто не защищал. Не смели. Потому что стоило только вставить слово, мама начинала кричать, чтобы не лезли не в своё дело. Что ей уже сорок лет (хотя было тридцать шесть) и что не нужно её лечить. Она всегда так кричит. И мне тогда достаётся ещё больше. Все в нашей семье это знают, поэтому молчат.

Но самое-то ужасное... Зимин всё видел и слышал. Я снова вспомнила его изумлённое лицо.

Не знаю, что он тут делал. Может, они купили участок. В этой деревне все ринулись покупать землю. Местная Рублёвка, что говорить. И вот он видел. Шёл мимо забора. Низенький забор из штакетника – длинный, вдоль всего участка. И Аким посмотрел всю пьесу до конца. Просто безумно перед ним стыдно. И перед бабушкой стыдно и перед всеми соседями, даже перед теми, кто этого не видел. Потому что теперь все знают, какая я мразь, какая лентяйка, даже бабушка работает, а я отдыхаю.

Птица ворона, я – опять ты. До чего же мы с тобой нелепые, смешные. Ты тоже всё видела, Галя?

Вечером у мамы заболел желудок. Наверное, съела что-то неподходящее на дне рождения у тёти Марины. Мама ходила, согнувшись в три погибели, схватившись за живот. И ничего не могла делать, и ужинать не стала, и рано легла спать. Утром хлебнула только две ложки овсяной каши. Маме нужна была мята. Нежные, махонькие листочки уже выросли на специальной мятной грядке. Я собрала их и хотела заварить. И вот когда я заливала траву кипятком, рука неожиданно дёрнулась, и кипяток ошпарил голую ногу.

– О-ой! – я зашипела от боли.

– Что случилось? – беспомощным голосом спросила мама.

– Обожглась!

– Ворона! – слабо откликнулась мама.

Да знаю я, знаю, можно не говорить!

Я побежала на улицу, чтобы охладить ногу в подрастающей травке, и бабушка, увидев моё перекошенное от боли лицо, испуганно спросила:

– Что случилось, Ника?

– Ногу обожгла кипятком.

– Живо беги сюда! – Бабушка была около теплицы. Она сама рванулась к бочке, в которую в дождливые дни стекало с крыши. – Ставь сюда ногу!

– Бабушка, да она грязная!

– Ставь, говорю, дождевая вода не бывает грязной. Главное, холодная.

Я до колена сунула ногу в бочку. Обожжённую ступню приятно обдало холодом.

– Держи, держи, не торопись... держать нужно не меньше минуты. Проходит?

– Да, понемногу...

Боль и вправду отпускала. Отпустила...

– Теперь надевай мой тапочек и ковыляй домой, лежи.

– Я же его промочу, бабушка!

– Да шут с ним, Вероника!

Я доковыляла до дома и легла рядом с дремлющей мамой. Мама меня обняла, прижала к себе крепко-крепко.

– Люблю тебя, доча, – прошептала она.

– Я тоже тебя люблю, – сказала я, и мне захотелось плакать. Я ещё сильнее вжалась в маму. Как кораблик в бухту.

– Мам, кажется, наш одноклассник тут участок купил.

– Да-а? Что ж, это неудивительно, тут сейчас многие покупают. А кто?

– У него редкое имя – Аким.

– А... Зимины, я знаю родителей. А он парень хороший?

– Так... Я не знаю его совсем.

– Как это – не знаешь? – удивилась мама. – Он же у вас с первого класса.

– Ну и что? Я многих с первого класса не знаю. Мы с ним ходим в один класс, как с нашими соседями в один магазин. Я разве соседей знаю?

– Равнодушие и одиночество.

– Может быть. Тебе лучше?

– Лучше. Только спать тянет. А твоя нога как?

– Тоже лучше, утихает.

Из кухни, где у нас была аптечка, пришла бабушка, принесла гель «Спасатель» и выдавила на мой ожог жёлтый червячок.

– Сейчас пройдёт, дитяtko.

– Бабушка, хоть бы до последнего звонка прошло. Или хотя бы до вечера выпускного.

– О-о, до выпускного ты ещё замуж успеешь выйти!

– За кого, бабушка?

– А что? Неужели не за кого? – шутила бабушка.

– Ха-ха, – отвечаю, – парней полно, да меня-то кто захочет?

Моя бабушка молодая. Не молодящаяся, а именно молодая. Морщинки у неё только возле глаз. В городе мы живём в разных квартирах, а дача у нас одна. Бабуля очень спортивная. Зимой ходит на лыжах и в бассейн, весной и осенью путешествует. А летом живёт на даче, делает зарядку, по утрам обливается холодной водой. Мне смотреть страшно, как она ведро воды на себя – хлобысь! А она – визжит и смеётся. Недавно вернулась из Италии. Рассказывает, какая это роскошная страна, сколько там памятников, сколько великих художников там жили и творили.

– Мы с тобой туда обязательно съездим, – обещает бабуля.

– И в Париж, ладно?

Я учила французский язык, и мне самой страшно хочется в Париж. Больше даже, чем в Италию.

– А в Париж я боюсь ехать, – бабушка смеётся.

– Почему, бабуль?

– Потому что говорят: увидеть Париж и умереть.

– Глупости! Что, все, кто видит Париж, умирают, что ли?

– Да нет, конечно, – смеётся бабушка. – Но ведь я уже старенькая.

– Бабушка, т-с-с, – я прикладываю палец к губам и вожу глазами на маму. Мама заснула.

Мама. Из-под широкополой шляпы выбиваются длинные светлые волосы. Шляпа перехвачена шнурком под подбородком, чтобы её не унёс ветер. Развеваются полы маминой ветровки. Мама стоит на носу резиновой лодки с мотором. Она смеётся, красивая, стройная. Нос лодки разрезает широкие воды реки, летят сверкающие на солнце брызги, и, кажется, мамин смех тоже сверкает. Папа на корме управляет мотором, а мы с Елисейкой сидим посередине лодки на сиденье и ловим руками холодные брызги. Летит по реке наша лодочка, раскрашенная в камуфляжный цвет, летит лодочка и по небу, отражённому в воде вместе с белыми пушистыми облаками... проносятся зелёные речные берега... Красота! Хочется петь. На мне яркий спасательный жилет. Когда мы пристанем к пляжу и будем купаться, я жилет сниму. Папа не разрешает находиться без жилета, если лодка мчится на полной скорости. И на маме жилет, и на папе. И на Елисейке, конечно! Милый оранжевый жилет с миллионами кармашков на милом двухлетнем мальчике.

И вот мы уже сбрасываем жилеты и несёмся в прозрачную воду, такую слав-

ную, такую свежую, такую тёплую, такую летнюю, и мама хохочет и брызжет на меня водой, и мы обе смеёмся и визжим, и плаваем наперегонки. И мама ловит меня, обнимает и, мокрую, целует.

– Кинь меня, мама!

В воде я лёгкая, как пёрышко. Конечно, такую дылду на руки не возьмёшь. Мама просто сильно отталкивает меня в сторону от себя, дальше, как можно дальше, я ухожу под воду с головой, вынырываю, плыву... И брызги, смех, солнце, радуга в каждой капле. Никто за меня не боится, потому что я классно плаваю. Мама ходила со мной в бассейн с трёх моих лет, чтобы я научилась плавать. Елисейки ещё не было, и мама отдавала мне всё своё свободное время.

Елисейка ковыляет у самого берега на толстеньких ножках, вода еле-еле покрывает его щиколотки, он садится в воду на попу и хлопает ладошками возле себя. Тоже хохочет. Песчинки, капельки, смешинки...

Мама... В городе она с младших классов берёт меня на концерты классической музыки, на оперные вечера, на встречи со знаменитыми друзьями, с интересными людьми. Потому что мне надо же развиваться! Мы с ней болтаем обо всём на свете: о школе, о друзьях – моих и её, о нашем президенте, о странах, о политике. Можем полночи проговорить. Я спрашиваю маму обо всём непонятном, например, о вере. Обязательно ли ходить в церковь, может, достаточно верить в Бога в душе. О будущем – обязателен ли штамп о замужестве в паспорте, может быть, достаточно повенчаться с молодым человеком в церкви, а некоторые всю жизнь живут просто в гражданском браке – можно ли, по её мнению, жить вот так. Мама знает ответы на все вопросы, и ни один мой вопрос не считает глупым.

– Дай мне ключи от машины, – просит мама у папы. Мы готовы ехать в город, домой. Елисейка уже сидит в автомобильном креслице, рядом с ним кот Марус, которого еле-еле выловили и заточили в машину. Марус не хочет в город, там нет мышей и нужно сидеть в четырёх стенах. Я тоже в машине. Марус между мной и Елисейкой недовольтно жмурит то один, то другой глаз. Он уж понял, что сбежать ему в этот раз не удастся, и смирился.

– Ключи у тебя, – мама смотрит на папу твёрдым голубым взглядом. Она рвёт с клумбы цветы, составляя из них букет для городской квартиры.

– Нет, они у тебя. Я же тебе давал в обед, помнишь, ты вытаскивала пакет с овощами?

– Я тебе возвращала! Они у тебя!!! – мама кричит, нет, она орёт, на неё оглядываются прохожие с проезда.

Папа больше ничего не говорит. Открывает уже запертый дачный дом и возвращается с ключами от машины.

- Они были в кармане твоей дачной куртки, – бросает хмуро.
- Извини, – тихо говорит мама и в машине всю дорогу до дома молчит.

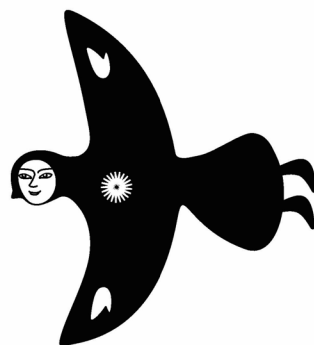
Почему я всё это рассказываю? Потому что я очень люблю свою маму. Да, она нервная. А как не нервничать, если работаешь на двух работах? И потом она очень переменилась, когда у нас появился Елисейка. Иногда мне кажется, что я не люблю своего очаровашку брата. Потому что в последние два года ему достаются все ласковые слова, какие только есть на свете, а мне – все на свете плохие.

АКИМ

Я прямо-таки возненавидел её мать. Она орала на Нику так, как будто та спалила всю деревню. Или даже вообще весь мир. Сначала Ника оправдывалась, но это было напрасно: мать не слушала её и кричала, какая Вероника бессовестная. Ника поняла, что просьбы о пощаде – бесполезняк, и потом только морщилась. Я смотрел не отрываясь – настолько происшедшее потрясло меня. А потом понял, что я дурень, что на это смотреть нельзя, что девчонке и так не по себе, а тут ещё я вытаращился. Я отвёл глаза и стал тупо глядеть под ноги. Поскорее проскакал мимо их участка. Но я никогда не забуду эту сцену, она на моём внутреннем принтере отпечаталась.

Да, новость – мы купили участок в деревне со смешным названием Волки. Будем строить там дом. Ну хорошо хоть не «Собаки» деревню назвали. Деревня Собаки – вообще был бы капец полный.

Я и не знал, что у Дымовой там тоже домик. Для меня это полная неожиданность и – сюрпрайз. Это что-то да значит! Если бы не маразм её матери, я бы Нику, как пить дать, окликнул. Может быть, в Волчатнике и началась бы наша дружба! Для начала погугарили бы о том о сём, пятом-десятом. Попросил бы её провести бесплатную экскурсию. Она же там дачный старожил. Знает, где лягушки живут, где волки ночуют, где крокодилы пасутся. К реке бы прогулялись, там такая хорошая речка, широченная, толстая, – но это пока, в разлив. Скоро похудеет. Рыбачить можно летом! Оп, о рыбалке теперь уже не стоит мечтать. Если только в студенческие каникулы... Школа заканчивается, скоро выпускной, а там – учёба в каком-нибудь вузе-карапузе. Вряд ли получится бывать в Волчатнике часто. Во! О выпускном бы посудачили с Дымовой, куда она собирается скакать дальше.

В институт или куда, в какой город, страну, на какой континент, планету... могли бы вместе дёрнуть. Ника неразговорчивая, но я бы её разговорил, я же болтун знатный! Нет, правда, это что-то да значит – в одной деревне живём! Обязательно спрошу Дымову в школе, что она об этом думает.

Не, лучше не спрашивать. Не напоминать ей об истерике дражайшей родительницы. И то, что я её видел. Интересно, чем же она провинилась? Неужели только тем, что не почистила какие-то дурацкие кустики?

Домик у них антикварный, оставшийся от прежних хозяев. А у нас участок без всяких построек – бывшее совхозное поле, уже заросшее дикой морковкой, крапивой и борщевиком. Местами, как грибы, начинают расти маленькие ёлочки ростом с палец. Папенций сказал, что мы не все уберём – три-четыре ёлки пусть растут себе на счастье, это же северные кипарисы. Согласен. Горсточка кипарисов нам не помешает. Если ёлки называть кипарисами, то речку вполне можно назвать морем. Так что мы будем строить дом над кипарисами у самого берега моря. Кайф!

Нет, я опять о Нике. Часто я стал думать о ней. Why? Don't know! Практически каждый час вспоминаю. А уж перед тем, как в сон провалиться... да без Дымовой, можно сказать, не засыпаю! Почему мы в школе до сих пор не общаемся? Только взглядами обмениваемся. Не пылками, к сожалению, не пылками. И даже красноречивыми их не назвать. Ну мой, может, ещё можно назвать горячим, градусов эдак под семьдесят, а у неё взгляд прохладный и робкий, как у ягнёнка, загнанного волками в тёмную чашу. Как у ребёнка, запуганного маман, – вот как правильнее сказать. Она, наверное, Дымову просто задолбала, вот почему Ника тихоня и молчунья. Как быстро она отводит глаза, когда наши взгляды встречаются! А мне хочется на неё глядеть. Прямо как захожу в класс, так и начинаю искать её взглядом, словно она розетка, а я разряженный телефон. Смотрю, подзаряжаюсь. Самому интересно: неужели влюбился?

Вряд ли сегодняшний инцидент сделает нас ближе. Наоборот!

На концерте Ника мне понравилась, серьёзно. Открыто пройти через зал, когда все на тебя пялятся и думают: а куда это ты направляешься? Сдвинулась, да? Точно-точно, именно так и думают. Дымова ведь стеснительная, а не побоялась пройти «сквозь строй». И вообще. То, что я раньше думал: заметная или незаметная девчонка, – не имеет значения. Я уже и забыл, что хотел дружить именно с незаметной. Какая разница, а?

Да она разве незаметная? Во я загнул! Какой балбес, прости господи. У неё такие ясные голубые глаза, что не заметить её просто невозможно. Вчера в классе мы стояли у учительского стола и рассматривали классный журнал, который забыл физик. Мы с Вероникой оказались друг против друга, к ней журнал был вниз головой. Я хотел перевернуть журнал, чтобы она смогла глянуть на свои выдаю-

щиеся отметки, а Катька Стрекалова и Тимошка Ганов закричали, что они ещё не посмотрели, и Катька схватила меня за локоть. И тогда Ника внимательно посмотрела на меня, и я увидел чёрные зрачки с коротенькими жёлтыми лучиками посреди голубого пространства. Чёрт, какие у неё глаза – как цветы или даже звёзды. Красивее даже, чем у Наташки Кругловой. Точно. Очи, а не глаза. Очень очи. Я даже обалдел.

Ура! Наконец-то мне покупают машину. Давно просил. И вот отец созрел. (Папенций говорит – я созрел). Да я ещё в начале марта, ещё посреди снега созрел, когда мне восемнадцать стукнуло. Словом, мы оба созрели для того, чтобы купить мне драндулет. Старенькую шестёрку. Рухлядь? Yes. Отец говорит – первую машину всё равно же раздолбаю, так чтоб не жалко. Буду самостоятельно ездить – поначалу в деревню. На трассе, за городом ездить легче, в городе вообще ку-ку. Машины бьются каждую секунду. Улицы узкие, а тачек миллион с хвостиком. Словом – пока в деревню, только в деревню. Отец с мамой – на своём кадиллаке, а я на своём корыте. Буду практиковаться. Город от меня не уйдёт. Водительские права я уже давно заимел! Как исполнилось восемнадцать, так сразу погнал их получать. А машину я с детства вожу. В восемь лет меня папенций на колени сажал на лесных дорогах, и я вёл машину – ещё тогда научился. Однажды за грибами ездили. Выбрались из леса не к самой машине, а примерно за полкилометра от неё. Машинка красной кляксой виднелась на дороге. Папенций дал мне ключи, и я побежал к тачке, а они не спеша с мамой пошагали. И я, десятилетний шкет, подвёл машинку прямо к их ногам. Это было круто! Я чуть в космос не улетел от счастья! А у чужих грибников, которые встречали меня на пути, были такие странные лица, как будто за рулём они видели не человека, а медведя в очках.

Обязательные курсы по вождению я тоже закончил. Ходил по вечерам в десятом классе. Папенций любит, чтобы всё по правилам было. Не, машина это класс вообще. Я ко всем машинам неровно дышу. Отцовскую облизываю. Уровень масла проверить, тасольчику подлить в двигатель – это мои занятия. Ну а мыть машину я папенцию никогда не доверяю. Я вообще люблю, когда что-то из грязного становится чистым. Когда у нас ещё не было посудомоечной машины, я любил грязные тарелки превращать в сияющие. Да! Я такой парень, что люблю мыть посуду, машины, женщин. (За последнее простите – блефую). И что тут вообще странного? Это так офигенно, когда машина из запылённой потной путешественницы превращается в сияющую серебристую красотку. Она тогда улыбается мне. С кем-то поспорить?

Теперь будем в деревню Волки ездить вместе с Вероникой Дымовой. Эдакой семейной парой на передних сиденьях. Ха! Семейной! Ещё раз – ха!

Разве она поедет со мной? Она мне даже не улыбается. Даже не смотрит вообще.

Но мечтать не вредно. Чем чёрт не шутит?
Ну и назвали же деревеньку древние люди! Волки! Жесть вообще.

Вероника

Назавтра в школе я пряталась от свидетеля моего позора. Увидела Кимку в конце коридора – в чужой класс залетела.

– Здрасьте вам с кисточкой, – отозвался на моё явление мелкий шестиклассник, который стирал с доски английские слова. А может, это пятиклассник был, не знаю, кто это молодое поколение разберёт. – Вам кого? Здесь не одиннадцатый, здесь шестой «А», госпожа девушка!

Оглянувшись на него, я приложила палец к губам, чтобы он перестал трепаться и не выгнал меня тряпкой, которой стирал с доски. И когда Аким прошёл мимо, вышла на цыпочках. Мелкие стали такие разговорчивые, и никакого уважения к старшим. Мы их как-то больше стеснялись. «Госпожа девушка»! Я засмеялась. Надо же так придумать!

Не хочу встречаться с Зиминим. Хотя кто он мне, отец родной? Да пусть думает что хочет. Только бы не рассказывал никому о той глупой истории. Надеюсь, не расскажет. Парни вроде неболтливы... девчонки бы сразу постарались, чтобы об этом случае узнало побольше народа. Катька Стрекалова бы сильно радовалась и стрекотала об этом событии весь день. Кстати, ей очень подходит фамилия. Да, снова кстати. Мы перестали с ней общаться после той записки. Ну когда она написала, что ходила с Вилькой в кафе. Я теперь не смотрю ни на Вильку, ни на Катьку. Да и не нравится мне Вельс, даже как красивая картинка не нравится. Я так говорила, потому что так было нужно. Я это недавно сообразила. По неписанным школьным правилам необходимо, чтобы тебе кто-то нравился. Я и решила, что мне Вилька нравится, потому что он смазливый. Если тебе никто из класса из мальчишек не нравится, – значит, ты недоразвитая. Из другого класса тоже можно. А если ты дружишь со взрослым, студентом, предположим, ну ты вообще крутая, тебе все завидуют.

А если даже и нравился мне Вилечка Вельс, то теперь перестал. И поставим на этом точку.

Я Зимина избегала, а он, наоборот, на меня чаще обычного поглядывал и один раз так долго смотрел, словно хотел во мне что-то понять. Я закрылась раскрытым учебником. Он меня стал смущать. Я вспоминала, как увидела Зимина в деревне за нашим забором, его изумлённые глаза. Я даже морщилась, как будто у меня болели зубы.

В пять часов была консультация по русскому ЕГЭ.

Одноклассники ропщут на то, что у нас куча ненужных уроков. Зачем, например, сейчас физкультура? Вместо неё можно было бы снова готовиться к ЕГЭ и не тащиться в школу на консультацию майским прекрасным вечером.

На крыльце я встретила Классную Лилию. Она уходила домой.

– Вероника, – учительница придержала меня за локоть. – Ты будешь поступать на что-то связанное с биологией?

– Скорее всего, Лилия Игнатъевна.

– Вот. Вот и правильно. Сегодня на педсовете Ирина Яковлевна очень хвалила тебя. (Ирина Яковлевна – наша биологичка). В наш университет или в другой город наметилась?

– Я ещё не решила.

В этот момент на крыльцо запрыгнул Кимка Зимин. Говорю, запрыгнул – потому что у него такие длинные ноги, что он так запросто может – прямо с земли – на крыльцо.

Я поскорее от него отвернулась.

– Аким, ты чего не здороваешься? – спросила Классная Лилия.

– Да мы же с вами виделись утром, Лилия Игнатъевна. И до свидания я вам не говорил. Но я могу ещё раз сказать: здравствуйте, Лилия Игнатъевна. Здравствуйте. Здравствуйте.

– Ну-ну, хватит, не паясничай.

– Да нет, я просто на всякий случай, на три дня вперёд поздоровался. А то вдруг я с вами завтра не встречу. Здравствуйте, Лилия Игнатъевна!

– Кима! Ты будешь когда-нибудь серьёзнее?

– Лилия Игнатъевна, я уже вообще весь такой серьёзный. Даже серьёзней, чем Дымова!

Мы попрощались с учительницей и стали подниматься на третий этаж в наш класс. Я – по одной лестнице, он по другой, но потом лестницы соединились в одну.

– О, Дымова! Привет! Давно не виделись! Ты откуда упала? – засмеялся Зимин, когда мы встретились в начале общей лестницы.

Я не ответила и постаралась пробежать вверх вперёд него.

– Давай я рюкзак твой понесу, – вдруг сказали сзади.

Я чуть с лестницы не рухнула. Удивилась.

– Он лёгкий, Зимин, без учебников, спасибо, не надо.

Скорей, скорей наверх. Кимка не думает отставать. Наступает прямо на пятки.

– Давай я лёгкий понесу.

– Не надо.

Я несла рюкзак на одном плече. Зимин схватился за лямку, но я рванула рюкзак и прижала его к груди, как Елисейку.

Я отлично помнила, что Зимин видел нашу божественную комедию в деревне, и мне совсем не нужно было идти вместе. Вдруг он что-нибудь спросит? Я тогда от стыда сквозь землю провалюсь, и меня накроет обломками этой лестницы.

Скоро последний звонок. Первый экзамен. Страшно. Кроме русского и математики, которые сдают все, я выбрала обществоведение и биологию. Буду поступать на биологический в университет. Родители одобрили. Мама сказала, что на даче я смогу проводить всякие биологические опыты. Это ещё как сказать... опыты. Я не огородом хочу заниматься, а птицами, выберу своей специальностью орнитологию. И тогда моими подопечными будут пернатые. Ворона Галя в том числе. Пересчитаю её пёрышки. И тогда никуда не денешься, придётся соглашаться, что северные соловьи называются варакушами.

Я зашла в класс, а Зимин остановился поговорить с парнем из одиннадцатого «А». И когда он появился в классе, сразу нашёл меня взглядом. Я отвернулась к окну. Он сейчас всякий раз так – заходит и – на меня, как будто я его примагничиваю. Странно это. Странно и... приятно. Вот ведь ничего особенного в этом парне нет, а всё равно. Смотрит он на меня, и мне любо. Как будто рядом со мной листья берёзовые шелестят или скворцы летают.

И вот когда все уже расселись по местам и в класс вошла литераторша, я оторвала взгляд от окна и увидела перед собой открытку.

– Это тебе Кимка подложил, – сказала, смеясь глазами, Наташа.

Я бы и без неё догадалась!

Больше некому потому что. Никому я больше не интересна. Я и ему, конечно, не интересна, но раз он поглядывает на меня, значит, он.

Меня бросило в жар. Что ещё за открытка?

Открытка была такая же странная, как его взгляды. Как его имя.

Жёлтая роза. Красивая жёлтая роза. Да разве могут быть розы некрасивыми? А на неё хлопьями валит снег. И дождь тоже. Снег и дождь, и всё на розу. Где и нашёл такую?

«ЭТО ТЫ»

Написано на обороте.

Вот как? Со смыслом, да? На розу рушится снег и дождь? Ну дождь – это нормально для цветка. Это хорошо. Но снежные хлопья? Ведь роза от снега замёрзнет. Она в снег мучается. Как я? Разве я мучаюсь? Что он имеет в виду? Ту ужасную деревенскую картину?

Нет, правда – зачем открытка? Он меня пожалел? Я – роза под снегом? Или это случайная картинка? И Зимин случайно положил перед моим носом? Или имеется в виду, что я цветок? То есть – красивый? То есть – красивая?

Да ладно! Я не обольщаюсь. Я не цветок.

А жалеть меня нечего. Не нуждаюсь. У меня всё отлично.

Консультация была два часа. На перерыве, когда он проходил мимо моего стола, я окликнула:

– Зимин, подожди!

Он оглянулся. Улыбнулся. Он такой – у него всегда наготове улыбка.

– Возьми, – я протянула ему открытку. – Мне не нужно.

– Ладно.

Кимка пожал плечами, выхватил открытку из моих рук, подошёл к урне в углу класса и кинул туда.

А мне-то что? Пусть.

Папуасу, сующему нос во все бочки и урны, стало любопытно.

Достал открытку, перевернул обратной стороной.

– Так-так-так, – протараторил он. – Посмотрим, что за послание. «Это ты». Ха! Это кто – ты, Зимушка? – Кимка промолчал, и тогда Папуас обратился к классу: – Народ, кто у нас жёлтая роза? – И крикнул по-командирски: – От-зо-вись!

– Дай сюда! – Аким хотел выхватить открытку, но Папуас спрятал её за спину.

Они немножко помутузили друг друга, борясь за открытку, Кимка всё же отнял её у Кольки, посмотрел на надпись, как будто он сам её впервые видел, и распахнул объятия перед Папуасом.

– Папуасик, это же ты! Ты же вылитая жёлтая роза! Ты посмотри на себя!

Папуас как раз был сегодня в жёлтой футболке. Все стали смеяться.

– А ну вас, – бросил Папуас и сбежал от смеющихся одноклассников в коридор.

А Зимин подошёл к Колькиной парте и положил на неё открытку надписью вверх: «Это ты».

Колька вернулся в класс, увидел открытку и аж в лице перекосялся. Уже и не рад был, что подобрал в урне этот цветочек.

Я тоже посмеялась и уже сама почти поверила, что я ни при чём, что открытка и вправду была для Папуаса. А когда шла домой и вспоминала эту жёлтую розу, так радостно стало на душе, что я запела: «Я роза под снегом, роза под снегом, тра-ля-ля-ля», схватила с земли какую-то сухую ветку, подбросила её в небо и даже не поглядела, куда она свалилась.

Дома, когда я в сто первый раз перелистывала учебник биологии, залопотал мобильник. Эсэмэска прилетела! Номер незнакомый. И что же пишет этот незнакомец, что ему от меня надо?

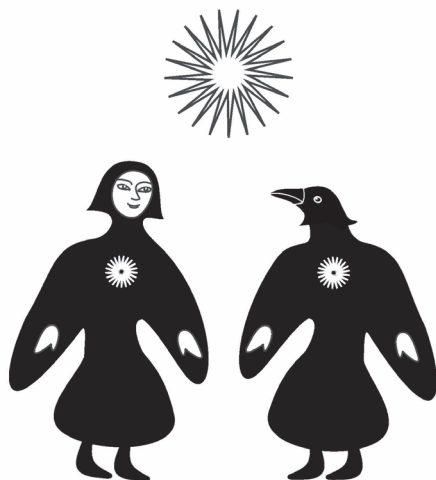
«И всё-таки ты – роза под снегом».

Ясно же, кто автор.

Я засмеялась, как ненормальная, и закружилась по комнате, прижав к груди биологию.

Ничего не ответила Кимке, но его номер забила в телефончик на всякий случай.

Наташка, ты дала ему мой номер? Спасибо!

Мне вообще никто не пишет эсмэсок. Иногда Наташа. Мама или папа всегда звонят. И бабушка звонит. А назавтра в семь ровно, когда будильник на телефоне запел, эсмэска пришла.

*«Вставай, вставай...
И больше не ложись...»*

Смешной этот Зимин. Как будто я без него не встану.
Вечером легла, снова эсмэска прилетела:

*«Ложись, ложись
И больше не вставай...»*

Спасибо, родной. Всё-таки встану утречком, не взыщи....

Я эту эсмэску стёрла. Глупая она. Тоже, руководитель жизни. Взяла ноут в постель, посмотрела перед сном ещё раз сайт «егешки» по русскому. Страх, ужас, кошмар – до него осталось пять дней. Главное – не забыть чёрные чернила. Чёрные чернила в чёрной комнате ставит чёрная рука в чёрной перчатке... Жуть, просто совсем запугали этой ручкой с чёрной пастой.

– Не забудьте, не забудьте, не забудьте! Только чёрная, чёрная, чёрная!!!

Не экзаменом единым люди живут.

Ещё они живут выпускным. До него – ровно месяц.

Вчера на стенде рядом с расписанием уроков появилось объявление, написанное от руки:

«Кто хочет научиться танцевать вальс – записывайтесь у Алёны Самойловой в 11 «б» после шестого урока».

Кто хочет – это я. Я очень-очень «хочет»! Потому что я умею танцевать только медляки. Их каждый танцует, если медведь на ухе не потоптался. А вот вальс... Вальс! Это моя мечта. Мне негде было научиться вальс танцевать. И после уроков я побежала записываться по указанному адресу – на третий этаж в противоположное крыло от нашего класса – к одиннадцатому «Б». Алёна Самойлова устроила запись в рекреации на подоконнике, потому что их класс был уже кем-то занят. У нас в школе не хватает помещений, стоит освободиться какому-то кабинету, на него тут же находятся захватчики.

Алёны Самойловой почти не было видно за кучей желающих. Они её просто задавили – девчонки разного возраста и несколько парней-старшекласников. Вот чёрт – и Аким тут же! Ёлки! Прямо он везде, всюду, куда ни помотришь, натыкаешься на Зимина. Почему его так много? Потому что он большой? Его спина в серой толстовке загораживала сразу несколько девчонок. Он на их плечи свои длинные руки распространил. Что ты будешь делать! Ну почему он тоже пришёл? Тоже хочет танцевать вальс? Да, да, понимаю, почему бы ему этого не хотеть, но я же буду его стесняться! Как я буду учиться у него на глазах – неуклюжая, как слон? Ну как слониха, вернее.

Разочарованная, повернула назад. Ничего, как-нибудь без вальса обойдусь. Обходилась же раньше. Вот всегда я такая... ворона.

АКИМ

Я оглянулся – и увидел, как по коридору быстрыми шагами уходит Дымова. Вот блин... Я ведь пришёл-то сюда только из-за неё! Слышал на перемене, как она говорила Наташке, что запишется к Самойловой. Алёна с детства ходила на бальные танцы и умела танцевать всё на свете, наверное, даже африканские пляски у костра знала. Вот я и поскакал тоже записываться, думал – вместе, в паре с Никой будем учиться. Разовьём отношения в дружбу-любовь. Смеюсь-смеюсь, про любовь я шучу, конечно. Это уж как получится. Почему же Дымова передумала? Неужели потому что увидела меня? Почему она от меня убегает? Что я ей сделал плохого? Почему девчонки такие странные, ничего у них не поймёшь?

Я плюнул в сердцах и направился вслед за ней. Только хотел окликнуть её, как меня самого окликнули:

– Зимин! – Алёна Самойлова меня усекла. – Ты что же? Я тебя уже записала!

– Не надо! – я обернулся. – Вычёркивай!

– Ну и зря! Ну и подумаешь! – обиженно выкрикнула Алёна.

Я побрёл себе дальше, но далеко не ушёл. Не успел далеко, не дали. Меня догнала девчонка из параллельного класса. Кажется, её звали Кирой.

Она тронула меня за плечо и сказала просящим тоном:

– Послушай, Ким, раз уж ты пришёл – останься, а? У нас парней – смотри, трое всего. А нам они так нужны! Пожалуйста, Кима! – голосок у неё был такой нежный.

Я, конечно, покривился. Время ещё на скачки терять. Я только с Дымовой согласен глаза в глаза танцевать, а больше никак...

Но у девчонки было такое ждущее лицо. Прямо-таки воплощённая надежда. И голосок такой нежный, просящий.

– Ладно, – уступил я. – Останусь на один вечер, так и быть.

– Ты лапка, – улыбнулась то ли Кира, то ли не Кира. – Но учти: я тебя забила!

О-о, вот как они нас ловят нежными голосками. Она меня забила! Ну и хитрющие эти женщины. Лисы.

Но не все, не все. Ника вот простая, не умеет хитрить.

Нет, всё-таки я поступил тупо. Какой к чёрту вальс, когда экзамены? Нас уже до пяток запугали. Вообще прессинг ужасный с этим ЕГЭ. Не только нас запугали, но и родителей. Только чёрная паста! Никаких помарок! Только чёрная паста! Но помарки даже чёрной пастой нельзя.

Достали!

Мне как раз купили машину. Наконец-то! С виду она старуха, но двигатель в порядке. За ним хорошо ухаживали. Поистрепалась шестёрка за двадцать лет, но пенсионерки тоже резвые бывают. Как только папенций поймёт, что я – ас, купим мне поновее или я отцовскую иномарку буду водить с ним на пару. Хотя до этого лет сто, не меньше. А лучше всего – самому на крутую тачку заработать. Конечно, и об этом пока рано мечтать, ведь институт не за год кончают, а студент, понятно, какой богач, если, конечно, он не Марк Цукерберг. Да что там загадывать. Посмотрим... У папенция деньги, понятно, водятся. Но я его захребетником быть не хочу. Я хочу сам всего добиться.

Объезжали машинку вместе с отцом. Я – за рулём, он – в руководстве. Тише, не газуй с такой силой, ты не на танке. Быстрее – на дороге ты должен быть в потоке. Не съезжай на обочину – там могут быть гвозди-стёкла-бутылки, хрень всякая. Не езжай на жёлтый свет – не спеши, даже если дорога свободна: дисциплина на дороге прежде всего. Не гони так, в городе скорость – шестьдесят километров. Будь спокоен, никогда не паникуй. Взятся обгонять – держи скорость. А самое главное – никогда не проскакивай на красный свет. Потому что можешь убить

человека. Сам себя убьёшь – ладно, жалко, конечно, но что сделаешь. Сам виноват. А покалечить другого, тем более лишить его жизни – даже нечаянно не имеешь права. Не ты раздаёшь жизни.

– Запомни, сын. Красный – табу на все времена. Ты понял?

– Понял, понял, пап. Я что, тупой – на красный ехать?

А потом отец разрешил сделать пробный круг по городу самостоятельно, по самым жёстким улицам с самым напряжённым трафиком. То есть я в машине один. Один на один с этим сумасшедшим городским движением. Ох, я и выкладывался, сто потов с меня сошло. Честно, было страшновато. Казалось, что все встречные тачки так и жаждут со мной поцеловаться. И ещё пробки... не как в Москве, но всё же плотненькие, ох и раздражали. Папенций меня благополучно дождался часика через два.

– Молодец, – сказал он, – живой. Я доволен.

От радости я сдал назад слишком быстро и – бэнц! – стукнулся о ствол толстой берёзы. Бампер обиженно звякнул. Посередине образовалась вмятина.

– Вот ёлки. Прости.

– Ладно, – папенций махнул рукой, – не смертельно. Что ты извиняешься – тебе же ездить.

Вот и катаюсь такой – резвый красавец.

Сегодня объезжаю своего древнего скакуна, притормаживаю на лежащем полицейском и слышу, кто-то орёт с тротуара:

– Эй! Зима! Зима-а!

Витёк Кетов, Кед. Одноклассник. Углядел, глазастый. Я подрулил к обочине.

– Привет, Кед!

– Твоя тачка?

– Моя. Сядешь?

– Ну.

Сел он в салон. Дверцу раза три закрывал – все замки хилые.

Пока пристёгивался, сделал комплимент:

– Знаешь, Зимка, когда кто-то покупает байк за сто тридцать пять тыщ, говорят – богатый. А когда кто-то берёт тачку за столько же, знаешь, какой базар?

– Тот самый бедный, так?

– Догадливый.

– А я и не хвастаюсь, что богат, – я потихоньку тронул машину. – У меня всё впереди. А ты что, уже в списке Форбса?

– Да нет вообще-то. – Кед засмеялся. – Нет, правда, чего это вы такую рухлядь купили? Отстой ведь полный.

– Слушай, Кед. Можно подумать, мне батя свою машину даст разъезжать. У него крутая ласточка. Разобью ведь!

Я полз по улицам города, прижимаясь к краям дороги, напрочь забыв, что мне

говорил папенций: не прижимайся к обочине. Но хорошо, ни одного гвоздя не попало. Меня обгоняли «фольксвагены», «тойоты», «ниссаны», меньше всего – отечественные машины, а если встречались новые «жигули», то это были почти такие же, как иномарки. Хорошо стали делать, не то что моя шестёрка. Сейчас она, как старушка, плелась еле-еле, как будто с палочкой, её все обгоняли, некоторые возмущённо гудели, когда я задерживался на светофорах.

– Пива хочешь? – спросил Кед и достал из кармана куртки банку пива. Открыл и протянул мне. – Угощаю.

– Кед! Ты с ума сошёл? Я за рулём!

– Правильно. Счас строго с этим. Держись. Слышь, Зим, – Кед ловко перевёл разговор на другую тему: – До народа не дозвониться, все к этому ЕГУ готовятся. Все такие сознательные, что ли?

– Ну да. С этими же баллами в институт. А ты чего несознательный?

– Очень надо. Сдам как-нибудь. Всё равно мне институт не светит.

– А что светит?

– Работать пойду. У нас рядом магазин, там продавцы-мужики нужны, а осенью – в армию.

– Тоже дело. Не поступим – все работать поскачем. Вроде ничего мужики в магазинах зарабатывают, а, Кед?

– Не, плохо. Менеджеры – ничего, а продавцы плохо.

– Витёк! Продавцы сейчас все менеджеры. Так что не бойсь – всё хорошо будет. Поработаешь немного, встретишь девчонку, влюбишься, женишься.

– Не гони. Ты же знаешь, я в любовь не верю. Нет её.

Я с ним нарочно о любви-то... подначиваю. Потому что у него комплекс. Не знаю, как его назвать – комплекс нелюбови, что ли? А скорее всего, это комплекс неполноценности. Но вроде он ничего, нормальный парень, не урод. Но не любит девчонок и не верит в любовь. Вот такой расчудесный тип. Подарили ему девчонки на 23 февраля книжцу про любовь с оригинальным названием: «Любовь с первого взгляда». Всем чего-то дарили; мне, например, плюшевого зайца. А что? Зайка дождётся моих потомков. Далек гляжу? Ага, высоко сижу потому что.

А Кед вот что с книгой сделал. Прозвенел звонок на большую перемену. Математичка вышла, и народ к выходу потянулся. Вскочил Кед, заорал:

– Люди, внимание!

Все застыли, как в игре «замри». А Кед стал рвать книгу. Страницу за страницей. Со вкусом парень оттягивался. Откроет книгу, страничку разорвёт наполовину, не вдоль, а поперёк, то есть никаких обрывков не летело. И потом такую книжку выкинул в урну.

А перед тем как в урну кинуть, провозгласил:

– Запомните все, и вы, девки, в первую очередь: любви нет.

И руку поднял со сжатым кулаком. Ага, «но пасаран» почему-то.

Как все возмущались! Особенно девчонки. С тех пор они с Кедом не разговаривают и смотрят на него как на пустое место. А он, похоже, этим доволен.

– Что, довезти тебя до дома? – спрашиваю.

Я вспомнил, что он живёт в одном доме с Вероникой. И мне страшно захотелось, чтобы он согласился. Может, увижу Дымову. Увижу её неровную чёлку и синие глаза. Да, новость: Дымова чёлку отрезала и волосы, сейчас у неё они по плечам рассыпаны, и мне это нравится. Ей идёт.

– Ага, давай, я обрадуюсь! – согласился Кетов.

Я остановился перед светофором. Когда зажётся зелёный и я осторожно даванул на газ, мотор заглох.

Завёл двигатель, теперь на сцепление не дождал, мотор чух-чух – и опять замолчал в тряпочку. Не потому что машина плохая, просто водитель – чайник. За мной уже супертачки концерт устроили. Чёрт, тороплюсь, ещё и поэтому не получается... Чего сигналият? Можно подумать, через секунду их лайнеры в небо взлетят. Повернул ключ зажигания, снова одной ногой на сцепление надавил, другой – на газ, в этот раз газанул слишком сильно, мотор просто взревел, и машина скакнула очень уж резво. Хорошо, что впереди тачки не оказалось, а то бы точно в её зад ткнулся.

– Ты что, в космос? – смеётся Кед.

– А! Ноги должны педали чувствовать, а у меня они пока их только находят и не путают, – объясняю. – То с плюсом давлю, то с минусом. – Я медленно еду по улице. – Отец учил, учил, а потом рукой махнул. Сказал, со временем будет о'кей. Практика нужна.

Я переключился на третью, потом на четвёртую скорость.

– Ага! А то спутаешь тормоз с газом! – сказал Кетов.

– А что? Такое бывало.

– У тебя?

– Да пока, слава богу, нет. Рассказывали, девчонка какая-то... ну, девушка... вместо тормоза на газ нажала и – человека убила.

– Ни...– выругался Кетов. – Не, лучше велик. Во сто раз лучше.

– Будет время – все на велики пересядем.

– У-у, когда это ещё будет! Когда воздуха совсем не останется.

Едем мы потихоньку. И всё меня на обочину тянет – кажется, там безопаснее.

– Слышь, Зима, ты деньги на выпускной сдал?

– Да. Неделю назад ещё.

Кетыч вздохнул.

– Ну я, значит, на выпускной не пойду.

– Что так?

– Да попробуй у них деньги выклянчи. Украсть, что ли?

– Займи у кого-нибудь. Работать будешь – отдашь с зарплаты.

– А что? Это мысль. Работать-то я точно буду. Как пить дать. Слышь, а ты что, на Дымову запал?

Витёк вылакал пиво, раскрыл окно, чтобы банку выкинуть, но я не дал. Мы с папой к этому строго относимся. И так всю планету замусорили.

– Кед, выкинешь – пойдёшь подбирать.

Витёк закрыл окно, задымил сигаретой, закашлялся и снова опустил стекло – подышать.

– Я про Дымову спросил. Скажи – запал на неё?

– С чего ты взял?

– Что, я слепой? Зыришь на неё всю дорогу.

– И что дальше?

– Веришь в любовь?

– А кто же в неё не верит?

– Я.

– Откуда же дети появляются?

– Это не любовь, брателло. Это инстинкт. Вот у меня родичи. Каждый день скандалят. Вернее, каждую ночь. Отец дверью хлопнет, смоеется. Налижется – и ночью давай в дверь бабахать. Спите, детки, я не шумлю.

Витёк выпустил дым на улицу. Я тоже своё окошко открыл. Не люблю запаха табака.

– Ну вот... Он бабахает, а мать не разрешает открывать. Не хочет его домой пускать. Вот такая любовь...

– Как же ты спишь?

– Спишь! Вот так и не сплю... И соседям спать не даём, они нас уже ненавидят. И даже мелкого, Димку. А всё из-за них... дебилы!

– Чего ж тебя-то не любить... ты же не виноват.

– А всё равно. Папуасовы родаки нам в почтовый ящик послание кинули – будут заявление в полицию писать. А сами не пишут. Я за то, чтоб писали. Скажи им! Пусть предков полиция урезонит. Я вообще уже армии жду не дождусь. Смоюсь от них на фиг... А эта Дымова ничего, – как-то неожиданно он снова перескочил на Нику. – Я её с песочницы знаю. Вместе пирожки лепили. В песочнице-то! Она меня кормила, прикинь? – Кед похихикал. – Нет, правда, она ничего девка, не скандальная. И родители у неё вроде тихие. Но она ведь это... некрасивая.

– Я так не думаю, – холодно отвечаю. Сейчас он у меня в лоб получит. Только придётся остановиться.

– Как моя мать говорит: ни рожи ни кожи, – продолжал Кетов.

– Заткнись.

– А что? Я правду говорю!

Я въехал во двор Кетова, остановил машину.

– Я в последнем подъезде живу, – напомнил Кед.

– Ничего, доползёшь. Вылазь...

– Ну-ну, – вдруг разозлился Кетов. – Между прочим, я с твоей... этой... как её? Пассией – в одном подъезде живу. Отобью ещё. Не боишься?

Я толкнул его плечом.

– Башмак, я сказал: вали!

– Вилька Вельс со Стрекаловой тоже кадрил – бросил. Потому что любви, – Витёк так поводил перед лицом указательным пальцем, как дворники по переднему стеклу машины ходят, – не-ту. Ни-ни.

Кед вышел, потом сунул в открытое окно со своей стороны рыло и сказал на прощанье:

– Слышь, Кимка, любовь – фигня... плюнь на неё...

– Будем считать это благодарностью за то, что я тебя подвёз, – сказал я и тронул машину.

Кед дважды хлопнул дверцей, чтобы она закрылась, и показал, как надо плюнуть: смачно, со звуком. Свой плевок он растёр ногой в кроссовке и поплёлся к своему подъезду – высокий, сутулый, и таким он мне показался несчастным, что хоть беги следом и утирай ему сопли.

Мне всё-таки пришлось подъехать к его подъезду, чтобы развернуться на свободном от машин пространстве. Перегнал Кеда, и увидел в зеркало заднего вида, как он снова плюнул вслед моей машине. Мне расхотелось его утешать. Пока я разворачивался, двери подъезда открылись, и появились... Ника с матерью. У меня ёкнуло и забило сердце. Похоже, уже не только мои глаза, но и моё сердце стало Нику видеть. Погода была тёплая, хотя мрачная, с синими облаками, на Нике – голубая ветровка с капюшоном в дырочках. Нет, что бы ни говорил этот женоненавистник, Ника хорошенькая, и ей так идут этот капюшон в дырочках и неровная чёлка.

Я открыл двери.

– Привет, Дымова! Вас подвезти?

– Привет, – отозвалась Дымова. – Нет, спасибо, мы сами... У меня мама за рулём.

Она прошагала к серебристому «Форду».

Я вежливо кивнул её матери, которая протирала переднее стекло автомобиля, отогнув дворники. Деревенская картина с расстроенным Никиным личиком всё ещё была на моём внутреннем экране. Дымовская маман модно одевается и вообще больше похожа на её сеструху, чем на родительницу. Блондинка... Ведьма просто.

Ника уже сидела на пассажирском месте. Она улыбнулась и помахала мне рукой.

И вдруг я снова вспомнил, что захотел поближе познакомиться с Никой, потому что она незаметная. Дал себе такой зарок после фильма. Сейчас меня даже потом прошибло! Господи, да какая же она незаметная, а? Вот дуралей. Она же самая симпатичная девушка в мире. А может, и нет их вовсе – незаметных? Может, все девчонки заметные, просто нужно вовремя к ним присмотреться?

Дополз до подъезда Витёк.

– Уроды все, – бросил он так, чтобы я услышал, снова сплюнул через плечо и скрылся за дверью.

Во слюны у хлопца накопилось. Ядовитая, наверное. Надо посоветовать – пусть сдаст на анализ.

Ну вот. Дождь полил. Это не облака были синие, а тучи. Весна в этом году какая-то малокровная. Как будто её вообще нету. А есть вот что: Ника, консультации, деревня Волки, машина, уроки вальса, и снова – Ника в натуре и в моей башке. Такой вот фон к весне. Оп, абшибка. Это весна была фоном. Она галопом примчалась к последнему бубенчику, пардон, звонку.

Продолжение следует...

«А всего-то и надо – карандаш под рукой...»

Молитва

Прости меня. Не знаю и сама,
За что, но всё-таки меня прости –
За это мельтешение ума,
За неуменье истину найти.

За то, что ошибаюсь всякий раз,
Протягивая руку не тому,
Что зло за пышностью не вижу фраз
И фарс; что не встречаю по уму.

Прости гневливость и гордыни пыл,
И за уныние, и за разлад
С самой собой; прости за слабость крыл
И за внутри себя творимый ад.

За то, что часто не хватает сил
На большее; за слабость, за тщету...
Прости, как миллионам Ты простил,
Не дай уйти свеченью в темноту...

* * *

Я взлетала и думала: «С ним мы одно!»
И не знала, что рухну на самое дно –
Дно могилы, пещеры, колодца,
Где вода отразит лишь уродца.

Красота просочилась сквозь пальцы песком,
Обернулась змеиным кольцом, волоском,
Воском морочным заговорённым...
И уйти бы путём проторённым –

ВАЛЕРИЯ САЛТАНОВА

Валерия Анатольевна Салтанова родилась в Пятигорске, но большую часть жизни прожила в Воркуте. Участник семинара молодых писателей Республики Коми (1987). В 1998 году окончила Литературный институт им. А. М. Горького. В 90-е годы руководила Воркутинским литературным объединением «Сполохи». Публиковалась в коллективных сборниках, альманахах в России и за рубежом, антологиях, российских и зарубежных журналах, в «Антологии современной российской поэзии». Автор семи поэтических и десяти книг для детей. Как композитор издала два сборника песен и романсов. Занимается литературной критикой, переводом коми и белорусской поэзии. Член Союза писателей России, Союза журналистов России.

Да заказан тот путь, прокажён, отражён
В глубине невозвратной – и в сердце сожжён:
Ни принять, ни вернуть, ни вернуться...
Оглянуться – столбом обернуться.

Северные мотивы

Проклюнулся первый зелёный побег –
Осанна побегу!
На юге ничто не заменит мне снег:
Тоскую по снегу.

По снегу тоскую и брежу во сне
Снежинкой колючей.
И врать мне не надо, что здесь лучше мне –
Нисколько не лучше!

Так вышло, что сердцу навеки дана –
Рождению следом –
Россия – укрытая снегом страна,
Спасённая снегом.

Ах, окна замёрзли – смотри же, смотри! –
Ах, белая нега!
И ты мне, пожалуйста, только не ври,
Что лучше без снега...

* * *

Ночь дарует прохладу,
День дарует покой.
А всего-то и надо –
Карандаш под рукой.
Записать, раствориться,
Окунуться в себя,

Всех простив, чтоб проститься,
Каждый листик любя.
Пусть идут трудно строчки,
Пусть корябает слог,
Пусть прозренья-шажочки
Подбивают итог.
Поутихли все страсти,
Улеглись все ветра,
Отступили напасти
Далеко во вчера.
Как мне яростно пелось!
Как болела душа!..
Но сердечная зрелость
Входит не мельтеша.
Отболев, отпылало.
Свет стоит без прикрас.
Было мира мне мало,
А теперь – в самый раз.
В самый раз – разговоров,
Явью вторгшихся в сны,
Исступлённых просторов
Неоглядной весны.
И неспешного дела,
И раздумья в ночи,
И уставшего тела,
И тепла от свечи...
Лет, бесследно ушедших,
Мне довольно вполне,
Всех идей сумасшедших,
Что смирились во мне.
И друзей окаянных,
Что ушли не в свой час,
И молитв покаянных –
Чёрной краской у глаз...
...Ночь дарует прохладу,
День дарует покой.
А всего-то и надо –
Карандаш под рукой.

На новой высоте

Памяти Николая Герасимова

Нет тебя. Высоко твои горы –
Не достать ни мечтой, ни рукой.
Никакие ни злыдни, ни воры
Не нарушат твой гордый покой.

Неспокойный и непокорённый,
Ясным светом от веку томим,
Ты свою тропой неторёной
Шёл упорно к вершинам своим.

Сильным духом до смерти нет дела –
Пусть шурует в свою пустоту!..
Просто шёл ты – и вышел из тела,
Чтобы новую взять высоту...

* * *

Мои очертанья растают во мгле –
Без крика, без злости...
Я гостя всего лишь на этой земле,
Я званая гостя.

А гостю не след по-хозяйски глядеть,
Не след пресыщаться.
Ведь гостю ничем не дано здесь владеть –
А лишь угощаться.

Отведать рассвета, закат пригубить,
Надежды напиться,
Весь мир этот солнечно-лунный любить –
Да не загоститься...

Мы выстоим

Мучительно жалею свой народ.
Кромсает бомж батон. Крещу вослед.
Тьма нравственный сжигает кислород.
«Да будет свет... – шепчу. – Да будет свет!..»

Бесплотный морок заполняет грудь,
Скребёт в гортани, путает слова...
Я верю, что народ мой не согнуть, –
Сто тысяч раз история права!

Мы терпим. На груди рубах не рвём.
И воздух напоён пылью планет.
Мы выстоим. Мы мрак переживём.
«Да будет свет! – твержу. – Да будет свет!»

Мы не алкаем мести и войны,
И угрожать безумцам нам претит.
Мы не жадны, не злы, не голодны.
Но вдруг да нагуляем аппетит?!

Мы печь седлаем. Мы не ищем брод.
Мы долго запрягаем – тыщу лет...
Неистово я верю в свой народ:
Он одолеет тьму. Добудет свет.

Автоэпохальное

Вот так я выпала из быта –
Иду торжественно-ничьей,
Исчерпана или избыта
До края слёз, до дна речей.

И лет прошедших тугоухость
И кривобокость мне любя.
За эту скупость, эту сухость
Благодарю тебя, судьба.

Чтоб уцелеть в эпоху лисью
Под гнётом слов и дня грозой,
Сама я стала дном – и высью,
И словом стала, и слезой.

Воркутинские сердца

Вот – приехала. Всё – чински:
Радость, праздник, каравай...
Доброта по-воркутински –
Это щедрость через край!

Через край – сердец теплыща,
Через край – даров кошель.
Зря волчицей лютой рыщет
Воркутинская метель.

Жжёт Борей, мороз крепчает,
Хрипнут, стонут деревца...
Странно: климат лишь смягчает
Воркутинские сердца!

Сердце другу – нараспашку:
Пищу, помощь и приют.
И последнюю рубашку –
Если надо! – отдают.

Огонёк и в стужу тлеет...
Как же я вас всех люблю!
В мире нет сердец светлее,
Чем у света на краю.

На Рождество

Трудно душе без веры
Да без молитв.
Вот и горчит без меры,
Вот и болит.

Запахи терпкой хвои
Праздник хранит.
Короб грехов с лихвою
Полон стоит.

В сердце ночного грота –
Дня торжество...
Будет душе работа
На Рождество.

Мой век

Вот и время терять друзей,
Потихоньку итожить жизнь.
Что тарацишься, век-ротозей?
Ты держись, мой век, ты держись.

В ломком крошewe декабря
Под восточных ветров грусть
Не ругай меня почём зря –
Я ещё тебе пригожусь.

Льёт серебряный звёздный ковш
Межпланетное молоко...
В грудь мою ты, мой век, вхож,
Да дружить с тобой нелегко.

Нынче пена вошла в почёт:
Пшик да гниль кругом, гнусь да слизь...
Век мой, бед моих звездочёт –
Ты не гнись, мой свет, ты не гнись.

Отопрёт кастальским ключом
Вдохновение сейф в груди...
Я подставлю тебе плечо,
Только ты уж не подведи.

Переводы с коми Валерии САЛТАНОВОЙ

Александр
ЛУЖИКОВ

Еджыд дөрөм

Мамö еджыд дөрөм вурис.
Вурис мичаа да бура.
Сэсса югыд тувсов войö
сйöс вышивайтис чойй.

Вышивайтис коми серөн.
Татшöм дөрөм новліс Пера.
Новлöма и пöльлön пöльыс,
мортыс овлöма кöть гöля.

Лым кодь югыд, сöстöм дөрөм
öвтö купальнича көрөн.
Сййöс пасьталан, да ловлы
сöстöмджык жö овлö.

Еджыд дөрөм – менам шудöй –
куйлö öні камод кудйын.
Чоййöс дзёбöм бöрын сьöдöс
пырджык пасьтавлыны мöді.

Ичöt чоййöс дзёбöм бöрын
колис вышивайтöм дөрөм.
Еджыд рöмыс – сылön олöм.
Дөрөмвывса серыс – лолыс.

Менам дөрөм – коми сера.
Татшöм дөрөм новліс Пера.
Новлöма и пöльлön пöльыс,
овлöма кöть мортыс гöля.

Белая рубашка

Белую, как стены храма,
Сшила мне рубашку мама.
На все руки мастерица,
Вышила её сестрица.

Будто бы лесным простором,
Коми вышила узором.
Вот в такой ходил когда-то
Дед – хоть жил он небогато.

Белая, как снег в низине,
Чистая, как первый иней,
Свежестью приникнет к коже –
И душа светлеет тоже.

Но пришла другая мода:
Белую на дне комода
Спрятал. Нынче, если честно,
Больше чёрная уместна.

Нет сестры теперь у брата –
Вечным сном она объята.
Память, боль, источник света
Для меня – рубашка эта.

Ведь душа в её узорах
Чище, чем вода в озёрах,
Горестней, чем снег в низине,
Праведней, чем первый иней...

* * *

Молодой,
умывшийся водой студёною
ручья лесного,
веничком берёзовым пахучим
в банке парившийся,
сложенной из приручейных
отшлифованных камней,
в чистый холст, будто младенец,
запелёнатый
да матушкой любимую обласканный,
разрумянившийся, нежный –
очи цвета голубики, –
убаюканный ветрами
летний
вечер.

* * *

Боль старуху несчастную гложет,
сердце рвёт на куски,
будто зверь, всё сильнее.
Мне молиться старухе той, может?
Может, я виноват
в чём-нибудь перед нею?

Кто мечты выжег вместе с любовью?
Мужу павшему
что неотпетому снится?
Где отыщешь могилу сыновью?
Почему не кончается жизнь –
длится, длится?..

* * *

Вёрса, сёдз ёль ваён мыссьёдём,
том,
сирёд кыз пу корёсьён,
шор дор изйысь тэчём горъя
пывсянын
пывсьёдём
да сөстём рузумён
муртсыть тубрыштём,
да мамнас бурёдём-лелькуйтём,
банийём чужёма, сөстём,
чөдлач синъяса кага кодь,
гожся
унмовсьысь
рытыс.

* * *

Олө пөчө
да мырсьө,
да кашкө...
Дойыс сьёлөмас –
пиня да гыжа.
Тайө пөчыслы
юрбитны
колө мен, гашкө...
Гашкө, пөч водзас
мыйыськө мыжа?
Коді томлунсө,
муслунсө
нөбөдіс-нуис?
Усьём верөсыс
кытөні узьө?
Кытөн
пиыслөн
аддзывтём, лелькуйттём гуыс?
Мыйла
олөмыс кажитчө кузьён?..

* * *

Енмӱй, тавой менам
вӱтавсьӱма вӱтнам,
бытьӱ Му шар вылас
коли дзик-дзик ӱтнам.
Бытьӱ муыс збыльысь,
а эз вӱтын, мойдын,
енӱж шӱрысь ылькыйысь
кӱдзыд ваӱн ойди́с.

Бытьӱ Му шар вылас
эз коль ӱти коми.
Бытьӱ, бытьӱ збылысь
воис олӱм помыс.
ӱтнам бытьӱ коли,
олӱм сувтӱм бӱрын,
йӱзтӱм, шуштӱм, гажтӱм
ичӱт ди́тор шӱрын.

**Анжелика
ЕЛФИМОВА**

* * *

Вольпасяд мед эськӱ водны кыкӱн.
Кытчӱ бара-й, пӱлӱй, вошин? Кытӱн
Менсьым шудӱс мый вермӱмсьыд летан,
Бытьӱ ыджыд грекысь водзӱс сетан?

Локтана кӱ вӱлин, важӱн локтин,
Эшкын улысь йизьӱм кокъяс шонтин.
Кадыс ӱдӱн чурскӱ муслун пайӱс...
Кӱть нин кӱдӱскӱ мед
кильчӱ дорӱ вайис!..

* * *

Господи, сегодня
в сна попал я сети,
будто бы отныне
я один на свете.
Будто мир не сладил
с тёмною бедою:
затопило землю
ледяной водою.

Будто нет в помине
на планете коми,
и густого мрака
ничего нет кроме.
Господи, мне вовсе
было не до смеха:
из живых остались
только я да эхо...

* * *

Нам в обнимку было бы теплее,
Я б тебя дыханием согрела.
Где ты бродишь? Приходи скорее!
Неужель я счастье проглядела?

Приходи! Забуду все ненастья –
Ведь не зря молилась я усердно...
Чашу мне отмерянного счастья
Время пьёт и пьёт немилосердно.

* * *

Всего-то надо мне для счастья в дом:
Картошку с солью на столе моём
Да душу живу б рядом за столом...

* * *

Рухнуло, как в зеркало,
Дав надежду,
Небо голубиное
В речку Эжву.
Брошу старый невод я
В синь святую:
Вдруг поймаю рыбку там
Золотую?..

* * *

Слишком тёмен ты, осенний вечер,
Слишком путь домой уныл и мрачен!
Мной в пути, увы, никто не встречен,
И последней веры свет утрачен.

Мне бы жить, весна, неторопливей –
Ведь от чувств отречься безопасней!
Без любви была я всех счастливей.
Без любви я стала всех несчастней...

* * *

А менам шудлы уна оз и ков –
Мед пызан вылын –
Картупель да сов,
А пызан сайын кодкё ловъя лов...

* * *

Шлапкысьёма-усьёма
Эжва юас
Гулю рёма енэжыс.
Гөгөр туис.
Кильчө бокö шыбитла
Дөмлөм тывйёс,
Гашкө, сэтчө пысасяс
Зарни кыйдөс...

* * *

Вывті жö нин пемыд арся рытыс,
Вывті жö нин шуштөм гортлань туйыс.
Öдвa содö кок туйяслөн лыдыс.
Мый тэ эськө мекöд вöчин, тулыс?!

Кыв öд сетлін, ог пö сэсса вөрöд,
Эновтча пö, пель сьöдмытöдз долини!
Мусатөг ме медся шуда вöлі.
Мусатөг ме медся шудтöм коли...

* * *

– Тэ мыйкө вунөд,
медым выльысь кежавны.
И мыйлы сәні асыя руыс вежалө –
Кык верстьө мортөн
коркө дзеблөм греклы,
Кодысь ми тэкөд мынтысям со век на?!

– Ме уналаө быдсямасө вунөдлі
И косавлі. И быттьө весиг сүөдлі.
Но Эжава юад оз позы пырны кыкысь,
Көть мыйөн сәсся васаыслы мынтысь...

**Ольга
БАЖЕНОВА**

* * *

Ме тәнө төдмала. Эн пов.
И сюрс, и миллионъяс лыдысь.
Тадз чужан ловсө аддзө лов
Көть кутшөм ылысь,
Кутшөм пыдысь...
Тадз локтө чужан тыас юсь.
Тадз сьөмга локтө
Чужан юас...
Мед туйыс овлө вывті кузь,
Ме локта.
Кызиджык?
Эн юась...

* * *

Вернись обратно
сквозь ветра обманные
К вещам забытым, в эти дни туманные!
Кто согрешил
судьбе наперекор?
Чей грех мы искупаем до сих пор?

Я тоже возвращалась к позабытому,
К проклятому, сокрытому, избытому!
Но только дважды
в Эжву не войти –
Хоть чем ты водяного улести...

* * *

Не бойся, я тебя найду,
В стотысячной толпе узнаю.
Так сквозь дорог и лет беду
К душе спешит душа родная.
Так лебедь вновь летит к пруду,
Припав крылом к родному краю...
Пусть долог путь, но я приду.
А как – не спрашивай.
Не знаю.

Ненаписанное стихотворение

Где звезда высоко-высоко,
Что уральской вершине снится,
Мне на коми Тебе молиться
Неприкаянно-одинок.

Вдалеке от соблазнов света,
Мутных почестей, лжи отравы,
От пустой и неверной славы
Буду вещим я сном согрета.

Я Твой след отыщу над кручей,
С ветром жгучим осилив битву,
Чтоб прочесть в тишине молитву,
Обжигаясь слезой горячей.

* * *

Ты целуешь меня,
как никто другой:
Нежно-нежно –
в глаза, щёки, ухо...
Чтобы страшные сны
замело пургой,
Чтобы сгнула
ночь-повитуха.
Чтобы нежную весть
золотого дня
Поцелуй твой
на коже озвучил...
Знай: надёжнее всех
ты хранишь меня,
Словно луч,
воссиявший сквозь тучи.

Гижтӧм кывбур

Кӧні кодзулыс мичсьыс джӧмдӧ,
Ыджыд из йылын, вылын-вылын,
Тэныд кевмысьны коми кылӧн
И не аддзывны тэно, не тӧдны.

Юмов сьыланысь, ошкан везйысь,
Гудыр шоныдысь ылӧ-ылӧ!
Медым славаыс кӧнкӧ сьылӧ:
Меным чунькытш
ни юркытш оз кӧсйысь.

Пӧся эска ме ина вӧтлы, –
Чизыр тӧвъяслы паныд петысь –
Корсьны кок туйтӧ тэнсьыд сэтсысь,
Кыті некор на некод эз ветлы.

* * *

Менӧ некод на
тэ моз эз окавлы:
Ӧти синукӧс оқыштан,
мӧдсӧ...
Медым лӧк вӧтъяс
некор оз локтавы,
Мед эг аддзыв ме
войшӧрса сьӧдсӧ.
Медым бӧръяӧн –
лӧньӧдысь вом дорыд –
Югыд лунсяныс
небыдик юӧр.
Сэтшӧм колана
лелькуйтӧм-дорйӧмыд –
Олӧм во пырыс
вуджӧдысь юӧр.

* * *

Мортыс нинӧм ыджыдсӧ эз вӧч,
Мамыс весиг нинӧмсӧ эз казяв.
Прӧста сылӧн мӧвпыс – ёна стӧч:
Дзугӧм кывъя гӧрӧдъяссӧ разьӧ.

Гӧрӧд разьсис, воссис паськыд эрд,
Мортсянь мортлы восьтӧмторйыс
тырмӧ...
Некодӧ эз кывлы ни эз тӧд,
Кызди мортыс коркӧ гижис
Кывбур.

* * *

Подвиг человек не совершил,
Никаких таких не взял вершин.
Просто мысль, острее, чем игла,
Слов узлы распутывать могла.

Узел развязал – открыл простор,
Что хватает людям до сих пор.
Просто средь житейской шелухи
Написал вдруг
человек
стихи.

**ЕЛЕНА
КОЗЛОВА**

Елена Васильевна Козлова (Ветошкина) – коми писатель, член Союза писателей России, председатель правления Союза писателей Республики Коми. В 1988 г. вышла первая её книга для детей «Лёз клянчи». Рассказы Елены Васильевны переведены на многие языки народов России, а также на финский, венгерский, эстонский, шведский. Пьеса по её повести «Туй дор бадь» была поставлена в Музыкально-драматическом театре Республики Коми. Е. В. Козлова является составителем Антологии коми детской литературы. Переводит произведения русских и финно-угорских писателей на коми язык. Автор книг «Шундыр» (2007); «Волшебные очки. Гёгыля-вугыля» (2008); «Таинственная тропа» (2012); «Непутёвый мальчишка» (2019).

Сказ о Сильвестре Обнорском

Странник с посохом

Сильвестр неторопливо шёл с посохом в руке. Он не был стар, просто с посохом удобнее: можно, опираясь на него, отдохнуть, можно отпугнуть лающую собаку, можно повесить домотканую сумку и закинуть за плечо.

От села к селу, от города к городу на северо-восток. Странник и сам не знал, куда приведёт его дорога. Но он ясно осознавал, для чего идёт и как будет жить. По пути заходил в церкви, в часовни и долго молился. И никто его не останавливал, никто ни о чём не спрашивал. После совершения молитвы он испрашивал разрешения переночевать в церкви, и ему не отказывали, ибо понимали, что это Божий человек.

Порой священник приглашал его домой отужинать, и за столом Сильвестр рассказывал, что был послушником в Троицкой обители, получил иноческое пострижение от преподобного Сергия Радонежского и благословение на пустынножительство, жаждет уединения и ищет такое место, где может предаться неустанной молитве и бдению.

Утром, помолвившись и умывшись холодной водой, он снова отправлялся в путь. Служители церкви клали ему в котомку запасы еды и, провожая, крестили его вслед.

Иногда ночь заставляла его в поле или в лесу. Тогда он раскладывал костерок, кипятил себе воду в котелке, заваривал листья малины или смородины, а иногда и кусочек чаги, замачивал в горячей воде сухарик, – это был его ужин.

Он с детства любил лес и совершенно его не боялся. От дождя обычно прятался под раскидистой елью. От полуденного знойного солнца скрывался под сенью лиственных деревьев. Досаждали его только многодневные дожди, и это тоже случалось. Тогда приходилось проситься к кому-нибудь в избу переждать непогоду. И ему становилось грустно.

Сильвестр торопился: надо найти заветное место до наступления холодов, где он будет наиболее близок к Богу, где будет услышан. Это место он должен почувствовать. И более всего он боится его пропустить или не найти.

Он нашёл это место в глухом лесу, вдали от людского жилья, на берегу реки Обноры. До морозов успел поставить крест и соорудить себе небольшую тесную келью. Не видно его кельи ни с просёлочных дорог, ни со стороны реки. Не ведут к нему ни тропинки, ни охотничьи путики. Никто в округе не знает и не ведаёт про него*.

А он обрёл спокойствие, душевное равновесие. Пришёл туда, куда стремился, нашёл то, что хотел. И предался преподобный Сильвестр, в уединении и строгом посте, неустанной молитве во славу Божию.

Путник и отшельник

Долго никто из местных жителей не знал, что в лесу, в укромном месте на берегу реки Обноры, устроил свою келью отшельник. Но однажды один из крестьян этого края сбился с пути и случайно наткнулся на еле заметное строение, похожее на баньку. Очень удивился и решил посмотреть: живёт ли здесь кто? Подошёл поближе, осмотрелся и понял, что там и в самом деле кто-то есть. К нему вышел старый, седовласый человек невысокого роста в изношенной одежде и со светлым ликом. Он был смущён тем, что его жилище обнаружили, так как привык к одиночеству.

Путник рассказал, кто он и как попал сюда. И ещё рассказал о том, что он издали много раз замечал в этом месте свечение, как будто бы отсюда в небеса исходят светлые лучи, а то и облачный столп. Но никогда не мог объяснить это явление.

– Сейчас я понял, что вы – Божий человек, и вашими молитвами озаряется небо.

Сильвестр прослезился от таких слов, затеплилась надежда, что его молитвы доходят до господина Бога. Но где-то в глубине души зародилась скорбь от того, что людям стало известно место его молений.

– Батюшка, как же вас звать-величать? – спрашивает путник.

* Обитель Сильвестра Обнорского находится в 105 верстах от Ярославля, в 16 верстах от города Любима на берегу реки Обноры, впадающей в реку Кострому.

- Сильвестр я, при пострижении дано мне это имя преподобным Сергием.
- Как вы тут обитаете, батюшка? Ни пашни, ни полей нет.
- Молитвами, молитвами. Давненько уж тут живу.
- Как без хлеба-то?
- Питаюсь я кореньями, травами, камбий с деревьев брал. Тяжко было без хлеба. Сначала совсем обессилел от голода, даже падал на землю несколько раз. Но потом явился ко мне какой-то чудный человек, вестимо, Ангел. Прикоснулся своею рукою, и с тех пор я обрёл крепость, сейчас не страдаю из-за пищи.
- Благословите меня, батюшка, – пал путник перед Сильвестром на колени. Благословил его преподобный, почитал молитвы, сказал нужные слова.
- Ушёл путник в своё село, но вскоре вернулся он к отцу Сильвестру, привёз хлеба да муки на запас.

От кельи до храма

Молва об отшельнической жизни старца разошлась по сёлам и весям. Стали стекаться к нему люди из ближних и дальних деревень. У каждого было своё горе, своя беда. Кто-то просил совета, кто-то хотел с Божьим человеком побеседовать, а кто-то нуждался в помощи. Никому не отказывал Сильвестр, всегда встречал с пониманием, выслушивал и старался помочь кому добрым словом, кому советом, а кому и молитвой.

Приходили люди и приносили ему пищу и хлеб.

Сначала большезлазый круглолицый мальчик-сирота Пахомка остался у Сильвестра пожить, затем златовласый веснушчатый отрок по имени Флор попросился побыть, поучиться у него. Он соорудил для себя небольшое жилище рядом с кельей преподобного.

Однажды ранним утром Сильвестр пошёл по еле заметной тропинке к реке Обноре зачерпнуть воды. День только занимался, ещё роса не обсохла на траве-мураве. Посидел Сильвестр на берегу, полюбовался возвышающимися рядом белоствольными берёзками, наклонившимися над водой плакучими ивами. И благостно стало на душе от этой красоты, спокойствия, величавости природы. Помолился Сильвестр, перекрестился. И случилось чудо! И было у него откровение! Он вдруг увидел лодки, причалившие к берегу, много людей, идущих к нему, и услышал церковное пение. И понял он, что избранное им место для подвигов процветёт и много иноков соберётся к нему. Сильвестру стало ясно, что он нужен людям, что они жаждут его благословения, его молитвы, его наставления. И он уже не может отречься от них и остаться в уединении, как раньше.

Молодые и старые стали оставаться у него, просили его согласия на строительство жилья. Если Сильвестр видел искреннее желание служить Богу, совершить спасительный подвиг во имя Христа, он не препятствовал этому. Вскоре около него собралось много новых сподвижников, желающих посвятить себя служению Богу.

Стал Сильвестр думать, как быть и что делать. И принял он решение: нужно построить храм. И стал он готовиться к поездке в Москву к митрополиту Алексию за благословением.

Путь в Москву

Пешком отправиться в Москву Сильвестр уже не решился: и годы уже не те, да и пешком идти – дорога длинная, а дела откладывать в долгий ящик неразумно. Надо быстрее получить благословение у митрополита и приступить к строительству храма.

В дорогу собрались весной, как только река освободилась ото льда. Сильвестр подготовился к поездке основательно. Насушил сухарей, травок да ягод разных, ещё кое-какую провизию припас. Крестьяне просмолили ему лодку.

Хотел Сильвестр взять с собой только отрока Фрола: и смыслённый он, и хваткий, и на руку мастеровит. Но когда Сильвестр озвучил это, то у мальчишки-сироты Пахомки глаза наполнились слезами и посмотрели с такой немой просьбой, что и его решил взять с собой. Может, где и подсобит в дальней дороге, а уж вспоминать о поездке будет всю жизнь.

Помолились, сложили нехитрые пожитки в лодку и оттолкнулись от берега. Свежо на реке, но ребята гребут изо всех сил, им жарко. Сильвестр сзади сидит, на корме, лодкой правит.

Радостно на душе у ребят: скоро в столице, первопрестольной, побывают! И возможность появилась для доброй беседы.

Вот уж времечко выпало, обо всём можно преподобного спросить! Как он в монастырь попал? Как в большом монастыре жизнь налажена? Каким он был, преподобный Сергей Радонежский? Как в городе люди живут? Можно ли будет в Москве бояр да князей увидеть?

На все вопросы мальчишек Сильвестр обстоятельно отвечает. Ему и самому приятно всё вспоминать.

Пообедали на берегу: костерок развели, водичку вскипятили, листья смородины заварили, сухарики размочили, поели. Вечером решили рыбки половить, уху

сварить, а днём, пока светло, надо дальше плыть. Ночевали тоже у костра. Так и доплыли до Любима по реке Обноре.

Любим – селение большое, много домов деревянных, и все окнами на реку. Вдоль берега лодки в ряд, сети на просушку развешаны. Причалили путники к берегу, лодку подтащили выше и привязали к дереву. А сами решили в церковь сходить, свечи поставить, помолиться. Она большая, деревянная. После убогой кельи Сильвестра здесь всё: дома, церковь – кажутся большими и красивыми.

– Батюшка, у нас такая же церковь будет? – с волнением спрашивает Пахомка.

– Будет, сынок, будет, – с улыбкой отвечает Сильвестр.

– Сами построим, – уверенно подтверждает Фрол. – Будешь помогать? Или ты только по птицам пулять умеешь?

– Ну что ты вечно дразнишься? Конечно, буду помогать, – обещает мальчик.

Фрол деловито обошёл церковь, измерив длину и ширину шагами. Прикинул высоту, рассмотрел колокольню.

– А колокол-то откуда взять? – вдруг забеспокоился паренёк. – Церковь построим, а колокол мы сами сделать не сможем, – уставился он ясными синими глазами на преподобного.

– С Божьей помощью, – отвечает старец. – Сюда привезли, значит, и до нас можно довести.

И тут они услышали колокольный звон. От неожиданности Пахом даже сел на землю. Как замороженные слушали они благословенные звуки. От нахлынувших чувств повлажнили глаза преподобного. Он начал истово креститься. Уже забытый и такой родной перезвон.

– Это кто? Откуда этот дивный звук? – шёпотом спрашивает Пахом, ведь он слышит это впервые.

– Смотри вверх, видишь колокольню? Там звонарь звонит в колокол. Видишь, как искусно перебирает? – рассказывает Сильвестр.

– Чудно! – удивлён мальчишка.

– Хочешь научиться так же? – вопрошает старец.

– Если бы можно было... – выдохнул Пахомка.

– Нужно. Как церковь построим, колокол привезём. Звонарь сразу понадобится, – поясняет Сильвестр.

– Оставим тебя тут, вот и учись, – встрял в разговор Фрол.

– Меня тут оставите? – расстроился мальчик. – Я, конечно, хочу быть звонарём, но я так хотел Сергиев Посад посмотреть, в монастыре пожить, в Москву сходить. Возьмите меня с собой. Не оставляйте меня! Ради Бога возьмите! Христом Богом прошу! – разревелся Пахом. Он сел на землю, согнулся в плаче. Такой маленький, беспомощный, плечи дрожат.

– Ну, хватит, хватит, охолопись, – сел рядом с ним на травку Сильвестр и приобнял его за плечи. – Не пристало мужику плакать, ты должен быть сильным. А

коли чего очень желаешь, помолись Господу Богу. Пойдём мы с тобой в Москву, пойдём, всё увидишь своими глазами, всё запомнишь. Будешь другим рассказывать, как в Москву ходил. А на обратном пути здесь останешься, будешь учиться в школе, заодно мастерству звонаря научишься. Приедешь грамотным, будешь опытным звонарём, а мы к тому времени уже и свой монастырь построим. Ну что? Согласен? – спрашивает преподобный. А сам вспомнил своё босоное детство: с обидами, со страхами, со слезами, с незаживающей раной от ранней потери родителей. И гладит, гладит мальчонку, пытаюсь утешить, приголубить, его обиду в себя вместить.

– Согласен, – отвечает Пахом, вытирая слёзы. – Пусть только он не дразнится больше, – кивает на Фрола.

– Очень надо тебя дразнить, плакса, – пробормотал про себя Фрол. Он сам не ожидал, что его слова так ранят мальчика. Хорошо, что преподобный ему внушение не сделал, а то бы стало скверно на душе.

Но Сильвестр уже засобирился в церковь, чтобы на службу не опоздать.

Пахомка, переваливаясь с ноги на ногу, простоял всю службу рядом с преподобным и с Фролом. Рассматривал иконостас, оглядывал верующих, слушал дивное пение – ему всё это было в новинку и всё более и более нравилось. Размечтался, как будто он уже сам взрослый и ведёт службу и даже знает, какие слова надо говорить и на какой странице Библию читать.

Но служба закончилась, и Пахомке пришлось прервать свои мысли.

Отобедали у священника, отца Александра. Его сын Николай и Фрол спустились к реке, привязали к дереву лодку – Николаю на хранение. Отец Александр помог найти попутную подводку.

И поехали они в сторону Москвы. Леса и перелески, поля и луга. Лесные ручейки и полноводные реки. Деревни и сёла; большинство домов крепкие и основательные, есть и полуразвалившиеся, и убогие. От селения к селению, с телеги на телегу, лошади меняются, и ямщики другие. Остановятся на отдых, попросятся на ночлег, попарятся в баньке, напьются у хозяйшки парного молока, и опять вперёд.

Вот и Ярославль, красивейший город Руси. Церкви, купола золочёные, дома с узорными наличниками, улицы мощёные, лавки многочисленные, товар иноземный – глаза разбегаются. А столько людей да лошадей Пахомка в жизни не видел! Всё крутит головой, рассматривает. Всё ему в диковинку. Да и Фролу тоже. Хотя он старше Пахомки, в городах доселе не бывал.

Один только Сильвестр голову не потерял. По прибытии в Ярославль сходил в мужской монастырь, отстоял службу, побеседовал с игуменом, встретился со знакомыми монахами, поделился с ними наловленной по пути рыбой. Монахи дали ему на дорогу деньги. А ещё Сильвестр узнал, где ямская станция, и договорился о дальнейшей поездке.

В тот же день отправились в путь, опять на подводах. Переяславль-Залесский город, утопающий в садах, уже проехали.

А вот и Сергиев посад, дорогое место для Сильвестра. Здесь он твёрдо уверовал в Бога, здесь научился грамоте, здесь принял постриг. Отсюда он отправился искать свою дорогу к Богу.

В Посаде надо пожить несколько дней, отдохнуть с дороги, помолиться, поговорить с братьями, посоветоваться, узнать, куда идти и как обратиться за благословением. Здесь всегда примут как родного, накормят и обогреют. Сильвестру выделили келью, мальчиков поместили к послушникам. Они отдохнут, потом будут помогать по хозяйству, заодно присмотрятся к монастырской жизни, узнают, кто какую работу выполняет, кто за что в ответе.

В Москве

Душой отдохнул Сильвестр в родной обители. Но слово, данное Богу о строительстве нового храма и монастыря, требовало действия. Надо было добиваться разрешения строить, а самое главное – получить благословение.

От Сергиева Посада до Москвы путь тоже не близкий, но Сильвестр решил пройти это расстояние пешком. Ему казалось, что так угодно Богу. А во время пути можно ещё раз обдумать все слова, которые он намеревался сказать святителю Алексию.

Долгая беседа с московским митрополитом Алексием закончилась умиротворением. Алексей выслушал Сильвестра, расспросил о тех местах, где тот желает обосновать монастырь и построить храм, и с большой радостью благословил. Сильвестр получил антиминос* и был поставлен игуменом первой иноческой обители в Обнорском крае.

Душа Сильвестра наполнилась возвышенной радостью и счастьем. Он понимал, какую ответственность взял на себя, и был полон решимости оправдать доверие. Сильвестру хотелось быстрее отправиться в путь и взяться за работу. Но и в Москве дел хватало. Надо обойти церковные лавки, мастерские, попросить инвентарь, приобрести иконы, встретиться с мастерами: может, кто-то поедет с ним возводить храм.

* Антиминс – в православии четырёхугольный плат из шёлковой или льняной материи со вшитой в него частицей мощей православного мученика; также является документом, разрешающим совершение литургии.

Фрол и Пахомка ходили по Москве. Огромное впечатление на них произвёл Кремль, а также каменные храмы и церкви. После всего увиденного они долго сидели на берегу реки Москвы и мечтали о строительстве своего храма. Немного помолчав, Пахом спросил:

– Фрол, а меня преподобный и в самом деле оставит в Любиме?

– Наверняка, преподобный уже договорился с отцом Александром. Будешь на звонаря учиться. И грамотным будешь.

– А тебе разве не надобно учиться? – опять спросил мальчик.

– Тоже бы хотел. Но я уже взрослый, на строительстве храма нужнее буду.

– Если я преподобного очень-очень попрошу, то он согласится и тебя оставить в Любиме, и мы вместе будем учиться, – предложил Пахом.

Фрол, немного подумав, ответил:

– Нет, Пахомка, не надо просить. Я помогу построить храм и обитель, а потом поговорю, может, он меня отпустит в Сергиев Посад.

– И ты насовсем уедешь? – округлил глаза Пахом.

– Да нет же, только учиться. А насовсем как-то неловко получается, – сказал Фрол. – Ты представь, что преподобный так бы и остался в Посаде. И как бы мы с тобой жили? Мы бы ничего не знали, ни о чём не ведали. А так он нам глаза открыл, целый мир показал. Нам уезжать от него никак нельзя, нам надо продолжать его дело. Я так думаю.

– Правильно ты думаешь, – поддержал Пахом. – Нам не пристало его одного оставлять.

– А грамоте меня сам преподобный будет обучать. Я и так уж немало знаю.

Храм Воскресения Христа Спасителя

Трудами преподобного и собравшейся около него братии на берегу реки Обноры был построен храм во имя Воскресения Христа Спасителя. Расписывать храм пригласили иноков из Ярославля. Оттуда же по первому морозу на санях привезли колокол.

Ещё больше народу стало приходиться к Сильвестру: крестьяне, простолюдины, князья, бояре. Одни шли, чтобы получить от преподобного благословение и услышать поучительное слово. Другие хотели покаяться в своих грехах, получить отпущение и утешение. Некоторые оставались в обители, чтобы всю свою жизнь посвятить служению Богу под руководством опытного подвижника.

Много труда, ума, знаний вложил преподобный Сильвестр в обустройство

монастыря. Но когда выпадало свободное время, он, по обыкновению, уходил в лес, уединялся, ведь за много лет привык молиться в одиночестве. В молитвах его душа обретала благодать.

Когда Сильвестр возвращался, около монастыря его ждали страждущие. Все жаждали видеть преподобного, получить благословение и услышать доброе слово. Приносили детей, приводили больных, просили наставлений и целительных молитв. Для встреч и бесед с людьми Сильвестр облюбовал часовню.

Дремучий лес на берегу реки Обноры ожил, место, где Сильвестр долгие годы провёл в одиночестве, в молитвах и бдениях, стало известно многим людям.

Фрол и Пахом не оставили Сильвестра. Фрол вырос, возмужал, стал очень работающим и старательным, любое дело спорилось в его руках, он с радостью выполнял все поручения преподобного. Вскоре принял постриг и под именем Феодор стал заведовать всем хозяйством монастыря и перестал лелеять мечту о поездке в Сергиев Посад. Пахом, смышлёный мальчуган, обучился грамоте в Любиме у отца Александра, стал переписчиком святых книг, научился звонарскому мастерству, в монашестве стали его звать Симеон. С ним иногда подолгу беседовал святой старец, часто вспоминал поездку в Москву.

Так в глухом лесу, когда-то в безлюдном месте, возникла новая обитель, куда народ шёл за жизнью праведной, за словом Божиим.

Болезнь и кончина старца

В трудах, в заботах и в молитвах прошло много лет. Жизнь в обители наладилась, иноки видели своё предназначение только в служении Богу.

Сильвестр часто уходил молиться в берёзовый лес. Это место получило название «заповедная роща», так как преподобный запретил там рубить деревья. В глубине этой рощи сам преподобный вырыл три колодца, а четвёртый – на склоне горы у реки Обноры на месте ключа. Этот, самый последний, сохранился и по сей день, любой паломник может прийти и напиться чистой воды.

Когда Сильвестр впал в предсмертную болезнь, братья сильно кручинились о предстоящей кончине святого. «Не скорбите об этом, братья мои возлюбленные, – говорил им в утешение преподобный, – на всё воля Божия. Сохраняйте заповеди Господни и не бойтесь в этой жизни потерпеть беды, чтобы получить награду на Небесах. Если же я буду иметь дерзновение у Бога, и дело моё будет Ему угодно, то это святое место не оскудеет и по моём отшествии. Молитесь только Господу Богу и Его Пречистой Матери, чтобы избавиться вам от искушений лукавого».

Сильвестр отошёл ко Господу 25 апреля 1379 года и был погребён справа от деревянного Воскресенского храма.

Братия, скорбя о его кончине, воздала ему все почести, какие заслуживает благостный человек.

Вместе с другими скорбели Феодор и Симеон. Они потеряли очень близкого человека, учителя и советника во всех делах. Преподобный Сильвестр помог им в своё время определиться в жизни, найти свою благотворную стезю. Симеон с детства, а Феодор с отрочества готовили себя для спасительного подвига под руководством преподобного, так же как сам Сильвестр когда-то обрёл крепость духа у Сергия Радонежского.

Сильвестр – чудотворец

Основанный Сильвестром монастырь существовал долгое время. Более четырёхсот лет здесь продолжалась монастырская жизнь, одни иноки сменяли других, служа духовному просвещению этого края.

После смерти преподобного стали совершаться чудеса при его гробе. Многие начали приходить в Храм Воскресения Христа Спасителя и молить около раки* Сильвестра о помощи, и чудо свершалось. У кого-то восстанавливалось зрение, у кого-то – слух, у кого-то – речь, кто-то обретал силу в недвижимой руке. Молва распространилась по городам и весям, по ближним и дальним местам, и Сильвестра стали чтить как чудотворца. Люди съезжались отовсюду.

Долгое время в монастыре никто не записывал о свершившихся чудесах, но бережно хранились вещи, которые люди приносили в благодарность за чудо, за исцеление. На некоторых древних вещах в Воскресенском храме имелись чеканные, шитые и рукописные надписи о дарах в обитель Сильвестра Обнорского Чудотворца:

- напрестольный серебряный крест 1693 года;
- вышитая шелками икона преподобного Сильвестра 1664 года;
- пролог с подписью по листам 1661 года.

В сохранившихся рукописях описаны чудеса с 1645 года, всего 23 чуда.

* Рака – в христианской церкви – гробница, в которой хранятся мощи святых.

Иов и заповедная роща

Самое большое чудо произошло в 1645 году. В то время служил в обители иеромонах Иов. Однажды он приказал собраться монастырским крестьянам и начать рубить рощу возле храма. Крестьяне были смущены, они с детства знали, что роща эта заветная и её рубить нельзя.

Две недели никто не брался за топор. Никто не мог поднять руку на святыню – намоленное место самого Сильвестра Чудотворца.

Но Иов оказался неумолим: он снова собрал крестьян и стал заставлять их рубить деревья. Угрожал, страшал отлучением от церкви. После долгих споров и препирательств всё же приступили к делу.

Распоряжение Иова было греховным: он самовольно, не посоветовавшись с братией, посягнул на заповедную рощу преподобного Сильвестра. Кончилось это плохо: Иов, нарушивший завет святого, перестал видеть. Молва об этом быстро распространилась по окрестным деревням и сёлам. Крестьяне в страхе бросили работу. Перешёптывались, обсуждали между собой: чем всё это кончится?

Иов был в замешательстве. Он не знал, что делать. Страх сковал его по рукам и ногам. Только через четыре недели Иов осознал свой грех и стал каяться перед Господом Богом, Пречистой его Матерью и преподобным Сильвестром. Он дал обещание не поступать впредь только по своей воле, а всё делать, посоветовавшись с братией.

Иеромонах отправился в церковь, отслужил молебен, истово, со слезами молясь о прощении грехов и о возвращении ему зрения. Приложившись к святым иконам, слепой Иов пришёл к раке преподобного, облобызал её с верою и надеждою, и – прозрел.

После такого чудесного исцеления он возблагодарил Господа Бога и преподобного Сильвестра.

Чудеса преподобного Сильвестра

По всей земле русской разлетались слухи о чудесах преподобного Сильвестра. И больные просили родных своих свозить их в обитель преподобного. Иногда, особенно по большим церковным праздникам, во дворе монастыря собиралось до сорока повозок.

Больные, немощные, опираясь на руку сопровождающих, стояли службу, истово молились о выздоровлении, а после молебна шли к раке преподобного и просили исцеления. И он, святой Сильвестр, «подобно солнцу, блистающему лучами

на тверди небесной, источал неоскудеющие исцеления тем, кто верою приходил к его раке».

Случалось, исцелившиеся оставались при монастыре, помогали инокам в работе: косили траву, жали хлеб, ухаживали за скотом.

Это было в 1645 году. Боярский сын Иван Иванов Жадовский, который жил в Костромском уезде, в пятнадцати верстах от Воскресенского монастыря, долгое время страдал лихорадкой. И никак не шёл на поправку: и пилюли лекарь прописывал, и травами поили, и пиявки ставили, и в баньке парили, и бабки над водой шептали. Ничего не помогало: чувствовал он крайнее изнеможение в теле. В один из весенних дней 10 марта приказал Иван отвезти его в Воскресенский монастырь. Совпало это с днём памяти святого мученика Кондрата. Укутали Ивана, посадили в повозку, и отправился он к святым мощам. Трудно было ему, немощному, отстоять службу, пот с Ивана градом лился, застилал глаза, но он выдержал. Когда отпели молебен, Иван приложился к святым иконам и раке преподобного; он почувствовал прилив сил и стал здоров. И, восхваляя Христа Бога, пречистую Его Матерь и преподобного отца Сильвестра, возвратился домой здоровый и счастливый.

В вотчине Богдавленского монастыря, в семи верстах от Воскресенского, жил один крестьянин по имени Григорий. Беда с ним случилась: оглох он, и язык отнялся. Долгое время не мог говорить. Между тем умом был здоров, искренне верил в чудотворство преподобного Сильвестра. И всё помышлял, как бы ему сходить в Воскресенский монастырь. А сказать о своём желании никому не мог. Однажды он молча взял за руку родного брата и повёл его к монастырю преподобного Сильвестра. А тот вначале не понял, куда его брат собрался. А как понял, так сразу и проникся. Только подошли они к воротам монастыря – Григорий тотчас проговорил несколько слов, но бессвязно. Потом, когда отслужили молебен в церкви и Григорий приложился к кресту и раке чудотворца, он заговорил внятно. Вот так Григорий исцелился молитвами преподобного и с радостью пошёл домой, славя Бога и превознося святого Сильвестра.

Несколько столетий люди приходили к святым мощам преподобного Сильвестра, искренне веря чудотворцу, и были за это вознаграждены.

В XVII веке лик святого Сильвестра изобразили на иконе. На свитке, находящемся в руках преподобного, помещена часть его завещания братии:

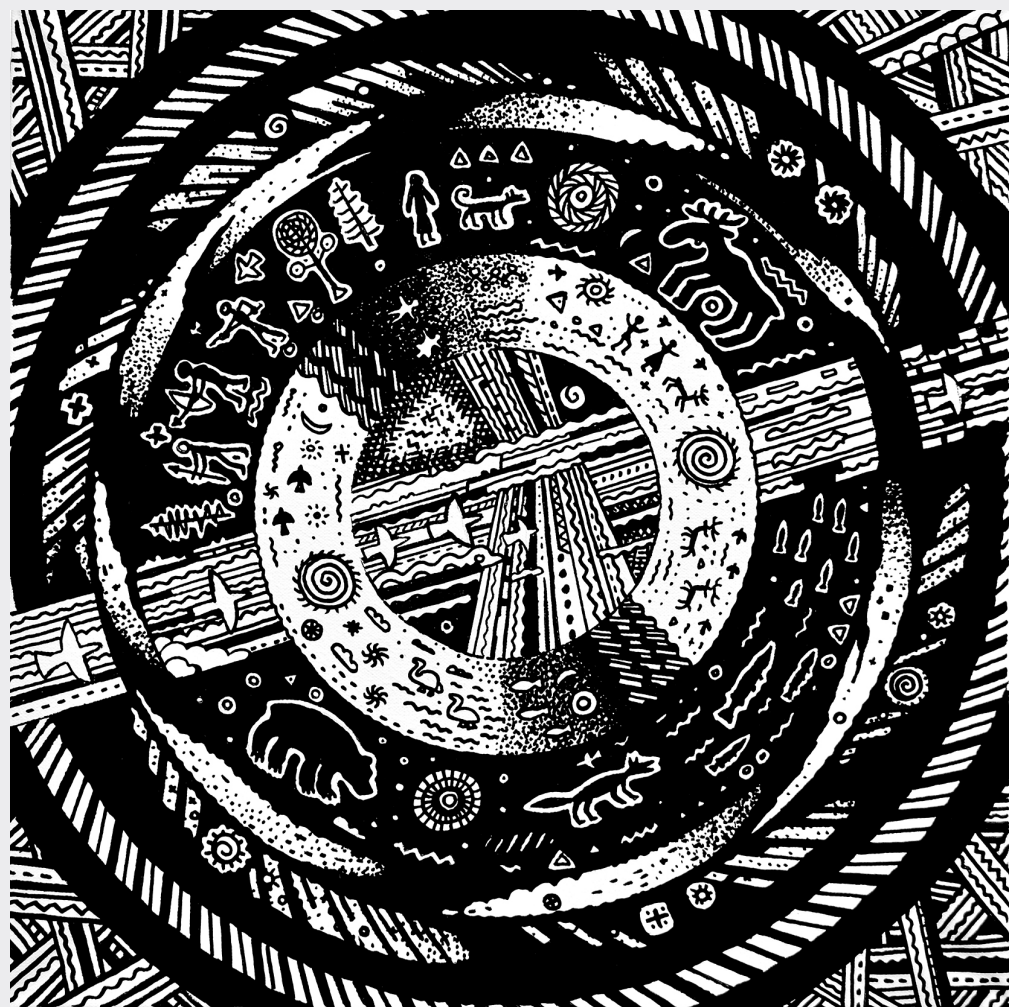
«Внемлите, о братия моя возлюбленная: Бога бойтесь и страх Его в сердце своём имейте, и заповеди Господня сохраняйте, и святых церквей не отлучайтесь, и святительский и весь освящённый и монашеский чин честно соблюдайте, и

в нынешнем веце, братия моя, потерпите мало, и причастницы будете царствию Божию и венцы получите».

«Соблюдайте заповеди Божьи, и вам воздастся», – призывал преподобный Сильвестр, всю свою жизнь посвятив служению Богу и оказывая всяческую помощь людям.

Женсовет

**ГАЛИНА
КРАВЧЕНКО**

Галина Николаевна Кравченко, ветеран женского движения Республики Коми, председатель Союза женщин с 1994 по 2007 г.

**ГАЛИНА
ЛАПШИНА**

Галина Анисимовна Лапшина – председатель Коми регионального отделения общероссийской общественно-государственной организации «Союз женщин России», председатель общественной организации «Женщины города Сыктывкара», заместитель председателя Общественной Палаты РК.

К 100-летию женского движения

Союз женщин РК: будни, заботы, перспективы. Круглый стол

Модератор П.Ф. Лимеров

– Женскому движению сто лет. От какой даты идёт отсчёт?

Г. Н. Кравченко. В 1921 году в Усть-Сысольске прошла первая областная беспартийная женская конференция, куда съехались 63 делегатки. Мы считаем, что это мероприятие и стало официальным началом женского движения в Коми.

– Какие задачи тогда ставили женщины?

Г. А. Лапшина. Если в целом – то эти задачи были направлены на улучшение положения женщин. А вопросы рассматривали разные: ликвидация безграмотности, охрана детского и женского труда, улучшение медицинской помощи, вред алкоголя, правильный уход за детьми, организация детских яслей и многое другое. Как видите, вопросы и на сегодняшний день актуальны.

– Женское движение в Усть-Сысольске имеет отношение к мировому женскому движению, к общероссийскому?

Г. Н. Кравченко. Конечно, имеет. Начало – это Клара Цеткин, революционная борьба, повышение статуса женщины в обществе. В 1921 году в Коми образовались женские советы, и с этого времени в течение ста лет шло организационное реформирование. Сейчас название нашей организации – Союз женщин Республики Коми, до этого – республиканский женсовет. Конечно, в разные периоды выдвигались определённые задачи, к решению которых подключались женщины. Всё началось с В. И. Ленина, который сказал, что каждая кухарка должна научиться управлять государством. Он имел в виду проблему образованности женщин, их освобождения от рабского труда, и на протяжении многих лет это всё и культивировалось.

– Я этнограф, и ориентируюсь в организации традиционного русского общества. Ни в Коми, ни в России женщина не ущемлялась в правах. В обществе были разные роли мужчин и женщин, но они в целом равные. К примеру, женщина приносила в семью большое приданое и могла им распоряжаться, в отличие, к примеру, от европейской женщины.

В. В. Кулимова. В Коми крае семьи были достаточно богатые. Моя мама выходила замуж в деревню Оквад Усть-Вымского района. Считалось, у кого на одну корову больше, тот богаче. У папы было одиннадцать коров, у мамы – десять. К женщине действительно относились хорошо, не зря ведь на гербе РК – лик женщины, матери. Конечно, мужчины и женщины выполняли разные обязанности. Папа мой трудился, пахал, сеял, но зато он никогда веник в руки не брал. Мама варила, стирала, убиралась в доме. Когда нас раскулачили, тогда коров не стало, так и мы росли полуголодные.

Да, может быть, женщина раньше мало занималась управлением, её редко выбирали председателем колхоза, но часто – бригадиром. Я думаю, женщины создавали свои организации, потому что им хотелось объединиться, о чём-то говорить. Первое, что они обсуждали, – это вопросы, касающиеся воспитания детей, роли женщины в семье.

ТАМАРА КУРМАНОВА

Тамара Айфаловна Курманова. Пришла в женское движение в 1965 г. С 1974 года – председатель женсовета Октябрьского района города Сыктывкара, в дальнейшем – секретарь городской женской организации.

ВАЛЕНТИНА КУЛИМОВА

Валентина Васильевна Кулимова, заместитель председателя Союза женщин с 1987 года, директор МАОУ «Женская гимназия» города Сыктывкара.

Т. А. Курманова. Женщины выступили за свои права, потому что они получали меньше, чем мужчины. Это первое. Второе: женщины хотели, чтобы у них был 8-часовой рабочий день. Третье: женское движение создавалось и с тем, чтобы вовлечь женщин в управление. Как вот написано в газете 1925 года: чтобы в советских учреждениях работали грамотные женщины. Как уже сказала Валентина Васильевна, в колхозах начали выдвигать женщин, т. е. крестьянки стали более грамотными. Столетие движения будет в 2021 году, а в Усть-Сысольске уже в 1920 году создавались первые женские организации. И не только в Усть-Сысольске, но и в районах. Например, в Мадже в 1920 году, в Позтыкеросе, в Ижме. И Уком партии принимал решение: направить женорганизаторов для подготовки этого первого съезда. Первые женорганизаторы – в основном учителя, окончившие или женскую гимназию, или Тотемское учительское училище. Мы являемся их продолжателями. Но самое интересное, что проблемы, которые тогда выдвигались, остаются и сегодня.

– Я читал, что в начале XX века анархисты выдвинули основные требования, которые затем были усвоены женским движением. Это освобождение от женского труда, от кухни, от стирки, от обязанностей по отношению к семье, т. е. фактически освобождение от семьи. Сказанное вами сильно от этого отличается.

Г. Н. Кравченко. Я приехала на территорию Республики в 1966 году, и глу-

бину всех исторических вопросов не могу знать. Но я знаю, что в советское время такие требования не ставились никогда. Освобождение женщины – это когда молочная кухня открылась, кулинария, где женщина могла что-то купить, идя с работы. Таким образом экономилось время, которое женщина могла бы посвятить своему ребёнку, семье, наконец, мужу. В Республике Коми сегодня две мощные общественные организации: Совет ветеранов и Союз женщин. Они структурированы сверху донизу, и они реально работают и имеют богатейшую историю.

– Чем занимался Союз женщин в годы советской власти – с 1921-го по 90-е гг.? И какое место ваша организация имела в иерархии советских учреждений?

Г. Н. Кравченко. В советское время республиканский женсовет больше тяготел к республиканскому законодательному собранию. Как правило, Председатель Президиума Верховного Совета возглавлял и женский совет. Основная задача, которая ставилась перед женсоветом, – это добиться решения тех вопросов, которые волнуют наших женщин. Вопросы семьи всегда оказывались на первом месте. В Верховных Советах работала комиссия по охране прав материнства и детства. Отсюда и с подачи женского движения была разработана такая программа, как «Семья», и она имела статус государственного закона.

Если говорить о своей деятельности в Госсовете, то она пришлась на стык

формаций. Меня избрали в 1990 году, когда произошла смена общественно-политического строя и требовалось заново выстраивать государственную политику в отношении женщин. В советское время было много разных льгот для женщин: это и декретный отпуск, и сокращённый рабочий день и тому подобное. Коммерческие предприятия стали сокращать женщин. Так же и в банковскую систему потянулись мужчины, потому что там хорошо платили, и женщин опять за борт. А матерям нужно ещё заботиться о детях, оплачивать за детский сад, кружки, проезд. И эти вопросы поднимались с подачи Союза женщин Республики Коми. И чтобы на сессии был принят хоть один социальный вопрос и достигнуто позитивное решение, приходилось обсуждать его в Союзе женщин.

Я возглавляла Комитет по социальной политике и возглавляла одновременно Союз женщин, и когда выходила на трибуну, всегда чувствовала, что за моей спиной стоит общественная организация. Я предложила в 1990-е гг. принять Закон о приёмной семье, но прежде мы проверили все муниципалитеты, провели массу встреч с женщинами и с сиротами, с опекой, с попечительством, прежде чем дошли до понимания того, что это реально, что это нужно. Хотя бы потому, что в детском доме содержание ребёнка на несколько порядков дороже, нежели в приёмной семье. Если взять социализацию ребёнка, то после детского дома он уходит в никуда: квартиры у него нет, на работу его никто не берёт,

и это тоже надо решать. Вот этими всеми вопросами и занимался всегда Союз женщин.

Г. А. Лапшина. Я вот хочу привести некоторые цифры. В составе Верховного Совета когда-то было всего 8 % женщин. Для принятия законов, касающихся положения семьи, положения женщин, нужны были разбирающиеся в этих вопросах люди. И Союз женщин всегда считал необходимым поддерживать связь с Верховным Советом, а сейчас с Госсоветом. Наша общественная организация очень структурирована. Отделения Союза женщин есть в каждом муниципальном образовании, в каждом посёлке и селе.

Да, нашей организации в 2021 году исполнится 100 лет, и мы продолжаем дело наших подруг, которые внесли свой вклад в развитие женского движения Республики Коми. Огромные слова благодарности хочется выразить удивительным женщинам, в разное время возглавлявшим республиканскую организацию: Лекановой Екатерине Дмитриевне (1960–1966), Протопоповой Антонине Александровне (1966–1970), Устиновой Ирине Кирилловне (1971–1981), Микаэлянц Римме Михайловне (1981–1987), Батмановой Александре Петровне (1987–1991), Беляевой Ангелине Павловне (1991–1994), Кравченко Галине Николаевне (1994–2007), Савастьяновой Ольге Викторовне (2007–2013) (она сейчас является заместителем председателя «Союза женщин России»), Козловой Людмиле Васильевне (2013–2016).

Т. А. Курманова. Я хочу вспомнить конец 1960-х – 1970-е гг. Что тогда предлагали женсоветы? Летний отдых детей. Не все родители имели возможность отправлять детей в лагерь. Что делали? Создавали сводные отряды, дворовые отряды с этими ребятами. С ними занимались ветераны-педагоги или активисты женского движения. В малосемейных общежитиях жили молодые семьи, и многие из них не могли устроить детей в ясли. Для решения этой проблемы женсоветы обращались к руководителям предприятий, которым принадлежали общежития, чтобы устроить специальные комнаты для детей. В них тоже дежурили ветераны женского движения: педагоги, врачи, дошкольные работники. Там создавались кружки, проходили беседы через общество «Знание». Женсоветы вместе с депутатами, с работниками культуры проводили праздники микрорайонов, праздники трудовых династий, соревнования «Папа, мама, я – спортивная семья!», слёты многодетных матерей, слёты участниц Великой Отечественной войны.

– Скажите, Женская гимназия тоже была создана при содействии Союза женщин?

В. В. Кулимова. Да, конечно, Союз женщин выступил как учредитель гимназии. Тогда сложно было поднять вопрос раздельного образования, да и сейчас ещё есть противники этого.

– Сразу возникает вопрос: это раздельное женское образование,

от которого ушли в советские годы, что-то даёт?

В. В. Кулимова. Начнём с того, что женское образование в Коми крае существует уже свыше 160 лет. Женское училище открыли в 1858 году, женскую прогимназию – в 1870 году, женскую гимназию – в 1909 году. При советской власти в 1919 году женскую гимназию закрыли и сделали школу второй ступени. 14-я школа была женской вплоть до 1954 года, мужской была 12-я школа. Учёные, исследующие проблемы раздельного обучения, считают, что такое обучение полезно как для девочек, так и для мальчиков. Девочки и мальчики – это два разных мира. Они по-разному учатся, по-разному слушают, по-разному слышат. Мальчики при совместном обучении стесняются говорить и обычно молчат. Сейчас уже больше тысячи школ раздельного обучения по России. Мы были первыми, и я очень благодарна тем, кто поддержал тогда эту идею и кто уже 27 лет при всех сложностях и перипетиях поддерживает нас. И каждый год я всё больше убеждаюсь, что раздельное обучение очень полезно. Когда Екатерина Великая открывала Институт благородных девиц, она ставила в качестве основной задачи воспитание женщины, будущей жены, матери, т. к. стремилась облагородить нравственную обстановку в России. Лучше ли сейчас нравственная обстановка в России? В женщине надо воспитывать женственность, в мужчине – мужественность, а совместное обучение этого не даёт.

Вспоминая историю женского дви-

жения, хочу добавить, что, когда меня избрали заместителем председателя в 1987 году, мы поехали с Александрой Петровной Батмановой в Москву на Всесоюзную конференцию женщин. Тогда как раз выработалась единая система женсоветов во главе с Комитетом советских женщин. Провели конференции, создали городские и районные женсоветы. Ещё мы ездили в Карелию, в Иваново, встречались с немецкой делегацией, ездили в Усогорск, принимали болгарские делегации. Занимались организацией клубов по интересам женщин, центров «Брак и семья», создавали программы. Причём в программе «Семья» были подразделы: «Молодая семья», «Студенческая семья», «Многодетная семья», и благодаря этому работала комиссия в Правительстве Республики Коми, Галина Бутырева как раз возглавляла её. Проводили заседания,

изучали состояние женщин в разных отраслях, принимали меры поддержки. Благодаря инициативе женских советов в 1–4 классах внедрили бесплатное питание. А сколько было противников, говорили, на это денег нет и не будет!

Т. А. Курманова. Жизнь заставила. Вот открыли кризисный центр для женщин «Райда», потом назвали его «Центр социальной помощи». По линии соцобеспечения открыли центр «Семья» – тоже в рамках программы по улучшению положения женщин в Республике Коми. Эта программа принималась на уровне республики, а каждый район на её основе разрабатывал свою программу. Центр занятости проводил большую работу: в 1990-е закрывались предприятия, где работали в основном женщины (швейная фабрика «Комсомолка», «Юбилей-

ная» кондитерская фабрика, дома бытового обслуживания и т. п.).

– Каковы перспективы женского движения?

Г. А. Лапшина. Сегодня наша организация получила новый статус, а значит, и новые возможности. В декабре 2018 года Указом Президента РФ Союзу женщин России был присвоен статус общественно-государственной организации. Такая организация создаётся для совместного решения государственных и общественно-значимых задач, заложенных в национальных проектах «Демография», «Здравоохранение», «Культура», «Экология». Эти направления и являются сегодня приоритетными в деятельности Союза. Ведь мы работаем, что называется, «на земле». Наши женсоветы хорошо знают проблемы местного значения и с практической точки зрения предлагают пути их решения. Так, обсуждая предложения Главы о выделении дополнительного миллиарда на поддержку семей, член правления общественной организации «Женщины города Сыктывкара» Тарана Пыстина внесла ряд предложений по увеличению мер социальной поддержки беременных женщин, и это предложение было поддержано Главой и депутатами Государственного Совета.

– А кроме решения социальных вопросов, женское движение в чём-то ещё проявляется?

Г. Н. Кравченко. То, что мы рассказываем, это наши формы работы. Их много, под самую завязку. Хочу под-

черкнуть, что в нашей стране ещё не было лёгкого времени. Любой период возьми хотя бы за последние сто лет – каждый из них имеет свои особенности, свои трудности. И нам необходимо ответить на вопрос: что мы такое и для чего мы существуем? Мы – общественное формирование. И чем глуше, чем тише такое формирование для власти, тем лучше. Оно молчит, и чиновник работает, как считает нужным. А мы – общественное формирование по интересам женщин. И в разные отрезки времени мы поднимали вопросы, которые волновали конкретно женщин, и заставляли органы власти принимать решения по этим проблемам.

Наши задачи – это повышение статуса женщины в обществе, это семья, это дети, это социальные вопросы. Если говорить о перспективах, Президент в своём Послании обозначил много проблем, которые надо немедленно решать, в том числе имеющих отношение к семье и детям. Проблемы возникают без конца, и по их решению должны проводиться дискуссии с участием общественных движений, Союза женщин. И ещё хотелось бы добавить о наболевшем: необходимо поставить вопрос о представительстве женщин в органах власти. Есть большая разница между мужчинами и женщинами. Мы по-разному смотрим на мир, принимаем решения. И пропорция между мужчинами и женщинами в правительстве должна соблюдаться. Мы постоянно боролись за это и постоянно натыкались на неприятие нашего мнения, но всегда добивались результата.

– Кажется, женщин во всех сферах сейчас гораздо больше, чем мужчин. В ВУЗах 90 % студентов – девушки. Это значит, высшее образование в скором времени будет преимущественно женским, большая часть мужчин образования не получает. Мужчины вынуждены идти в охранные предприятия, работать на вахтах, в то время как женщины учатся.

Г. Н. Кравченко. Мужчины идут туда, где платят деньги, где надо мало работать.

Г. А. Лапшина. В образовании и медицине на 80 % работают женщины, но главные врачи – мужчины. А с высшим образованием – 60 % женщин. Тем не менее, на самых высокооплачиваемых должностях – мужчины.

– Мне кажется, это временно...

Г. А. Лапшина. Время покажет. Сегодня идут изменения, появляется доверие к женщинам, и женщины начинают занимать хорошие должности. Уже в половине муниципальных образований главы – женщины, а ещё недавно это были мужские должности.

– Женское движение и феминизм – это разные понятия или одно и то же?

Г. Н. Кравченко. Феминистки – это как тот певец с бородкой в женской одежде. Это из той области. Мы идём по жизни.

Г. А. Лапшина. Нет, ни в коем случае. Мужчина и женщина, отец и мать только вместе смогут воспитать до-

стойное поколение, а значит, надо сделать всё, чтобы семья была крепкой, чтобы в ней царили любовь и взаимопонимание, чтобы почитали и уважали родителей. Кстати, именно наша организация в России была одной из первых, кто поднял вопрос о необходимости повышения статуса отца в семье. С 2006 года мы обращались к Главам нашего региона о необходимости учреждения Дня отца, проводили различные мероприятия и акции с участием отцов и для отцов с целью привлечения внимания к этой проблеме. В 2018 году Глава Сергей Гапликов не стал дожидаться, когда появится российский праздник и подписал Указ об установлении в республике Дня отца в последнее воскресенье октября. Сегодня в муниципальных образованиях создаются Советы отцов, и это тоже не без участия наших женсоветов.

Г. Н. Кравченко. Я хочу немного сказать о празднике 8 марта. Это День международной солидарности женщин. Но сейчас и 8 марта, и 23 февраля – День защитника Отечества – мы превратили в пакеты, букеты, конфеты, носки и так далее. А если вдуматься в содержание: День международной солидарности женщин. Насколько сегодня эта тема актуально звучит. Война на Украине, в Сирии. А ведь народную дипломатию никто не отменял. Сегодня перспектива женского движения работать и на международном плане, и на пространстве нашего бывшего Советского Союза. Укрепление связей между людьми – более чем актуальная тема.

**ГРИГОРИЙ
СПИЧАК**

Григорий Иванович Спичак – член Союза писателей России. Родился в Емве в 1960 году. В 1986 году окончил Сыктывкарский университет. Автор девяти книг, среди которых два сборника стихов, роман «Цитала. Украденный посох», несколько сборников рассказов и эссе. Публиковался в международных альманахах «Чувства без границ» (Белорусский фонд мира), «Глаголь» (Франция), журналах «Колокол» (Великобритания), «Наш современник», «Юность», «Дон», «Север», в «Литературной газете» и «Литературной России». Произведения переведены на польский, английский, венгерский, армянский и коми языки.

Женское движение за 100 лет

Начало. Топтание на месте....

История не пишется только крупными мазками. В её ячейках много моментов, и если упустить их, само полотно истории становится бессмысленным. Оно мертво. Неживая иллюстрация. Так и в нашей истории – за крупными событиями важно сказать про то, о чём обычно в юбилейных красивых справочниках не говорят.

Начало XX века. Усть-Сысольск и окрестности. Мордобой в семьях и пьянство, резкое уменьшение численности домашней скотины и совершенно запущенное общественное хозяйство – всё это резко выглянуло сквозь события революции уже в первые годы советской власти. Разбитые деревянные тротуары (которые ещё недавно были в хорошем состоянии), пьяная поножовщина, избитые до полусмерти жёны. Деградация культуры – результат любой войны и любой революции.

Поголовье ещё до коллективизации резко сокращалось, потому что крестьяне остерегались держать привычное раньше количество скота. Воровство и невозможность сохранить ни заготовленное сено, ни молодую скотину, которую резали вора и растаскивали по своим голбцам, конокрадство. За всем этим привычная оперативная полицейская служба не следила, потому что её уже не было. А большевистская не имела опыта и больше интересовалась

классовым порядком. Только тяжёлые преступления – убийства, поджоги, массовые драки с увечьями – оказывались в поле их зрения. Всё остальное было вне правового решения – только общественно договорное. Речь идёт о 1920–23-х годах.

Тем удивительнее, что в это же время начинает проклёвываться женское движение.

С одной стороны, гибель священников в тюрьмах и разгромы монастырей вызвали в женской среде алармистские настроения, беседы о Конце Света во власти антихристовой. Это были обычные «бабские разговоры», но, с другой стороны, появлялись просвещенческие группы. Усть-Сысольск, конечно, начал первым: уже в апреле 1918-го в помещении коммунистического клуба провели митинг «Женщина и революция» и создали женскую секцию. Правда, работа той секции постепенно прекратилась. На фронт ушла первый руководитель Т. Маегова, потом возглавить агитацию за права женщин пытался мужчина. Малое число просвещённых и активных делало эту работу, конечно, но только отчётно-формально, чтобы было «как у людей», как у передовых Москвы и Питера. Это социально-политическое обезьянничание много раз сыграло злую шутку в общем социальном переформатировании общества в Коми крае.

Заметим к слову: когда в ноябре 1918 года в Москве проходил первый Всероссийский съезд работниц и крестьянок, на котором было сказано много тёплых слов об «улучшении и углублении, и расширении» прав, возможностей и т. п., тогда, тем не менее, съезд выступил против некоей обособленности женского движения от общего пролетарского. Подчинились (внешне) ленинской идее единства рабочего движения.

По оценкам специалистов, в те годы – 1918–1920-е – на весь Коми край было всего 400–500 мест в промышленности. Серёговский сользавод, железодельные в Кажыме и Нючпасе. И всё? И всё. Да и на этих-то заводах насчитывалось всего 60–80 женских рабочих мест, не более. Часть – работы сезонные. Так что пролетарского сознания искать было негде. Но в 1919–1921 годах в Усть-Сысольске организовалась устойчивая группа активисток во главе с коммунисткой Е. Е. Чекорской. Для того чтобы «1) вывести женщину-хозяйку из мрака духовного бессилия; 2) учесть все наличные силы женщин и направить их на революционное строительство...». Строить будут ещё не скоро. Но главное ведь заявить...

При внимательном прочтении мероприятий женского актива обнаруживаешь, что главными делами «движения» были собрания. Обсудили, собрались, термин «делегатки» (отчего и для чего?) ничего не объяснял. Иногда количество делегаток из Усть-Куломского или Ижемского района звучало сотнями – приезжало по 120–170 человек. Но результат-то какой? С трудом нашёл создание артели... кружевниц, через которую за два года прошло около 30 человек. «Впечатляющий» результат, ничего не скажешь... Особенно если помнить при этом,

что реальный женский Кылтовский монастырь, с реальными женщинами и реальной учёбой и работой в это время гробят, превращая в коммуны, а потом в детский лагерь-приёмник. А уж здесь-то в монастыре и кружевницы, и художницы были, и скот держали, и пряли, и ткали. Но идеологически они ж как бы «не наши женщины». Безумие это нам никогда не понять, какие бы научные и псевдонаучные монографии не плодили прокоммунистически настроенные интеллектуалы.

Движение женщин или ДЛЯ женщин?

За неимением реального производственного результата внимание женщин-активисток 20-х годов и их якобы новой неуёмной деятельности старшие товарищи-коммунисты замыкали на детях и семье. То есть на том, чем женщина

*Участницы областного совещания членов Совета крестьянок.
г. Усть-Сысольск. 1926 г.*

занималась и без всяких политизированных и «новых» движений. Но для чего это было надо? Вряд ли местные идеологи понимали глубинные «ключи» процессов, но далеко, в других местах и, возможно, даже не совсем российских в женщине видели уже равнозначную (потенциально) производственную единицу в условиях нового индустриального уклада. В СССР пока играли в «театр равноправия», но в 1931-м появился первенец советской индустрии – Сыктывкарский лесозавод, а под него и для строительства железной дороги Усть-Сысольск – Пинюг, а потом Котлас – Воркута; сотни лесозаготовительных бригад, где женщины стали равнее равных и рассматривались уже не как вспомогательная рабочая сила в артелях, а как обычная трудовая единица (с нормой выработки меньше всего на полкуба-куб). Злая шутка – коктейль эмансипации и индустриализации.

Похоже, где-то там, на самом верху, так боролись с врагами народа и так шлифовали национальную политику, что вопросы демографии и гендерного равенства были явно «мимо». Иначе как объяснить тысячи детских рабочих мест за станками в годы Отечественной войны? Женщин не хватало? Хватало. Не хватало «новых женщин». За 20 лет советская власть так и не успела воспитать прослойку «новой индустриальной женщины». На плакатах она появилась – да, но реальный результат у жизни был гораздо скромнее. На лесосплав и лесозаготовки, на тяжёлый неквалифицированный труд. Дети оказались более обучаемы, чем женщины. Из 12-летних токари и фрезеровщики получались быстрее, чем из 25–30-летних. На севере России в первые 25 лет советской власти не было ничего этого. До Великой Отечественной войны Север оставался местом наказания и «диким» неосвоенным краем. Отсюда и результаты. Задача «освоить» поставлена через обеспечение наказанием. Справились. Адской ценой.

Довольно показательна нулевая роль женского движения – это в неказании хоть какой-то помощи, хотя бы моральной поддержки многотысячным переселенцам-немцам, кулакам с Дона и Поволжья. Смертность среди детей и стариков в лесных посёлках спецпереселенцев была высочайшая, но неизвестно ни одного (!) случая организации сбора помощи в Усть-Сысольске или в Ижме, например. Речь об организованном сборе со стороны женского движения. Помощь простых людей – это другое. Это традиционное христианское милосердие коми людей (и русских – там, где они проживали компактно). Негласно небольшие сборы сделали женщины сользавода в Серёгово, не в рамках какого-то движения, а по человеческому милосердию. Полумёртвые церковные общины помощь оказывали в силу старого воспитания. По-христиански. И не деля на женщин или мужчин. (Для сравнения – помощь детям Испании только в 1936 году женским отделом горкома Сыктывкара собиралась два раза).

* * *

В 1930-е годы «женский вопрос в СССР» был признан окончательно решённым. В 1930 году ликвидировали Женотдел в Коми обкоме. Его заменил сектор по работе с женщинами в отделе агитации и массовых кампаний при ОК ВКП(б), задачами которого являлось обеспечение прорыва промфинплана на фабриках и заводах и создание высоких темпов хозяйственного развития. Такая же задача ставилась и перед делегатскими собраниями. Возможность массового просвещения женщин была утрачена. С 1934 года делегатские собрания перестали действовать. Постепенно утверждались и получили признание общие формы работы в советах, производственные совещания, слёты работников отдельных отраслей промышленности. Принятые в первой половине 1930-х годов решения о ликвидации женских организаций свидетельствовали о фактическом отказе руководства страны и Коми области от сохранения и развития самостоятельного женского движения.

Всенародная беда призвала женщину

Но раскачка всё-таки к осени 1943 года произошла. Беда была слишком очевидной и слишком всенародной. В Коми АССР создано 812 общественных комиссий, состоящих в основном из женщин. На фронт ушло (вполне подготовленными – и снайперы, и истребители танков, и медсёстры) более 560 женщин. Многие положили головы в боях: например, Е. Горячкина, снайпер довольно успешный, орденосец, но в 1944 году погибла во время операции при освобождении Белоруссии. Санинструктор и известная в то время сыктывкарская лыжница К. Лыткина только за первые два года войны спасла более 800 бойцов, вынесла раненых, обеспечила сдачу крови, организовала вывоз с передовой. Таких молодых героинь были десятки (из тех, кто известен, а из того, что открывается в ходе работы над Книгой Памяти, – сотни).

Приходили с фронтов похоронки и изувеченные солдаты, организовывались целевые сборы средств для фронта. Во многом эти задачи ложились на плечи женщин, плечи мужчин вообще не подразумевались. Война – это такая «забава», она у мужиков случается иногда, поэтому принято говорить о нагрузке для женщин. Особенно, когда провалена работа по становлению истинно современной женщины-производительницы, свободной от диктата патриархальной семьи и мужиков... Даже удивительно – и как это первым орденосецем стала женщина именно из патриархальной, классически «первобытной» семьи из Сизябска Матрёна Артеева? Чумработница, телятница, которой Орден Трудового Красного Зна-

Е. Ф. Катаев, председатель Верховного Совета Коми АССР, вручает медаль «За трудовое отличие» А. И. Артеевой, чумработнице колхоза «Заветы Ильича» Ижемского района. 1966 г.

мени в 1936 году вручил сам Всесоюзный староста Михаил Калинин. Оказывается, патриархальность трудовому подвигу не мешает.

Надо отметить, что трудовой подвиг Матрёны Трофимовны Артеевой вряд ли кто повторил и сможет повторить. Я предлагаю оценить картинку и вдуматься. Женщина в одиночку два года подряд выращивала по 70 телят, доводя их до возраста вывода в стадо или на убой от шести месяцев до года. (Например, в это же время в более южных районах и в том числе в Центральной России выращиванием 120 свиней занимались 3 свинарки. Особо отметим – свиньи на 90 % растут в стационарном режиме, а телята, наоборот, на 80 % – на выпасном). У Артеевой выжили все телята!

Чтобы было понятно городским или, например, мужикам-технарям, – вы можете представить, например, грузовую машину с 50-летним стажем, которая по сельским дорогам пробежала миллион километров без капитального ремонта и без переборки двигателя? Нет. Фантастика. Ну, вот тут примерно так же...

Анна Яковлевна Молий.

А совсем рядом, в Чибью, на которую со станции Ижма (будущий Сосногорск) отправляют загадочное оборудование, трубы и везут специалистов особого профиля (не женщин, а в основном зэка), вот-вот появится молодая дама, которая станет директором нефтеперерабатывающего завода (НПЗ), возглавит совершенно новую отрасль для Коми края. Зовут её Анна Яковлевна Молий.

Родилась, выросла и выучилась в Баку. И среди девушек была не одна, кто посвятил свою деятельность нефти. В Закавказье не наблюдалось показной, искусственно культивируемой «женской политики». Актуальными критериями для страны были образованность, профессионализм, востребованность. Отметим, что на Север она приехала добровольцем, – по призыву на «новую перспективную площадку». С тёплого юга, с производств, где существовали худо-бедно защищённая профессионалами традиция и кадровая наполненность, молодая Аня едет в край, где инженерной мысли приходилось ещё одновременно решать вопросы закрепления и очистки колодцев с водой, водовода, конструкций деревянных башен... и спайки вместо сварки. Не хватало ни энерго мощностей, ни инструментов, ни связи. Почти экспедиционные условия труда. И, заметим, нет никакого женского движения, есть только движение «Всё для фронта – всё для Победы!»

В ноябре 1941 года к ней, тогда ещё просто технологу на бочках Чибью и на перегонных аппаратах Ветлосяна, подошёл главный инженер (человек, между

прочим, тоже не из нефтяников, а просто технарь) и сказал фразу почти как из «Мальчиша-Кибальчиша»: «И отцы ушли, и братья ушли... Вот и я ухожу... Будешь директором, Анечка...» Справишься – куда ты денешься – лязгнули только петли дверей барака...

Тогда «справишься» означало не спать, не есть, жить с каждым движением насоса и открытого огня. Откуда открытый огонь? Сварочные работы. Сыпалось от ветхости всё. Цистерны с износом. Взлететь от взрывов оборудование могло от малейшей искры, от малейшего перебора температур и давлений. Анна Яковлевна «вышла замуж» за железяки, насосы, пружины и котлы. В начале февраля 1942 года однажды проснулась в шоке – спала целых четыре часа! Было ощущение, что потеряла контроль за производством.

В апреле того же 1942-го фашисты захватили Краснодарский нефтеперерабатывающий завод – в стране встала острая проблема с лаковым битумом. Бакинские месторождения давали лёгкую нефть, и похожую, специфическую – под битум, но вот такую, из которой можно получить смазки для низких температур, дать не могла. А к тому времени в Яреге уже успели оценить высоковязкую нефть. Эксперименты химиков, чьи фамилии золотом должны быть вписаны и в историю освоения Севера, и в Великую Победу, остались только в справочниках и на исторических стендах отраслевых музеев (М. Дворникова, М. Быков, П. Романенко, П. Гуслин). Так, именно Михаил Быков обнаружил в нефти мешающие примеси, и именно вместе с ним Анна Молий, после дополнительных мероприятий по очистке, впервые зафиксировала масло, не замерзающее при минус 55... Это означало прорыв.

Но чтобы стало понятнее другое – с чего начали, с лакового битума – почему чрезвычайно высока роль этого продукта с Яреги? Да потому что вся полиграфия была на красках этого битума (сажевые рассыпались, текли и были ненадёжны, элементарно «мазались»), потому что смазки паровозов и пароходов, особенно на тяжёлых узлах, были важны именно на основе битума, потому что обработка влагостойких, подводных поверхностей и узлов за счёт битума давала и надёжность конструкций, и более продолжительный срок эксплуатации. Не везти же конvoями из Британии и США по ленд-лизу даже это!

...в зиму 1942–43-х годов Ухта «закрыла» проблему низкотемпературных масел, лакового битума, нарастила объёмы поставок промышленного керосина, соляры и чистой нефти.

Но – внимание – новых-то специалистов не было! Благодаря Анне Яковлевне Молий и её коллективу, её организаторским (как сказали бы сейчас – креативным) способностям специалисты-химики становились волшебниками, а инженеры – магами. Мне непонятно, почему она не получила звание Героя Социалистического Труда, хотя довольно серьёзные награды – и орден Ленина, и орден Трудового Красного Знамени – на её груди появились.

Можно ли отнести Анну Яковлевну к героям женского движения в Коми? Можно. Но не только за вышеперечисленные заслуги и за формирование корпуса новых тружениц и новой отрасли, а за нечто другое, которое не прозвучало даже в книге о ней. Но об этом чуть позже. Пока же проследим за хронологией событий.

Шла война, на плечах женщин вытаскивалась страна с её стройками железных дорог на Север, с лесоповалами. И «не смыкала наша Родина очей» у станков и в госпиталях. Новым вызовом обществу и экономике стал подсчитанный результат войны – 1170 разрушенных городов и посёлков. Более 4 тысяч уничтоженных полностью или почти полностью сёл и деревень. А с фронтов возвращались те, кто умел уничтожать, но ещё не совсем умел строить. Ведь предстояло не просто восстанавливать (по-старому строить было бессмысленно, потому что это вчерашний день и вчерашняя экономика). Предстояло строить новую индустриальную страну. А вот тут...

Настоящий старт. Новые вызовы

Я считаю, что это и стало стартом настоящего женского движения, настоящей реальной востребованности женщин, умеющих взглянуть на новые запросы, новые задачи. Женщины ещё оставались в тени генералов, в том числе и генералов промышленности и строительства. Но именно в послевоенный период восстановления народного хозяйства стала видна «новая женщина» – производственная единица с новыми запросами, с новыми критериями удобства и красоты, заказом на новый бытовой минимум. Как знать, возможно, такие явления, как «хрущёвки», как Дом пионеров и Дом культуры, спортивные секции при школах, рождены и проявлены в массовом растиражированном виде именно благодаря социальному заказу «недомашней женщины». Зная, что она не в состоянии контролировать своего ребёнка после школы, потребовала и организовала всю внеурочную систему воспитания в стране. Именно сюда «надо смотреть» как на заданный новый функционал женского движения.

Отметим тут весьма своеобразный слепок культуры. Есть среди филологов широко распространённый литературоведческий факт: советская литература до начала 1960-х годов известна только одним автором, занимающимся темой семьи, – это Юрий Трифонов. Но не совсем семьёй он занимался в своих произведениях. Просто он (ничуть не диссидент) стал модным и востребованным именно за то, что говорил о проблемах семей, о конфликтах, о причинах. Остальная литература, увы, занималась темой производственной и военной, героической и чуть позже – деревенской. Конечно, в ней описывались и семьи, и конфликты, но не как нечто основ-

ное, не как предмет исследования, а всего лишь как фон или атмосфера событий. Однако вспомним дореволюционную литературу: там тема семьи была в ТОП-5, как говорится, – «Анну Каренину», «Воскресение», купринские сюжеты, тургеневские.

Чуть позже Трифонова, в 1960-е годы, проснулись десятки писателей. Но это «чуть позже» (мнения могут не сойтись, но этот спор о том, к чему отнести, например, тему одиночества; данной темой, конечно, занималось большее число авторов). Зато в кино, как ни странно, темы семьи и традиций, положение женщины и педагогические вызовы звучали часто, сочно и хорошо. Это стимулировало общество на масштабное переосмысление женской роли в условиях стремительной урбанизации и новых производственных отношений.

Исследователи указывают на переформатирование интонаций и тематики в журналах «Работница», «Крестьянка», «Советская женщина». До 1940 года эти женские издания практически не касались межличностных и педагогических моментов (организационные и борьба с пьянством – не в счёт).

Послевоенные журналы – это уже совсем другое явление. Однако и тут справедливее было бы сказать не о самостоятельно возникающем женском движении, а о действиях советской власти и нового общества ДЛЯ формирования движения женщин. Всё-таки оно большей частью сконструировано, а не развивалось по внутреннему запросу.

Участники II республиканского съезда женщин. г. Сыктывкар. 1962 г.

Участники II республиканского съезда женщин. г. Сыктывкар. 1962 г.

Конец 50-х – начало 60-х годов – время, которое в истории Коми АССР интересно ещё одной своеобразной статистикой. Знаете ли вы, что 11 из 17 Героев Социалистического труда, уроженцев Республики Коми, получили звания в период между 1958 и 1964 годом? Не странно ли, правда?

«Странность» как раз объясняется устойчивым проявлением новых производственных отношений, резким увеличением индустриальной составляющей, ростом городов, изменением не только демографического, но и образовательного уровня.

О демографии. Надо обязательно отметить: в 1958–64-х годах сильно увеличилась рождаемость, и резко повысились запросы на детские сады, на летний отдых, на строительство новых школ и педагогов, на специализированное питание и т. д.

В начале 60-х был построен Сыктывкарский ЛПК, появился сначала 40-тысячный, а потом и 60-тысячный микрорайон Сыктывкара – Эжва. В Ухте произошло включение посёлков в состав города: Чибью и Ветлосяны, Дежнево и нефтезавод – все стали единым организмом. Построили сажевый завод в Сосногорске, а на реке Усе образовался посёлок Парма, который через 20 лет стал городом Усинском. Невозможно переоценить «хлопок», пятилетний перескок региона в другую реальность – как потребительскую и производственную, так и в культурологическую и структурообразующую.

Вот тут мы и напомним ещё одно действие Анны Яковлевны Молий, которое

осталось в тени, но очень важно. Весной 1965 года к ней в кабинет постучали три работника. «Мы от профсоюзов... Нет, у нас нет решений. Мы с идеей...» (даже фамилии двоих известны – Титаренко и Сероштанова).

Идея работников состояла в создании системы подсобных хозяйств для работников завода и подсобного хозяйства самого НПЗ. Суть: «Всё равно работники выращивают картошку на стихийно освобождённых землях... Всё равно на газонах у бараков выращивают морковь, укроп и цветы. Но всё это как-то неорганизованно. Для заводской столовой вообще можно было бы завести вспомогательное хозяйство. А цветы... Цветы всегда городу нужны. И на торжества нужны!»

Анна Яковлевна – человек южный, бакинка. Уж что-что, а про цветы она и сама, видимо, могла бы рассказать и, скорее всего, о подобном думала. Но дело тут не просто в согласии: было принято решение, которое открыло дачное движение в Коми АССР. А что такое «дачное движение», думаю, даже и описывать не надо: это наполнение смыслами и интересом жизни сотен тысяч людей. Сначала в Ухте, уже на следующий год – в Сыктывкаре, а к 90-м годам дачи заводили и в Усинске, и в Инте.... Уж не знаю, заполярная Воркута «доросла» до этого «мелкособственнического» интереса или нет?

Женское лицо урбанизации

Герои Социалистического Труда 1958–1964 годов: Р. Д. Изъюрова – каменщик, О. М. Вежева – вальщица и сучкоруб, П. Ф. Любищенко – телятница совхоза «Часовский». Чуть позже Героем Социалистического труда стала Полина Маркова – директор школы № 4 города Сыктывкара. В 1937 году она приехала в педучилище из Корткероса, совершенно не зная русского языка. Это тем более удивительно, что по происхождению Полина Степановна русская. Её родителей сослали из Воронежской области, но Полина была совсем маленькой, когда умер отец, а маме пришлось передать её с сёстрами в школу-интернат, где и обучение, и общение велось только на коми языке.

Интересные мизансцены бесед случались у Полины Степановны в период, когда она работала директором 4-й школы. Часть учеников была из микрорайона Дырнос, где жили очень много немцев, западных украинцев и коми, приехавших трудиться из отдалённых деревень на Дырносский кирпичный завод. Детишки отличались своим говором – многообразие акцентов и воровского жаргона сотрясали коридоры школы. В конце 50-х – начале 60-х это была скорее республика ШКИД (для справки – известная книга Леонида Пантелеева «Республика ШКИД» и одноимённый фильм режиссёра Геннадия Полока рассказывают о школе-коммуне для трудных детей-беспризорников в послереволюционном Петрограде). Часто

и дети, и родители оправдывали неуспеваемость своим незнанием языка, трудностью произношения. Как ни странно, но чаще так делали коми родители и дети, чем немцы или украинцы. Известна речь Полины Марковой на общем родительском собрании:

«Русский язык трудный? Может быть... Но я знаю, что гораздо труднее жить без русского языка. А про трудности произношения вы мне не рассказывайте. Перед вами стоит человек, которого не хотели выпускать с аттестатом из училища. Слишком непедagogический был коми акцент. Это при том, что я уже заканчивала училище... Я была в ужасе. Как это я останусь без аттестата? Не педагогам, не родителям, а себе я дала клятву, что к 1 сентября буду говорить так, что никто не поверит, будто у меня был «непедagogический акцент». И я избавилась от него за неполные три месяца. Повторяю – за неполные три месяца. А вы сами себя и детей своих убеждаете, что это трудно, что это причина...»

Может, конечно, это легенда, но факт: нерусские акценты, нецензурные выражения в школе № 4 исчезли за год, а успеваемость росла на глазах.

За какие заслуги Полине Степановне Марковой присвоили звание Героя и как она повлияла на женское движение в Коми?

Дело в том, что это был учитель, который знал не только имена всех детей во дворах Дырноса и Парижа, но и клички собак, не говоря уже про дворы улиц, спускающихся к реке. Она побывала в каждой семье. Учила стихи со школьниками прямо на полях у речушки Дырнос возле костра с печёной картошкой, а также возле печки-буржуйки с девочками, которые приходили на дежурство вместе с мамами на кирпичный завод. Конечно, этого от Полины Степановны не требовалось. Но она хотела, чтобы дети почувствовали совершенно другие возможности, которые дают знания. И это у неё получилось так быстро, что в РОНО ахнули, а разговоры по всему городу заставили иначе взглянуть на школьную и внешкольную жизнь детей. Женщины увидели новую перспективу для своих детей. А что может быть сильнее веры? Что может объединить лучше, чем общий интерес и общее дело?

В школах не учили драматургию, а начали заниматься ею. Драматические кружки объединили и взрослых, и детей (всплеск в жизни Республиканского драматического театра с появлением целевой актёрской группы в начале 70-х – не есть ли это результат совершенно другой учёбы и другого по настроению поколения?) Как методист-новатор, Полина Маркова пробудила интерес взрослых и детей к олимпиадам и школьным смотрам художественной самодеятельности, игре «Зарница» и подсобному хозяйству. Откуда ей было знать, что через 5 лет родится целое дачное движение? Но, видимо, есть люди, которые интуитивно живут «на шаг вперёд», на поколение вперёд...

* * *

Воркута, Инта, Усинск в конце 50-х – начале 60-х переживали период особой трансформации. Задвигалось в тень мрачное прошлое ГУЛАГа, люди пытались настроить жизнь на творческий лад. Напомним, в 1957 году в Москве состоялся Международный молодёжный фестиваль, в страну въехали иностранцы, распахнулись ворота французского и американского кино. Для широких слоёв населения стали доступными проигрывающие устройства – радиолы, проигрыватели (до магнитофонов ещё далеко). Факт – поменялась стилистика жизни и формулы взаимоотношений.

Общепит испытал бум ресторанной индустрии. Сервис, ателье, парикмахерские и многие другие потребительские запросы вывели женщину в самую активную и самую (что очень важно) показательную – в витринную, в афишную часть жизни общества. Это после довольно долгого «мужского» героического военного периода, периода символов мужества и т. п. Теперь востребованы женственность и изящность.

Построили Дома Быта в Воркуте и в Инте, появились оздоровительные программы по требованию женских советов. Профсоюзы объединений «Воркутауголь» и «Интауголь» при содействии производственных мощностей и по договорам с партнёрами начали строительство детских пионерских лагерей на Чёрном и Азовском морях. Сформировались аналогичные программы и по линии Комилеспрома: теперь дети и семьи выезжали по льготным путёвкам (профсоюз оплачивал порою до 90 % стоимости) к морю на лечение, на отдых.

После периода запрета на аборты в 40-х годах, когда женщины умирали от нелегальных опасных операций, попадали в тюрьму (было и уголовное наказание), при Женсоветах в 60-х для молодых мам и мам-одиночек организовали центры помощи и курсы по профилактике беременности. Скорее, речь шла о другом: о формах защиты, о новых лекарствах, о кассах взаимопомощи. Тогда в условиях «недоразвитого социализма» и совсем не развитой банковской системы, в условиях нулевого кредитования именно женская идея – Кассы Взаимопомощи – существенно выручила миллионы семей, временно испытывающих финансовые трудности.

Именно общесоюзному женскому движению, а также работникам Красного Креста (тогда эта организация гремела, её функционал был чрезвычайно высок) тысячи семей СССР благодарны за воссоединение. Люди находили друг друга и после ГУЛАГа, и после войны. Только за 1957–61-е годы и только в системе лесных посёлков Коми АССР нашлись более 4 тысяч разбросанных по стране детей, братьев и сестёр, престарелых родителей.

Что касается освоения женщинами новых профессий, то примером, наверное, на долгие годы стала не только Валентина Терешкова, полетевшая в космос в

Галина Анатольевна Дубровская.

1963 году, но и женщины-лётчицы. Не военные «Ночные ведьмы»: там-то, на войне, это отдельный подвиг, и награды нашли их сразу. А вот появление женщин в гражданской авиации, да ещё и в условиях Севера – это было новшество.

Галина Анатольевна Дубровская – пилот гражданской авиации, уроженка села Корткерос, пришла в воздушный порт Сыктывкара в 1965 году. Трудилась 25 лет (чуть меньше проработали пилотами ещё три её коллеги-женщины). Освоила управление маломаневральными и среднемагистральными самолётами АН-2, АН-24, Як-19, Ту-134. В авиации никогда не стремились к гендерному равенству и каким-то квотам ради квот. Слишком уж специфическая деятельность, где во главе угла всегда безопасность пассажиров. Но Галина Дубровская, родившая и воспитавшая за эти годы двоих детей, стала символом новых профилей профессии в женской среде. Тогда ведь совсем ещё анекдотичным казалось служение девушек в армии, например. Но мы знаем, что сегодня женщины появились даже в боевой авиации, а тогда, 50 лет назад, Дубровская была вектором возможностей, мечтой для девочек.

В 1966 году 8 марта становится выходным днём. Постановлением Президиума Верховного Совета СССР годом ранее принято решение, что Международный женский день – явление нового порядка. Ещё бы, взрывной рост рождаемости, актуализированные проблемы с детскими садами, школами, формами детского

отдыха (кстати, в начале 60-х даже баланс городского и сельского населения ломался со скоростью 4-5 % в год в пользу роста городов) – всё это окончательно обозначило новую роль женщины в индустриальном обществе.

«Мещанская» тишина и вызовы новой эпохи

В 1971 году в Верховный Совет Коми АССР входили 38 % депутатов-женщин. И это не удивляло. Директора школ и совхозов, преподаватели вузов (через год будет открыт Сыктывкарский государственный университет имени 50-летия СССР), представительницы трудовых коллективов – известные нам уже Герои труда. То время охарактеризовано как годы застоя в экономике. С точки зрения социологии, застоя, конечно, не было – ни по демографическим, ни по возрастным (молодёжь чаще выходила на руководящие посты) показателям. Однако спокойствие во внешней политике и некоторое «овеществление устремлений» (о чём не раз писали партийные газеты) – стремление к обустройству квартир и дач, покупке машин, бытовым удобствам – стало несколько заземлять и делить мужчин и женщин по производственным функциям. Потихоньку образовалась «философия достаточности», некая заморозка статуса-кво женщины в символических параметрах «советской женщины», для которой удобства и блага, конечно, нужны, но без капиталистических излишеств. Перекинулось это на всё: и на моду (которая стала тоже двойной – официальной и подпольной), и на дефицит (он-то формировался как раз по принципу «оно нам не надо», а потому его мало и из-под полы). А чуть позже начал давить и продуктовый дефицит.

Как штрихи к этому времени, усилившиеся попытки центральных властей квотировать места для национальных меньшинств. Это заметно отодвинуло на второй-третий план вопросы, которые женщины пытались актуализировать, но получилось как-то для двух разных народов: для приближённых к власти и дефициту и для всех остальных – далёких от ресторанов и баз, от городов и культурных центров.

Возродилась забытая проституция (о ней, а также о линиях поставок заграничной косметики и цеховой обуви говорили только шёпотом в узких кругах). Торговля для «блатных» со складов Комилесурса и ОРСа, поезда девиц к болгарам в Удорский район. «Подарки братушек», которые по межгосударственному договору пилили лес в Удорском районе, – косметика, одежда, сладости и редкие вина – стали «валютой размена» для молодых женщин. В 1979 году в Сыктывкаре открылось варьете – абсолютно несветский вариант торговли обнажённым телом. Искусства там было на 50 % (танцы, музыка, эксклюзивные костюмы), на другие 50 % – обнажёнка и гаснущий интимный свет для досуга.

Женские приоритеты (и отношение к самой женщине) стали переформатироваться. Об этом можно судить по такому удивительному факту: в 1970-х годах в космос не полетела ни одна советская женщина. После Валентины Терешковой вторая женщина-космонавт – Светлана Савицкая. Она совершила полёт только в 1982 году.

90-е. Совсем-совсем не святые...

Перестройка 1986–91-х годов взломала уклад. Сомнению подверглись не только идеология государства и социалистический уклад хозяйствования, но и все фундаментальные ценности, в том числе и ценности семьи.

Усмешка истории в том, что женщины, боровшиеся в начале века за освобождение от диктата семьи, в конце XX века вынуждены броситься спасать её. То есть броситься на совершенно противоположный борт корабля истории.

Резкое падение рождаемости, проституция, болезни (Сыктывкар, Ухту и близлежащие районы в 1988 году поразили чесотка, а в 1994-м – сальмонеллёз в массовом масштабе), появление ВИЧ, рост числа преступлений, в том числе и против детей. А на самом вершине власти продолжались разборки между кремлёвскими и некремлёвскими группировками, олигархами. Хлынул поток беженцев, начали закрываться предприятия. Как в злой шутке, «графиня достала носовой платок, высморкалась, а за углом шла революция...» Ещё донашивались лисьи шубы и дублёнки, но уже многомесячные задержки зарплат заставляли экономить на стиральных порошках.

В 1991 году на X съезде женские советы районов (счёт вёлся с первого съезда, прошедшего в ноябре 1960 года; но тот Союз был совсем другого формата и по факту исчерпал себя ещё в начале 70-х, рассыпавшись на женские советы по местам) объединились в новое юридическое лицо – Союз женщин Коми ССР. Буква «А» в названии пропала, «автономия» заменилась на «суверенная», то есть смысл одной из «С» тоже стал другой. Руководителем этого обновлённого Союза стала Ангелина Павловна Беляева.

В больших научных, педагогических и социальных центрах рассматривали концептуальные формы решения проблем семьи, женщин, детей. В Республике Коми надо было решать свои, вполне себе прикладные задачи. На фоне противостояния Парламента РФ с Президентом Ельциным в 1993 году (как мы помним, всё закончилось тогда открытым гражданским конфликтом и горящим Белым Домом) в республике по инициативе директора Коми кадрового центра Валентины Котельниковой, специалистов социальных служб Натальи Дубовой, Валентины

Кулимовой, Галины Кравченко и Татьяны Конаковой был создан учредительный съезд женщин, основанный Союзом женщин Республики Коми. Два десятилетия женщины между собой так его и называли – «Съезд трёх К» (Конакова, Кулимова, Кравченко). Тогда же Г. Н. Кравченко избрали председателем Союза женщин; она руководила организацией 14 лет – до 2007 года. В 2007-м руководство подхватила Ольга Савастьянова, которая до этого вела собственное женское движение – Женскую палату.

Фактически обсуждение новой Конституции РФ (а за нею и Конституции Республики Коми – принята 17 февраля 1994 года), принятие которой состоялось 12 декабря 1993 года, и формирование Союза женщин шло в одних и тех же группах, аудиториях, организационных центрах. Активное участие в работе над созданием Союза женщин приняли участие и супруга Первого Главы Коми Г. И. Медуха и ректор университета В. А. Витязева.

Появление двух женских организаций в 1994 году – Союза женщин и Женской палаты – это, конечно, внешне кажущийся раскол из-за интриг. Их было полно. Но сами интриги были не случайны и по сути своей совсем не мелочны.

Две женские организации – это объективно два разных мира. Один мир (Союз женщин) пытался сохранить социальные завоевания СССР, традиции и старые общественные структуры, которые выручали людей в сложных жизненных ситуациях, позволяли тем же ветеранам не чувствовать себя выкинутыми на обочину жизни. А другой мир (Женская палата) бесконечно экспериментировал: то лекции о культуре полового поведения, то борьба с наркотиками, то молодёжные марафоны и игры с разрешением конфликтных ситуаций, то большая издательская и методическая деятельность. Не случайно даже ПРООНовскую конференцию на гендерные темы провела в Сыктывкаре именно Женская палата.

Одни напоминали о хлебе насущном и решали конкретные и порою страшные вопросы (только в зиму 1995–96-х годов и только в Сыктывкаре официально зарегистрировано 174 голодающих семьи). Другие создавали учебные программы для детей с отклонениями в развитии, которых раньше не было ни для больных ДЦП, ни для аутистов, ни для сирот, оставшихся без попечения родителей. Так, Женская палата создала Молодёжный добровольческий союз, помогающий сиротам. В 90-е годы сироты порою оказывались беззащитными перед бандитами и наркоманскими группировками, они не умели элементарно рассчитать свой бюджет, поэтому нуждались в наставниках и конкретных патронажных службах. Татьяне Васильевне Изъюровой, специалисту по социальной работе и активистке Союза женщин, в условиях дефицита средств удалось создать Центр помощи семье и детям и на его базе – Кабинет помощи семьям, попавшим в трудную жизненную ситуацию.

С подачи Союза женщин в Сыктывкаре возрождена Женская гимназия (директор В. В. Кулимова). Социальные экспедиции и шефство над ветеранами войны и

труда организовала руководитель АО «Продтовары» Галина Анисимовна Лапшина, возглавляющая Союз женщин и сегодня – в 2020 году. Она вовлекла в орбиту таких экспедиций специалистов – медиков, юристов, педагогов, психологов, тренеров по бизнесу. Когда-то она начинала с обычной профсоюзной помощи и того, что по привычке называлось «кассой взаимопомощи», но масштабы проблем удручали, и в итоге всё это выросло до общественно-государственных проектов и программ.

В 90-е годы активно работал «Комитет солдатских матерей России», который в Коми возглавила преподаватель университета, философ Людмила Завьялова.

Инициатором и вдохновителем создания Общественной палаты в Коми выступила Ольга Савастьянова (нынче – депутат Государственной Думы), причём произошло это задолго до появления такого органа на федеральном уровне. Кстати, к моменту этой инициативы, ещё в 2007 году, Женская палата и Союз женщин Республики Коми объединились. И вот ведь ирония судьбы: Ольга Викторовна уехала в Москву, а фактическими руководителями Общественной палаты в течение нескольких созывов в должности заместителей были Валентина Кулимова и Галина Лапшина, чьи социальные экспедиции оказались не просто к месту, а, можно сказать, столбовым направлением деятельности палаты. Исполнительным директором несколько лет проработала и Г. Н. Кравченко. Во всяком случае, эффективность и узнаваемость общественных деятелей через социальные экспедиции по-настоящему видна и сегодня.

В феврале 2003 года было создано движение «Коренные женщины Республики Коми», объединившее женщин 11 сельских муниципалитетов. Возглавила его Галина Алексеевна Князева. В 2017 году появился «Союз многодетных матерей», в 2019-м – Союз православных женщин. Говорит ли это о функциональной дифференциации? Наверное. Но это лишь подтверждает, что социальная роль женщины вышла явно в другую фазу.

И кто бы из «титанов» предыдущих движений мог подумать, что придёт мир интернета, который взломает привычные проблемы и заставит женское движение проявить себя ещё с одной стороны – со стороны цифрового мира.

«Цифровая» женщина

Стала ли больше проявляться женская уязвимость с возникновением социальных сетей и с цифровизацией экономики вообще? Дискуссии ещё идут, но уже очевидно, что в виртуальном пространстве гендерного равенства тоже нет. Аккаунты и браузеры бесполы – да. Но вот темы есть ярко выраженные. Как ущемляющие и эксплуатирующие женщин, так и изолирующие их от части социальных

проектов. И дело не в традиционных «узко мужских» темах оружия или мото-автотехники (в конце концов, у женщин целая beauty-индустрия). Сайты продаж женщин (мужчин по продажам не видно) – та же проституция, эксплуатация образа обнажённой женщины в рекламе, домогательства и шантаж на сексуальной почве в сети – всё это нечто новое и требующее других подходов в решениях. Или, как минимум, в понимании «цифровой жизни» женщины.

Как и следовало ожидать, первыми тревогу забили матери и педагоги. Член Союза женщин РК и в то же время член Общественного совета при МВД, руководитель Общественной палаты Коми Галина Викторовна Киселёва в 2016–2018-х годах несколько раз выносила на общественные слушания темы «АУЕ» и «Синий кит» в социальных сетях и средства борьбы с ними («АУЕ (арестантское уголовное единство) – закрытое уголовное сообщество с финансовыми сборами, иерархией и языком, распространённое в большей или меньшей степени в 68 регионах страны...»; «Синий кит» – клуб самоубийц для детей. Конечно, он не объявлен таковым, но вся игровая система этого клуба подводит ребёнка к суициду или членовредительству»).

Борьба с педофилией, с насилием в семье актуализирована не только в «круглых столах» и обсуждениях, но и в проведении системных проверок неблагополучных и неполных семей, а так же в мониторингах соцсетей, в формах электронного межрегионального и общественного внимания.

Если виртуальное пространство и цифровая экономика – это отражение мира реального, но с его более открытой частью сознательного и бессознательного, то у женского движения ещё много работы, очень специфической, теперь ещё и занятой масштабной перегруппировкой и оценкой новых этических и эстетических норм. А это вопросы философии, которые всегда (объективно) рассматривают системы в их слабом (женском) и сильном (мужском) звене. В уровнях и нишах ответственности, в законах сохранения и приумножения. И тут, конечно, в бесполом аккаунтах и браузерах найдутся половые признаки. Не в смысле фигурального, поэтического осмысления, а в природной, естественной его части. Как это будет? Думаю, что первые ответы мы услышим и увидим в течение жизни одного поколения, а не через 100 лет. То есть – совсем скоро.

ЮЛИЯ ЛЕГОТИНА

Юлия Вячеславовна Леготина – филолог, журналист. В 2010 году закончила филологический факультет Сыктывкарского государственного университета. С 2016 года работает руководителем литературно-драматургической части Академического театра драмы им. В. Савина.

Из жизни современных женщин

Словосочетание «современная женщина» сегодня, кажется, звучит как старомодное клише. Ещё несколько лет назад «современная женщина» ассоциировалась с самостоятельной бизнес-вумен за рулём собственного автомобиля и с телефоном в руке, спешащая на деловые переговоры. Но стереотипы уходят в прошлое, человеческая индивидуальность и уникальность становятся главными ценностями, общество начинает принимать людей такими, какие они есть, и постепенно избавляется от ярлыков. Современные женщины сегодня воспитывают детей, борются за свои права и права тех, кто ущемлён, руководят организациями и находят смысл жизни в творчестве.

Ирина ТЮРИНА, домохозяйка, г. Арзамас

Ирине Тюриной 28 лет. Когда-то она мечтала стать актрисой и пробовала поступить в театральный. Но в итоге закончила педагогический институт в своём городе, вышла замуж, родила троих детей и сегодня счастлива заниматься семьёй и домом. Обретение веры и любовь помогли Ирине найти свой путь в жизни.

– Когда вам предложили дать интервью, вы сказали, что вряд ли подходите для этой темы, что вас нельзя назвать современной женщиной. Почему вы так считаете?

– Сейчас, да, по-моему, и тогда, в мои подростковые годы, не принято быть матерью, во всяком случае, многодетной. Я слышала такую фразу, что обычно в материнстве себя находят неудачницы. Мне кажется, современная жизнь, соци-

альные сети как будто говорят: «Мы не домохозяйки, мы не кухарки, не посудомойки. Мы личности. Не зарывай себя в детях». И почему-то считается, что если ты мама и больше ничем не занимаешься, – это как-то скучно. А у меня нет бизнеса, есть какие-то хобби, но они связаны именно с детьми. То есть я читаю книги по психологии, о развитии, заново открываю литературу для детей, так как сначала знакомлюсь с книгами сама, а уже потом читаю детям. Если не мои дети, некоторые вещи я бы никогда не узнала. Какое-то время я работала в школе, и девочки в 8-9 классах говорили, что не собираются борщи варить, а будут делать карьеру. Я несовременная, потому что не строю карьеру, а реализовываю себя в детях.

– Вы всегда придерживались таких взглядов? Хотели большую семью, много детей, заниматься ими, а не карьерой?

– Вспоминаю себя раньше и думаю: у меня никогда не было чувства спокойствия, понимания, чего я действительно хочу и что мне делать дальше. Я собиралась стать актрисой, работать в театре, поступала в театральный институт. Неплохо прошла конкурс в Санкт-Петербургскую академию театрального искусства, но сама уехала, по глупости. Хотя как «по глупости»? Я же человек верующий, поэто-

му сейчас сказала бы, что сделала это промыслительно. Родители очень хотели, чтобы я училась на историческом факультете нашего педагогического института, и я поступила. Там и встретила своего будущего мужа, и на этом мои душевные терзания-истязания закончились. Мы стали много общаться, подружиться. Он очень верующий, а я тогда к этому относилась более легко, рассуждала на тему, что религий много и пр. Однажды у нас зашёл разговор про Бога, я спросила, во что конкретно он верит. Он ответил так: «Бог есть любовь. Полюбишь – поймёшь». И ко мне пришёл покой, я поняла, что мне больше вообще ничего не надо.

– Как вы относитесь к феминистскому движению? Поддерживаете, осуждаете?

– Я всегда думала, что феминистки – это те женщины, которые борются за равные права с мужчинами. Может быть, я всего не знаю, но часто мне это всё кажется надуманным. За что борются феминистки? За то, чтобы сделать карьеру. Какую? Никто не хочет быть женщиной-сварщиком, хотя это тоже признанно мужская профессия. Всем нужны руководящие должности. Мне сложно об этом говорить, я же не делала никакой карьеры: вышла замуж в 21 год, то есть замужество не притормозило мой рост.

Быть равной мужчине я не хочу. Мне нравится, как мы живём. Друг без друга мы не принимаем никаких решений вообще. Нет такого, что я должна попросить у мужа денег на что-то, – у нас всё общее. Пока я не была замужем, разбиралась в компьютере, каких-то ещё сложных вещах. А сейчас даже не хочу озадачиваться на эти темы, работаю в основных программах, а если что-то сломалось или чего-то не знаю, муж всё решит. Есть исключительно мои дела: я готовлю, убираю, занимаюсь детьми. Но это не значит, что муж не может этого сделать: вот недавно испёк курник. Если меня нет, сам посидит с детьми, поиграет, поможет, почистит зубы. И я не думаю, что унижаю его этим.

– Когда появились дети, вы сразу поняли, что посвятите себя только им? Или были планы выйти на работу, когда они подрастут?

– Я понимаю, что ситуации у всех разные. Мне говорили: «Надо работать, надо работать». Да не надо работать. Когда я пошла на работу, среднему сыну было два года. Мы с мужем как-то перебивались, подстраивали графики, чтобы не отдавать детей в сад. Я пыталась работать и поняла, что не могу, я должна быть со своими детьми. Зарплата учителя в 15 тысяч рублей вообще не стоила того, чтобы мои дети оставались дома без мамы. Муж заметил, что мне плохо в школе, и сказал: «Если не хочешь, не надо». Он меня всегда поддерживает, если я устаю, предлагает заказать готовую еду домой, сходить встретиться с подругами, развеяться. Я не чувствую себя затюканной бабой с борщом. И нас окружают такие семьи. Мне не хочется быть феминисткой, и моим подругам тоже.

– Почему вы не хотите отдавать детей в дошкольное учреждение?

– Разница между первым и вторым ребёнком была год и девять месяцев. Мне все говорили, что с двумя детьми я не справлюсь, и нужно отдать старшую дочь в детский сад. Мы записались, встали в очередь, но у меня не было ощущения, что это правильно. Потом я пообщалась с мамами, которые являются для меня авторитетными, и оказалось, что никто из них детей в сад не отдавал, по крайней мере, до четырёх лет. В общем, три дня мы ходили в садик, а потом перестали и выдохнули. На самом деле, ходить в детский сад необязательно, и многие дети не посещают его по разным причинам: кто-то вегетарианец и его не устраивает, как кормят детей в садике, у кого-то слабое здоровье, кто-то хочет заниматься своими детьми самостоятельно.

– Сейчас многие родители предпочитают для своих детей альтернативные формы обучения, обычная государственная школа теперь – не единственный способ получить обязательное образование. Что для своих детей выберете вы?

– Наш духовник рассказал нам, что есть такая форма обучения – семейное образование. Он и матушка стали заниматься им, а мы с мужем наблюдали за тем, что они делают. Но поначалу были сомнения, стоит ли своих детей переводить на такую систему. В итоге мы всё-таки вступили в программу поддержки семейного образования, стали её участниками. Год отзанимались, и мне предложили занять место директора группы СО в Арзамасе. Мы с мужем сразу поехали на практикум по СО в Казань, там я прошла обучение и инструктаж. Сейчас в нашей группе занимаются четыре семьи, ещё несколько присматриваются и готовятся к нам присоединиться. Теперь я понимаю, что своих детей в школу уже не поведу.

– О чём вы мечтаете для своей семьи?

– У меня даже нет никакой мечты, всё у нас хорошо. Вот стою в магазине, смотрю – индейка по акции за 199 рублей, а не за 250, как обычно – уже хорошо. Может быть, пометать о своём доме, чтобы стать ближе к природе, дышать чистым воздухом?

**Елена ПЕКАРЬ, директор
ВДТ им. Б. А. Мордвинова, Воркута**

Елена Пекарь уже пять лет возглавляет Союз театральных деятелей Республики Коми. Два года назад она была назначена директором Воркутинского драматического театра имени Б. А. Мордвинова. За ещё недолгий срок её руководства заметно обновился репертуар театра, стала разнообразнее гастрольная и фестивальная жизнь, самому театру было присвоено имя его основателя. О жизни заповярного театра, победах, трудностях и о том, что помогает их преодолевать, Елена Пекарь рассказала в интервью «Арту».

– Когда вам предложили должность директора Воркутинского драматического театра, вы сомневались, было желание отказаться? Почему?

– Сложно описать свои ощущения, но сомнения как такового, в общем-то, не чувствовала. Был момент понимания ситуации, в которой я оказалась бы, решившись на переезд в другой город, находящийся на весьма отдалённом расстоянии

Елена Пекарь с Валентиной Ищенко, заслуженной артисткой Коми АССР.

от моего постоянного места жительства. К тому же мне бы пришлось чисто географически оставить место своей деятельности в Союзе театральных деятелей, работу в котором не собиралась заканчивать. На размышления не было времени, предложение поступило без подготовки и требовало быстрого ответа, поэтому я подумала, что все вышеперечисленные сложности я буду решать по мере их поступления. Воркутинский театр знала не понаслышке (на ниве СТД проводилась очень большая работа по взаимодействию с театром), была знакома с коллективом этого учреждения, потому что не раз приезжала туда с рабочими визитами. Своё назначение я восприняла как подарок судьбы, ведь далеко не всем и не каждому делают такие предложения.

– Насколько сложно совмещать должность директора Воркутинского театра и председателя СТД РК?

– Несложно. За почти 11 лет моей работы в Союзе сформировались устойчивые партнёрские связи, в отделении на постоянной основе работают грамотные сотрудники, у нас есть многолетний опыт проектной и организационной деятельности, у нас хороший контакт с центральным аппаратом СТД России, так что работа налажена. Дело тут в другом. В отсутствии твоего постоянного личного присутствия. Работа в нашей общественной организации – это постоянное общение

*70-летие Союза театральных деятелей Республики Коми на сцене театра им. В. Савина
(фото из группы СТД РК).*

между людьми, особенно с его самой уязвимой группой – нашими ветеранами. Мы не просто им звоним, мы их собираем, встречаемся, навещаем, помогаем, чем можем, в любых обстоятельствах. Как они рады этим встречам! Многие из них одинокие и забытые. К сожалению, сейчас я не могу в полной мере во всём этом участвовать. Но работа продолжается, несмотря ни на что.

– Вы родом из Воркуты, как давно вы оттуда уехали? Задумывались ли, что придётся вернуться? И хотелось ли возвращаться? Какие сейчас ощущения от жизни в Воркуте?

– Родом я из Белоруссии, хотя могла родиться и в Воркуте, куда меня привезли родители в возрасте шести лет. Здесь закончила восьмилетнюю школу и музыкальное училище, а в 1990-м, поступив в Петрозаводскую государственную консерваторию, уехала учиться. Возвращаться, конечно, не собиралась. Намёрзлась. Хотелось жить в тепле. Но судьба распорядилась иначе. Я давно заметила, что если что-то категорически отвергаешь, то оно обязательно вернётся к тебе в том или ином виде. И вот – Воркута. Признаюсь честно, я попала совсем в другой город – без столпотворений прохожих на улицах, без тех привычных названий на вывесках домов, без многочисленных шахтёрских посёлков, без ощущения его как большого многонационального мегаполиса, – именно так в те годы я ощущала то место, где жила.

Трудно было привыкать, а ещё сложнее принять. Интенсивная работа в театре, время, новые лица, мысли, события не дали мне возможности на этом зациклиться. Да, Воркута сейчас другая, но в ней по-прежнему есть какая-то своя магия, волшебство и сила, которые объединяют людей, как нигде. Здесь все – одна большая семья, и это уже само по себе очень редкое явление в нашей теперешней жизни. Совсем недавно осознала – скуаю по этому городу и очень хочу вернуться назад, когда уезжаю. Со мной случилась неожиданная метаморфоза!

– Трудно ли было зарекомендовать себя в театре, сразу ли вас приняли?

– Для большей части коллектива я не была котом в мешке. Многие в театре не просто меня знали до моего назначения, а активно взаимодействовали со мной по линии СТД. Но новый человек – это всегда перемены, это всегда своего рода перестройка. А люди этого больше всего и боятся, это нормальная психологическая установка. В театре изменений произошло более, чем достаточно. Если честно, не знаю ни одного руководителя, которым в коллективе все были бы абсолютно довольны. Главными критериями твоего принятия и авторитета, как мне кажется, является стабильно функционирующая организационная система, благоприятный психологический климат и достижение поставленных целей. И если иметь в виду специфику театра, где работают творческие люди и где очень сложным образом переплетаются административный, организационный и творческий процессы, то я думаю, что да. Приняли.

– Как вы считаете, директор театра – это женская профессия? Есть ли какие-то примеры руководителей театров, на которые вы равняетесь?

– Думаю, ещё какое-то время назад можно было бы в этом усомниться. Но сейчас все мы живём в другом измерении. Не хочу обидеть никоим образом мужчин, но женщины в нашей стране стали забирать у них пальму первенства. Они самостоятельны, выносливы, креативны, физически и психологически готовы переносить сумасшедшие нагрузки. Они рожают, воспитывают детей, руководят, зарабатывают, добиваются поставленных целей и т. д. И у них это очень хорошо получается! Я много общаюсь с руководителями других театров, большую часть которых составляют мужчины. Но абсолютно уверена в том, что сейчас не гендерный признак решает успешность руководства. Неважно, мужчина это или женщина. У руля должна стоять личность. Поэтому всегда беру на заметку позитивный опыт моих коллег, формируя свой собственный и учась на своих же ошибках. Вряд ли существует другой путь.

– Что удалось сделать в театре за время работы? Что бы ещё хотелось? К чему вы стремитесь в развитии ВДТ?

– Во-первых, мы кардинально поменяли свой режим работы. Сейчас в параллель

ставим по два-три спектакля, хотя наша труппа – это всего 19 человек. Каждый цех представлен лишь одним специалистом. Поэтому работа в театре интенсивная и требует постоянной собранности. За два года мы выпустили 18 спектаклей самых разных форм и жанров, реализовали несколько театральных проектов. Побывали на трёх больших фестивалях в Сыктывкаре, Иркутске и Старой Руссе, осуществляли гастрольную деятельность по республике и за её пределами. Существенно обновили материально-техническую базу в рамках программы «Театры малых городов». Ежегодно к нам на постановки приезжает не менее двух приглашённых режиссёров. В 2018 году мы открыли музей истории театра. Но самыми знаковыми событиями ушедшего года стали присвоение учреждению имени своего основоположника Бориса Мордвинова, а также знакомство с Надеждой Мордвиновой (внучкой) и организация выставки, посвящённой 75-летию Воркутинского музыкально-драматического театра в Московском театральном музее имени А. Бахрушина и Республике Коми (Сыктывкару и Воркуте). Считаю, что для такого маленького северного города, как наш, наличие драматического театра, да ещё и с такой уникальной ГУЛАГОВСКОЙ историей, – это роскошь, подарок судьбы для всех в нём живущих. К нам идёт зритель, но идеальной для себя считаю ситуацию, когда на кассе висит объявление «Все билеты проданы». Совсем скоро состоятся обменные гастроли с театром из другого региона – для нас это первый опыт такого взаимодействия. Хочется, чтобы такое направление деятельности носило постоянный характер. Планируем организацию и проведение своего фестиваля, думаю, что это обязательно получится. Да, много всего в планах.

– Как вы считаете, есть ли перспектива у заполярных театров? Что необходимо, чтобы она была?

– Не могу сказать за все заполярные театры, в каждом городе своя ситуация. Есть город – есть театр. Воркута меняется, и это чувствуется, но ощущения, что мы живём без перспективы, у меня нет. Я вижу, как в нашем городе ремонтируются и модернизируются детские площадки, строятся кинозалы, оснащаются библиотеки, а это значит, что жизнь продолжается и городу оказывается государственная поддержка. Какие мероприятия здесь проходят – такой размах свойственен только Воркуте. И всё это несмотря на то, что население сократилось почти в пять раз. Конечно, проблемы есть, но они разрешаемы. Здесь всё возведено в степень преодоления – так диктует суровое Заполярье и условия существования. Мы справляемся.

– Как вы считаете, огромная роль карьеры в жизни женщины сегодня – это результат свободного выбора или необходимость (обеспечивать себя, детей, семью)? Вы бы могли быть домохозяйкой? Или всегда стремились большую часть сил и времени отдавать любимому делу?

– Ну, что делать? Все мы живём в товарно-денежной системе, и от этого не уйти. Надо зарабатывать, обеспечивать и ещё надо, надо, надо... Но здесь, как

Елена Пекарь с художником Анной Репиной, актрисой Анной Софроновой и режиссёром Евгением Софроновым на церемонии награждения лауреатов VIII Республиканского театрального конкурса им. Степана Ермолина (фото из группы СТД РК).

мне кажется, главное – прийти в своей профессиональной деятельности к тому делу, которым ты будешь гореть: это базис, в том числе и для денежной надстройки. Всё-таки это вопрос формирования своего жизненного пути и своей миссии. Это философия, но в моём случае она проверена опытом и временем.

Конечно, я могла бы быть домохозяйкой. Мне нравится вести домашнее хозяйство, я с удовольствием проводила время со своими маленькими детьми, всё это очень люблю и умею. Но мне скучно так жить, мне хочется пребывать в других атмосферах. Музыка, литература и теперь вот – театр. Это такой творческий драйв, такой полёт! Не помню себя не занятой какой-то новой идеей, проектом. Я всегда так жила и продолжаю жить. Ну, а быт можно организовать, это не очень сложно.

– Наверняка, бывают моменты, когда опускаются руки и хочется всё бросить. Что вас спасает?

– Бывает трудно, но бросить – никогда! А зачем тогда было начинать? Не знаю, что ещё сказать. Иногда просто нужна передышка, близкие люди рядом и... Бах, Моцарт, Бетховен, Рахманинов...

**Алёна ЗЕЗЕГОВА,
управляющая в Револют-центре, г. Сыктывкар**

Несмотря на юный возраст – 23 года, Алёну Зезегову уже давно волнуют совсем не детские проблемы. Ещё в школе она стала задумываться о том, как сделать Сыктывкар лучше. Пока училась в университете, осуществила несколько интересных проектов на пользу города и его жителей. Сегодня она является частью инициативной группы, которая создала в Сыктывкаре независимое культурно-общественное пространство Револют-центр, где реализуются просветительские проекты – лекции, выставки, фестивали – и куда можно просто прийти выпить кофе.

– Когда появилась идея о создании центра? У вас большая команда?

– Идея появилась года два назад. Я училась на последнем курсе, и мне предложили работать в команде Револют-центра. Тогда уже было понимание, что мы хотим делать, прорабатывали бизнес-модели, делали ремонт, и примерно через год центр открылся. У нас не такая большая команда, около 10 человек, некоторые из них живут в других городах – Кирове, Петрозаводске, – работают дистанционно и периодически приезжают.

– Кажется, что вы всё время проводите на работе, буквально на ней живёте. Это так?

– Я управляющая нашего центра. Сейчас мы немножко перестроили работу, взяли дополнительного человека, и свободного времени появилось побольше, а весь прошлый год я ещё занималась мероприятиями и разными другими делами. В 2019 году я закончила факультет менеджмента и управления СГУ, поэтому, можно сказать, что работаю по профессии.

– Несмотря на ваш юный возраст, вас уже довольно давно знают как активистку. Когда вы начали интересоваться общественными проблемами?

– Интересоваться общественными проблемами и заниматься их решением начала лет в 16-17, ещё в школе. Один из первых проектов, в котором я участвовала, – сквер на пересечении улиц Куратова и Советской в Сыктывкаре, мы его буквально откопали (заброшенное место в старом центре города общественники благоустроили, высадили газон и цветы, поставили скамейки, убрали мусор – прим. авт.). Потом была пешеходная улица, которая у нас не получилась. Это отдельная грустная история, но она принесла нам разный и интересный опыт. Ещё

мы как-то остановки мыли. Это давно было, может, лет пять назад. Тогда в Сыктывкаре поставили первые стеклянные остановки, и их сразу залепили рекламой. Смешно вспоминать – к нам подходили и спрашивали: зачем вы остановки моете, вам что, заняться нечем? Хотя мы делали очевидно хорошую вещь.

– В последнее время всё больше молодых людей интересуются общественными проблемами, пытаются как-то их решать. Вы думаете, это особенность поколения?

– У меня такой круг общения – все мои друзья старше меня, и им надо что-то постоянно делать именно в этом плане. Я знаю, что в Сыктывкаре очень много инициатив, и не могу сказать, что они принадлежат совсем молодым людям. В целом, активность растёт, мы начинаем осознавать важность места, где живём.

– У вас не было желания заниматься тем же самым – улучшать городскую среду, заниматься просвещением людей, – но в другом городе?

– Нет, вообще нет. Конечно, когда мне было 17 лет, я планировала уехать из Сыктывкара. Потом получилось так, что я осталась тут учиться, и мне казалось, это такой неуспех, просто провал. Но на первом курсе я познакомилась с ребятами, с которыми сейчас делаем Револют-центр, и я ни разу за это время не пожалела, что здесь осталась. Самая удивительная история у меня была, когда я

Фемфест в Револют-центре.

на четвёртом курсе поехала учиться в Норвегию на полгода, а когда вернулась, поняла, что Сыктывкар – это любовь всей моей жизни, я не хочу уезжать. Я даже не стала там магистратуру искать. А потом вот так удачно нашлась работа. Мне кажется, это лучшее место в Сыктывкаре для меня. В другом городе другой контекст, всё по-другому. А для меня Сыктывкар идеальный. Конечно, здесь есть свои проблемы, каждый год снег выпадает внезапно и никто к этому не готов, но с этим можно работать.

– Что бы вы хотели сделать, чтобы Сыктывкар был лучше?

– Есть идея в плане городской среды – сделать за нашим центром сквер, публичное пространство. Люди его уже используют, как своё место: жарят шашлык, потом разбрасывают мусор и уходят. Можно это всё сделать более цивилизованным. В Сыктывкаре много инициатив, но они принадлежат одним и тем же людям, и получается, что важные вещи держатся на конкретном человеке, а когда человек уезжает или перестает этим заниматься, всё заканчивается. Когда мы занимались пешеходной улицей, было много волонтеров, мероприятий, проводили фестиваль, но мы остановились – и всё закончилось. Важная задача – сделать так, чтобы люди, обладающие знанием, как сделать что-то хорошее для города, рассказывали об этом. Нужна система. Тогда точно будет появляться всё больше заинтересованных людей.

– Возникали ли у вас какие-то конфликты с администрацией города, ведь, наверняка, не всё из того, что вы хотите сделать, удаётся с ней согласовать?

– У нас была такая история с администрацией. Когда работали над пешеходной улицей, мы сделали предпроектное предложение по тому, как это может выглядеть, и отнесли его в мэрию. Нам обещали, что наше предложение передадут мэру на рассмотрение, но этого не сделали. Мы сильно обиделись и придумали такую акцию. Нашли много разных проблем в городе: где-то снег не почищен, где-то некрасивая надпись на доме. В общем, мы собрали тысячу таких проблем в городе и за сутки отправили 1000 сообщений в администрацию, а по закону они обязаны в течение 30 дней исправить ситуацию и дать по ней ответ. Мне за эту историю стыдно, но есть два положительных момента: во-первых, часть проблем решили, во-вторых, активисты в других городах вдохновились. Но, мне кажется, мы всю работу администрации блокировали, и мне очень неловко. Такими историями провалов надо делиться, чтобы не создавалось впечатление, что все люди успешные и ничего с ними плохого не происходит.

– Вам совсем немного лет, но вы делаете серьезные и важные вещи, берёте на себя ответственность. Вам бывает трудно?

– Я интроверт, но мне никто не верит. Из-за того, что у меня работа такая, мне

приходится часто говорить, но потом я прихожу домой и молчу. Тяжело бывает, много вещей надо осваивать, иногда с первого раза не получается и становится дико обидно. Сначала тяжело, но потом смотришь назад и думаешь: я уже так многому научилась, столько всего могу.

– В декабре 2019 года в Революте состоялся, наверное, первый в городе фемфест – так называемый женский фестиваль. Почему вы решили обратиться к этой теме?

– Когда мы только открылись, в апреле 2019 года, портал 7x7 организовал блогтур на Шиес. Одной из участниц блогтура стала Лёля Нордик. Я её тогда вообще не знала, но мои коллеги были в курсе и решили, что надо пригласить её с лекцией. Лёля рассказывала про стратегии взаимодействия фемактивисток. Мы её как-то специально не анонсировали, просто была информация в наших группах в соцсетях, на сайте. В итоге на её лекцию к нам пришло 80 человек. В Сыктывкаре. На лекцию про феминизм. У нас даже стульев не хватило. Среди слушателей был молодой дьякон. А летом на баркемпе он прочитал лекцию о том, как церковь относится к интерсекциональному феминизму. И мне кажется, это была победа. После лекции Лёли Нордик люди стали нам писать о том, что хотят фемфест, и мы решили, надо делать.

– Наверняка, есть какие-то аналоги таких фестивалей, на которые вы ориентировались.

– Да, например, в Петербурге есть фестиваль «Рёбра Евы». Там очень много всего происходит. В Сыктывкаре не было определённой тематики, мы сделали мероприятия и лекции на разные темы, начиная с домашнего насилия и заканчивая трудовыми правами, поговорили, как свои идеи продвигать.

– Кажется, эти темы актуальны для всех? Почему вы стали рассматривать их с точки зрения феминистского движения?

– С домашним насилием чаще сталкиваются женщины, дети, пожилые люди. С нарушением трудовых прав – тоже. Молодую девушку не берут на работу, говорят «ты через год родишь, кому ты нужна». Или у моей коллеги на прошлой работе её коллеге-мужчине платили больше на той же должности, просто потому что он мужчина. Думаешь, так не может быть, но это реальные истории. Был очень сильный перформанс. Мы собирали истории про насилие, а потом актрисы рассказывали их со сцены. Насилие не только в сексуальном или другом физическом плане – любое. Там была история, как над одной девочкой всё детство издевалась её сестра.

– Многие считают феминизм крайностью, а его сторонников – ненормальными людьми. Как вы относитесь к феминизму?

– В любой вещи есть крайность. Мне ближе интерсекциональный феминизм, который выступает против любой дискриминации, не только по гендерному признаку. Я думаю, что это важные вещи, надо просто с уважением относиться к разным людям, и здесь нельзя уходить в крайности, как в любом деле.

– А как относитесь к феминитивам?

– Сначала я думала: фу, феминитивы. А потом поняла, что разговариваю феминитивами. У меня такая позиция: если женщине важно, чтобы я называла её авторка или директорка, буду это делать, потому что мне это не сложно, а ей так комфортно. Я ездила учиться по одной программе, и там девушки по отношению к себе применяли феминитивы. Я настолько к этому привыкла. Подружилась с девушкой, которая говорила, что она социальная антроположка, – это такое милое название. Мне кажется, что я могу сказать «блогерка». Бывает, иногда поправляю людей. Например, я не создатель, а создательница Револют-центра.

– Вы испытывали на себе какое-то предвзятое отношение, которое было связано с тем, что вы девушка?

– Например, когда я поднимаю какие-то вещи, мне говорят «поставь-поставь». Меня это раздражает, потому что это не про заботу обо мне, а просто из-за того, что я девушка и так принято.

На лекции в Револют-центре по раздельному сбору мусора.

– О чём вы мечтаете?

– Я недавно поняла, что у меня нет большой мечты, и стала переживать. Много думала, потом оказалось, что у некоторых моих друзей и подруг тоже нет, – и ничего страшного. Сейчас мне хочется, чтобы наш центр долго существовал, но это про работу, не лично про меня. А что про меня, я пока даже не знаю.

Анастасия ЛАБЕЦКАЯ,
художник и писатель, Сыктывкар

Анастасия Лабецкая родилась с тяжёлой формой инвалидности, но болезнь не мешает ей жить полноценной жизнью и осуществлять свои мечты. За плечами Анастасии несколько персональных выставок в Сыктывкаре и Москве, её картины приобретают известные в стране люди, как автор она печатается в республиканских изданиях.

– Как давно и почему вы занялись творчеством? Почему выбрали живопись? Что значат для вас ваши работы?

– Тут я не буду оригиналом: рисовать любила с детства, в школе даже начинала серьёзно подумывать, что это «моё». Но в силу определённых трудностей не смогла продолжить развиваться в этом, и увлечение то сходило на «нет», то я снова возвращалась к нему и пыталась самостоятельно развивать навыки.

Как-то меня спросили, чем бы я хотела заниматься, и попросили представить, что это занятие выбираю себе на всю жизнь. Не надоеет ли мне? Рисование, живопись, показалось, не надоедят никогда. Чуть позже, в 2011-м, при Доме культуры «Волна» в Краснозатонском открыли студию живописи под руководством Александры Викторовны Журбенко. В этой студии продолжаю совершенствоваться и сегодня.

Творчество – путь самореализации, возможность раскрыться. Может, твоя работа подарит кому-то добро, светлые эмоции. Творчество учит. Учит терпеть, наблюдать, замечать детали, видеть глубже, шире. Чем больше ты отдаёшь, тем больше оно даёт тебе. В нём нет предела.

– Вы всегда писали или это увлечение последнего времени?

– Первые мои попытки писать прозу были ещё в школьные годы, но сейчас возможностей больше. Кстати, даже хотела отправить тогда один рассказ в газету «Радуга».

Сегодня проще найти аудиторию, легче показать свету своё «детище» и получить отклик и поддержку. Это даёт мощный заряд, силу, уверенность в том, что твоё творчество нравится людям и старания не напрасны. А более или менее стабильно я начала писать прозу с 2017 года.

– Ваши живописные работы не раз выставлялись не только в Сыктывкаре, но и в Москве, их обладателями являются многие известные люди нашей страны. Вы могли подумать, что всё так сложится, когда только начинали путь художника?

– Когда я начинала, для меня важно было просто научиться рисовать (хорошо рисовать, понятно), несмотря на все трудности, возможность реализовать мечты, поверить в себя, в свои силы.

– Есть ли сейчас мечты, связанные с творчеством? Чего бы вам хотелось достичь? Может быть, вы хотите реализоваться не только в живописи и литературе?

– Да, есть. Человек, который перестаёт мечтать, не живёт, а существует. Я бы сказала, мечты-цели. На данный момент работаю над картинами, ищу возмож-

ность организовать выставки в Питере и Ухте. Хотелось бы расширить географию выставок, побывать за границей. По-прежнему хочу развиваться в живописи, прозе, поэзии, познавать новое. Недавно начала писать первый портрет. Хочется попробовать себя в цифровой живописи, участвовать в новых проектах, открывать и расширять границы, приобретать навыки.

А ещё подумываю над книгой, скорей всего, сборником с прозой и картинами, но пока это только «мечты о далёких звёздах».

– Когда вы только начинали, много людей вас поддерживало? Вообще, вам важно мнение окружающих?

– Главной поддержкой были и остаются мама и мой наставник и друг Александра Викторовна Журбенко. Они меня поддерживают во всём, даже в самых безумных идеях. Также друзья, с которыми я могу быть сама собой, как говорится, и в горе, и в радости. И просто хорошие люди, которые помогали и помогают.

Раньше было важно, что подумают и скажут окружающие, а сейчас я стала проще относиться к разным мнениям, особенно негативным, быстрее «отходить». У каждого свой взгляд на мир, свои эмоции, опыт. Человек субъективен и часто видит только ту сторону, которая ближе ему, не пытаюсь заглянуть «за».

– На всех фотографиях вы улыбаетесь, и создаётся впечатление, что вы абсолютно счастливый человек. Так ли это? Хотели бы вы что-то поменять в своей жизни?

– Наверно, заниматься любимым делом, уметь радоваться жизни – это и есть счастье. А всё остальное можно оставить «за кадром», не давая негативу забирать силы и эмоции.

– Кажется, что всё у вас хорошо складывается, возможно, значительно лучше, чем у многих людей, которые тоже имеют проблемы со здоровьем. Как вам удаётся так держаться? Трудности есть наверняка, многие связаны банально с отношением государства к проблемам людей с ограниченными возможностями. Может ли что-то облегчить вашу жизнь?

– Об этой стороне жизни я крайне не люблю говорить, считаю, что творчество и личность человека не должны связываться с его физическим состоянием, тем более, в обществе сохраняется тенденция проявления «жалости» к людям, у которых какие-то свои, особенные потребности. Ещё в прошлом году предлагали «помощь». У меня нарушения речи, и незнакомому человеку трудно меня понять. Я сидела на скамейке, ко мне подошла женщина и говорит: «Давай помогу, я знаю, где ты живёшь». На все мои попытки отказаться от помощи она не реагировала и стояла на своём, продолжая твердить: «Я знаю, где ты живёшь». Потом, в конце концов, сама же обиделась и ушла.

Я стараюсь не заострять внимание на таких вещах и просто жить. Да, трудности есть. Они у всех свои. Зимой мне особенно требуется сопровождение: рыхлый снег, гололёд создают дополнительные преграды. Опять же, недоступность среды, общественного транспорта, бордюры, отсутствие нормальных тротуаров – эти проблемы известны, но, к сожалению, медленно решаются или не решаются вовсе. Моё личное мнение таково: многим людям помогло бы создание центра волонтерского сопровождения на постоянной основе, куда может обратиться маломобильный гражданин и получить помощь. При этом нужно, чтобы волонтер был подготовлен, обучен.

К 75-летию Победы

ЕВГЕНИЯ ГЕНТАЛЬ

Евгения Антоновна Генталь (1923–2007), уроженка г. Саратов, литовка. Окончила Ленинградскую зубоврачебную школу. Пережила блокаду Ленинграда. Награждена медалью «За оборону Ленинграда». В г. Печоре проживала с 1950 г. С 1950 г. по 1992 г. – зубной врач Печорской линейной больницы водников.

Блокадница

Генталь Евгения Антоновна родилась 4 июня 1923 года в городе Саратове. Отец Генталь Антон Антонович (1889–1942), мать Генталь Анна Ивановна (1886–1942). Семья Генталь, а вернее – Гинталис – литовцы. Отец – уроженец Либавы (Лиепая), мама родилась в Каунасе. Антон Антонович с 15 лет работал слесарем. С 1912 года жил в Риге. В 1914 году женился на Анне Ивановне. В 1915 году русско-французский завод «Проводник», на котором работал Антон Антонович, был эвакуирован из Риги. Покинула Ригу и семья Гинталис, уехали в Астрахань, где им сменили фамилию при оформлении новых документов. В Риге остался маленький сын – Михаил. После революции Латвия стала заграницей, и родители уже не смогли забрать сына. Мику, как называли его в семье, воспитала как своего сына тётя Евгении Антоновны – Валентина Вайчунас. Евгения Антоновна уже после Великой Отечественной войны разыскала всех своих родственников в Риге. Тётя работала в фотоателье, а брат в футбольной команде «Даугава».

С 1920 года семья коммуниста Генталь переехала в Саратов, куда был направлен на работу Антон Антонович. В конце 20-х годов Генталь переехали в Ленинград к другу – Минаеву Петру Николаевичу и его супруге Анне Алексеевне. Минаев работал на Путиловском заводе. Антон Антонович сначала работал на Ижорской верфи, потом – главным механиком на Ульяновском военном заводе № 52 под Ленинградом. Завод выпускал порох, динамит, бикфордов шнур. Параллельно он учился в Промышленной академии, но не закончил. В 1937 г. на заводе начались репрессии в отношении инженерно-технических работников. Были арестованы главный инженер завода Фёдоров Николай Фёдорович, инженер динамитного цеха Венцель, зав. лабораторией Лысенко. Их объявили врагами народа. Антон Антонович, член ВКП (б) с 1919 года,

давал в своё время Фёдорову рекомендацию для вступления в партию. После ареста Фёдорова Генталь А. А. исключили из партии. Он писал Калинин М. И. с просьбой отменить решение первичной партийной организации, Калинин ответил: «Оставить решение в силе». Чтобы избежать репрессий, Генталь снова уехала в Ленинград. Снимали комнату. Антон Антонович работал на деревообрабатывающем заводе. Евгения Антоновна вспоминает: «Помню, как мы с папой обходили все школы подряд, но меня никуда не принимали из-за отсутствия прописки. И только на Выборгской стороне в школе № 18 меня взяли сразу. Там я закончила восемь классов. Потом, в 1940 году, отцу дали квартиру на Обводном канале. Я хотела пойти работать на кондитерскую фабрику, ведь за обучение в старших классах надо было платить по 100 рублей за полугодие. Отец сказал мне: «Учись, пока я жив. Нужно получить образование и хорошую профессию». Я запомнила эти слова на всю жизнь». В 1941 году Евгения Антоновна закончила 10-й класс средней школы № 367 города Ленинграда.

Воспоминания Генталь Евгении Антоновны г. Печора, 3 и 9 июля 1998 год

Сохранена орфография автора

«900 ДНЕЙ В БЛОКАДЕ ЛЕНИНГРАДА»

15 июня 1941 года были сданы экзамены за 10-ый класс. В торжественной обстановке нам был вручён аттестат. Я закончила среднюю 367-ю школу Московского района г. Ленинграда. Впереди – вступительные экзамены в фармацевтический институт, куда я собиралась поступать. 22 июня в Таврическом саду было назначено гуляние выпускников всех школ Ленинграда. С утра я готовилась к этому празднику, гладила платье и ленты в косы, связывалась с подругами. Мы и не подозревали, что ранним утром фашисты нарушили воздушные границы и бомбили Киев, Минск и другие города. Об этом, о начале войны, в 12 часов дня выступил по радио Молотов. Отец мой в этот день был на работе (он был слесарь 8 разряда), выполняя срочную работу. Там же в цеху он вместе с товарищами слушал эту передачу. Папа и мама мои были уже не молодыми. Они пережили I-ую Миро-

вую и гражданскую войны и знали, что такое война. Многие же считали, что через месяц наша Красная Армия непобедимая даст отпор фашистам и прогонит их вспять. Все на это надеялись.

В Таврическом саду гуляние не состоялось, аллеи были пусты. Громко звучали по радио-рупорам военные песни:

*Мы чудесным конём все поля обойдём
Соберём, и посеём, и вспашем... и т. д.*

и другие песни.

Когда возвращались домой, по улицам города попадались мужчины и юноши с рюкзаками за плечами, они шли в военкоматы. Люди в военной форме – несли...

Документы в фарминститут я подала, сдала экзамены и была зачислена на I-ый курс. За лето я побывала от ЖЭКа на оборонных работах – рыли противотанковые рвы, окопы. Так и называли: «Направляем на окопы». Появились беженцы из Ленинградской области, Луги, их заселяли в свободные квартиры.

Немцы наступали на Ленинград и уже намечали взятие города 20 августа и переименовать Ленинград на Адольфсбург. Всё чаще и ближе слышались залпы зенитных орудий, охранявших город от налётов бомбардировщиков.

8/IX – 41 г. – первый крупный налёт немецких самолётов – бомбили Бадаевские склады, где хранился крупный военный запас продуктов. Горели склады долго. Продукты выдавали по карточкам нерегулярно, питались плохо. Люди до холодов ездили на пожарище, выкапывали сгоревший сахар, смешанный с землёй и песком, как-то промывали и пили эту воду.

В один из налётов бомбили наш район Обводный канал, где был наш дом. По обеим сторонам канала как свечи горело множество зажигательных бомб. Несколько бомб попали на крышу нашего дома. Щипцы и песок всегда находились

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

2.09.1941 г. в Ленинграде произведено первое снижение продовольственных норм по карточкам: рабочим и инженерно-техническим рабочим стали выдавать по 600 грамм хлеба в день, служащим – 400 грамм, иждивенцам и детям до 12 лет – 300 грамм.

8.09.1941 г. войска противника захватили Шлиссельбург. Прекратилось сухопутное сообщение Ленинграда со страной, началась 900-дневная блокада. Авиация противника произвела первый массированный налёт на Ленинград.

12.09.1941 г. в Ленинграде произведено второе снижение продовольственных норм по карточкам: рабочим и ИТР стали отпускать по 500 грамм хлеба в день, служащим и детям до 12 лет – 300 грамм, иждивенцам – 250 грамм. Запасы продовольствия для войск и населения составляли: хлеба, крупы и мяса – на 30–35 суток, жиров – на 45, сахара и кондитерских изделий – на 60 суток.

1.10.1941 г. в Ленинграде произведено третье снижение продовольственных норм по карточкам: рабочие и ИТР стали получать по 400 грамм хлеба в день, служащие, иждивенцы и дети до 12 лет – по 200 грамм.

на чердаках. Бомбы загасили. Но папа с соседями с этих пор вырыли землянку рядом с домом, где мы укрывались в последствии от снарядов и бомб. Это было кстати, т. к. участились бомбёжки, главным образом вечером, когда горожане возвращались с работы и ужинали. Вой сирен заставлял людей скрываться в бомбоубежищах по 8–10 раз за вечер и ночь.

С первых же дней учёбы в институте нас направили в город Вырицу под Ленинградом, где мы должны были маскировать на аэродроме ангары дёрном, но работать не пришлось: немецкие танки входили в Вырицу, и мы чудом на последней электричке /пригородном поезде/ возвратились в Ленинград. Затем нас посылали на аэродромы в черте города, где мы работали, маскируя дёрном ангары. С нами работали работники Ленфильма. Паёк мы получали солдатский 400 гр. хлеба, табак, кусочек сахара, чай на заварку, в обед овсяная каша, в ней было много овса, и мы называли эту кашу «жуй, плюй». Обеды в институте состояли из чечевичной каши.

8/IX – 41 г. – немецкие войска захватили крепость Шлиссельбург. Бомбёжки и обстрелы из дальнбойных орудий не прекращались. Во время бомбёжек трамваи стояли, пассажиров высаживали в ближайшиe бомбоубежища.

Пока дойдёшь до института, уже конец занятиям.

Генталь Е. А. среди врачей и медсестёр больницы в Усть-Усе. 1950 г.

Генталь Е. А. справа. Около поликлиники на Печорском проспекте г. Печоры. 1960-е гг.

8/XI – 41 г. – взята немцами узловая станция под Ленинградом – Тихвин, связь по железной дороге с Москвой прервалась, Ленинград был блокирован, началась блокадная жизнь ленинградцев.

Немцы решили уморить голодом ленинградцев и свободно войти в город, сохранив тем самым своих солдат.

Начались зимние холода. Бомбы разбили канализацию, нет электричества,

трамваи стояли на путях, засыпанные снегом, много разбитых бомбами домов в нашем районе. На Кузнечной улице от бомбы горел почти месяц большой дом, углом выходящий на две улицы.

Дни стали короткими, ночи длинные, город тёмный без света, пустынный, не встретишь ни собак, ни кошек, исчезли птицы, нет в квартирах воды. Для питья я носила воду с Лиговской улицы – там была пробита труба, и вода фонтанчиком била из-под снега, образуя горку. Доползти за водой до трубы было сложно, ещё сложнее спуститься с водой. Мылись растопленным снегом. В одном у нас было преимущество – рядом с нашим домом был деревообрабатывающий завод, на котором работал папа. Нам разрешали выносить рейки и чурки для отопления. Многие ленинградцы устанавливали железные печурки, жгли книги, мебель.

В декабре 1941 г. начали умирать от недоедания мужчины. У меня слегли от истощения и слабости папа и мама. Я бросила занятия в институте. К врачу вместо родителей ходила я. Врач принимал, закутавшись в пальто, без медицинского халата, спрашивал меня о состоянии здоровья родителей и продлял больничный лист. Диагноз был у всех больных один – дистрофия I степени или II-ой, в III-й степени умирали или дома, или падая на улице. Живые апатично перешагивали умерших и плелись дальше. Голодные слабые люди медленно тащили ноги и своё тело. Я уже с трудом могла подняться на стул, чтобы закрыть печную трубу. На карточки ничего не давали, работали только хлебные магази-

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

8.11.1941 г. *войска противника овладели городом Тихвином и перерезали единственную железную дорогу, по которой шли грузы к Ладожскому озеру для снабжения Ленинграда.*

8.11.1941 г. *произошло первое сокращение продовольственных норм для войск Ленинградского фронта: для войск первой линии норма хлеба уменьшилась с 800 до 600 грамм в день, для тыловых частей – с 600 до 400 грамм.*

13.11.1941 г. *в Ленинграде произведено четвёртое снижение продовольственных норм по карточкам: трудящиеся стали получать по рабочей карточке 300 грамм хлеба в день, по карточкам остальных категорий – 150 грамм.*

20.11.1941 г. *в Ленинграде произведено пятое снижение продовольственных норм по карточкам: 250 грамм хлеба на рабочую карточку, 125 грамм – на служащую, детскую и иждивенческую. С этого дня в Ленинграде наступил период голодной блокады. Снижены нормы и для войск: войска первой линии стали получать 500 грамм хлеба, тыловых частей – 300 грамм.*

22.11.1941 г. *вступила в действие ледовая трасса «Дорога жизни»: на автотранспорте из Кобоны до Кокорева и Ваганова (около 30 км), далее до Ленинграда по железной дороге.*

25.12.1941 г. *произошло первое повышение норм выдачи хлеба в Ленинграде: рабочие и ИТР стали получать 350 грамм в день, служащие, иждивенцы и дети – 200.*

ны. Рано утром по тёмному Ленинграду, засыпанному снегом, тащились люди до открытия хлебного магазина. Ждали, когда привезут хлеб. На рабочую карточку полагалось – 250 гр. хлеба, иждивенцам и студентам – 125 гр. Наша семья получала 625 гр. хлеба из картона, опилок и отрубей. Делили хлеб на три части, ели хлеб, запивая кипятком с солью. Так и встречали Новый 1942 год с кусочком хлеба и кипятком. В один из январских дней папа написал записку директору завода, на котором он работал, с просьбой помочь семье продуктами. Записку директору завода принесла я. Мне выдали 4 пластинки столярного клея, и сам директор показал, как его варят, подведя к противню, где как холодец на квадратики был разделён клей. Папа был очень обижен и с этого дня стал слабеть больше. Ночью 10 февраля во сне он умер. Похоронить помогли соседи. В гробу не хоронили, хотя завод мог бы сделать гроб. Если и привозили в гробу, покойников вытаскивали, хоронили в вырытой машиной траншее, а гроб сжигали, обогревая себя. Я имею в виду рабочих, рывших траншеи. Завернула и я папу в пикейное покрывало, повезла на Волково кладбище и там, в общей могиле его похоронили. Чтобы похоронить отдельно, нужно было за место, за вырытую могилу заплатить хлебом около 2-3-х буханок. Такой возможности у нас не было, не было у нас драгоценностей и мехов. В 1937 г. папа пострадал из-за репрессий, пришлось всё бросить и переехать.

Папу я похоронила, а 11 февраля – прибавили хлеб, объявили по радио, стали по карточкам выдавать крупу, мало, но всё же. Спасла «Дорога жизни», которая была проложена по льду Ладожского озера – 33 км трудом военных. Фашисты обстреливали этот зимний путь. Уходили под лёд люди и груз, но опять и опять шли машины, спасая ленинградцев от смерти.

Уже стали солнечные дни. Посветлело в городе. Мне и маме надо было жить, но видно старые перенесённые невзгоды, смерть папы подкосили её. 25 февраля – она умерла на моих руках. Я долго не могла поверить в случившееся, не давала трогать маму, а тем более хоронить. Лаской и вниманием соседи помогли мне понять, что теперь я одна отвечаю за себя. Похоронили так же в общей могиле на Волковом кладбище, завернув во второе пикейное покрывало. Тащила сачки с мамой и думала, куда мне идти работать, как жить?

На три февральские карточки продуктовые я набралась сил. Стала нормально ходить, не тащить, поднимать ноги. Был апрель 1942 года. Устроилась я на этот же деревообрабатывающий завод Лендревбумтреста в военизированную охрану. Работала по 12 часов на посту, без выходных дней, на посту днём и ночью с винтовкой в дождь и снег. Весной городское начальство, боясь инфекционных заболеваний, приказало всем ленинградцам выйти на очистку города от зимней грязи, нечистот, ото льда, который покрывал тротуары и дороги. Я была на казарменном положении, и чтобы выйти в город с завода, нужна была бумажка об увольнении. Если увольнительной не было, а в ней указывалось, сколько часов

я отработала на очистке завода, меня любой милиционер мог заставить в любой части города чистить дворы, улицы, вложив в руки лом, лопату. Обстрелы и бомбёжки продолжались, но мы уже привыкли к ним, даже не спускались в бомбоубежище, прислонившись, стояли у печек 12 девушек – звено отряда химиков по обороне завода. В ночное время мы дежурили на крышах, помогали раненым.

После очистки города зазеленели скверы и палисадники от огородных посевов. Ленинградцам выделили семена овощей. Все горожане в свободное от работы время – рано утром или поздно вечером – трудились на своих огородах.

Мне на территории нашего завода тоже выделили грядки, где я посадила морковь, свёклу (других семян не было). До урожая было ещё далеко и приходилось ходить за лебедой, из которой получались травяные лепёшки. Росла она только на кладбищах и пустырях. По радио передавали цикл передач о полезных травах. В столовой, где нас кормили по карточкам, перед обедом обязательно нужно было выпить кружку хвойного настоя.

В августе появились овощи и на моём участке земли, только на моём появились ещё и грибы, как я потом узнала, это были шампиньоны. Это тоже пригодилось для питания. Я варила ботву свёклы с 1 столовой ложкой растительного масла и съедала всё за раз. Прошла осень, зима. Всё те же дежурства на крышах домов, дежурство на посту. Весной 1943 года я решила идти в армию. Уже собиралась идти в горисполком Московского района, но вызвал директор завода Морозов Николай Александрович и просил перейти работать в цех. Он знал моего отца и принимал участие в моей судьбе. Я стала работать в деревообделочном цеху техником-нормировщиком, впоследствии из-за рабочей карточки приказом

Генталь Е. А. 1975 г.

оформили как хронометражиста. В мою обязанность входило – хронометраж выработки рабочих норм цеха. Учили меня инженеры цеха Папернов, Романенко Р. И. – экономист.

В цеху появилась кооптёрка, через которую распределяли рабочим дополнительное питание – белковые лепёшки, приготовленные из выжимок сои, соевое молоко. В цеху работали и дети 12–14 лет на скототке минных ящиков. Цех выполнял военные заказы: минные ящики ЯМ-5, волокуши для вытаскивания раненых с поля боя, впоследствии изготавливали лодки, когда начались бои наших войск под Дубровкой. Обстрелы города, нашего завода из дальнобойных орудий с Пулковских высот продолжались. В цеху были выбиты стёкла, осенью было холодно. Зимой 1942 года связь с «Большой» землёй, как мы называли всю территорию за кольцом блокады, осуществлялась только по радио. Постоянно звучал метроном, как тиканье часов, или звучали стихи ленинградской поэтессы Ольги Берггольц. Её все знали и слушали в гнетущей тишине в блокадной, холодной квартире.

В 1943 году передавались военные сводки, объявления по городу. Инженер Папернов, в годах, больной, с одышкой человек, просвещал нас. Через свои прежние связи доставал нам билеты в театр. Так я побывала в Большом драматическом театре им. Горького, в Мариинском театре слушала оперы. Даже Музкомедия работала, и я слушала «Баядеру». Зрители сидели в зимней одежде, ели свой хлеб во время спектакля, вместо конфет, как в предвоенные годы.

Опять прорывались самолёты и бомбили и днём и ночью. Зимой 1943 года – 12 января ленинградцы услышали шум орудий. Он слышался в районе Приладожья. Началось наступление наших войск на прорыв блокады. Соединились два фронта Волховский и Ленинградский у станции Синявино. Соединились войска Говорова и Мерецкова.

Много погибло наших солдат, много было раненых. Везли их в Ленинград, в госпитали. Нужна была кровь.

Прозвучал призыв на заводах, в цехах – к молодёжи обратились помочь донорской кровью раненым. На нашем предприятии откликнулась вся молодёжь. Пошли мы 17 января 1943 года в Институт переливания крови. После тщательного обследования мне разрешили сдать 200 гр. крови. Оказалась у меня кровь III-ей группы. Резус тогда не определяли. Так я стала донором. Каждый месяц я

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

22.12.1942 г. была учреждена медаль «За оборону Ленинграда».

12.01.1943 г. – началась наступательная операция войск Ленинградского и Волховского фронтов во взаимодействии с Балтийским флотом по прорыву блокады Ленинграда.

18.01.1943 г. – блокада Ленинграда прорвана.

27.01.1944 г. – блокада полностью снята.

сдавала по 200 гр. крови. Впоследствии нас обеспечивали сладким чаем до сдачи крови и вкусным обедом по тем временам после сдачи крови. Ещё полагалась продуктовая карточка с 4-мя талонами на мясо, крупу, жиры и сахар, и рабочая карточка на следующий месяц, ещё 200 рублей денег.

17 января 1943 года запомнился мне тем, что я шла домой после процедуры обследования и сдачи крови в приподнятом настроении. Я была довольна собой, довольна, что конкретно помогла человеку беспомощному, слабому. Я почувствовала себя сильной, готовой решать и свои задачи.

7 февраля 1943 года пришёл первый поезд в Ленинград. За 20 дней была восстановлена железная дорога.

Работая на заводе, я чувствовала, что знаний у меня мало, чтобы работать нормировщиком. Пришли новые инженеры, повысились требования. Цех уже приступил к заказам восстановительного характера. Нужны были для восстановления домов – двери, рамы. Наряду с лодками, стали внедрять и мирную продукцию.

Появились пленные немцы. Они работали у нас на заводе на бревнотаске. Жалкие, оборванные. Возвращаясь со своего огорода, я несла овощи, они всегда просили. Я в пределах 10-тилетки знала немецкий язык. Раздавала им овощи. Молодые немцы, они тоже были оторваны от своих матерей. Меня упрекали соседи по огороду: «Они замучили твоих родителей, не помогай им!» Но я давала овощи, другого у меня ничего не было. У нас появился клуб, мы сами готовили концерты. К нам заглядывали из соседних заводов. Директор нашего завода всегда заботился о молодёжи. Как-то у меня пропали продуктовые карточки. Это было равносильно смерти – 30 дней без продуктов, без обедов в столовой, без хлеба. Директор Морозов Н. А. выписал мне 5 кг казеинового клея (он готовился на козьем молоке), научил, как варить сыр. Так я дождалась следующего месяца, следующих продуктовых карточек. Были такие дни, когда хлеба не было, продуктов я не имела, питалась в столовой, отдавая карточку. Всё ещё жила на казарменном положении. В самую трудную минуту появлялся благодетель – товарищ отца, приехавший с фронта сосед по квартире – они привозили хлеб, иногда продукты.

Прошла зима 1943 года. В 1944 году я задумала поступить учиться. Первое объявление, которое я увидела в трамвае – объявляла набор зубоучебная школа. Уже ходили трамваи, выкапывали из укрытий памятники, стали на свои места на Аничковом мосту лошади Клодта. Город оживал, открылся коммерческий Елисеевский магазин, где батон с 1 чайной ложкой чёрной икры стоил 25 рублей. Но всё же можно было купить хоть один раз в месяц. Итак, я задумала поступить в зубоучебную школу. Меня отговаривал директор завода Морозов Н. А. (он уже был профессором Лесной академии), он обещал помочь мне поступить на любой факультет академии, на вечерний, заочный, на очном я не могла учиться 5 лет. Материально столько лет я бы не выдержала.

В зубоучебной школе нужно было учиться 3,5 года. Осенью 1944 года я

Генталь Е. А. среди работников больницы водников в г. Печоре. 1982 г.

сдала экзамены и поступила в Ленинградскую зубоврачебную школу, получая стипендию 18 рублей. Чтобы иметь рабочую карточку, я продолжала сдавать кровь в Институте переливания крови каждый месяц до окончания школы, до 1947 года. Нужно сказать, что преподаватели были сильные профессора. Учились мы на базе стоматологического института, который перед войной эвакуировался во Владикавказ, откуда все разъехались студенты кто куда. Практику проходили во всех больницах города. В больнице Эрисмана, им. Чудновского, детской Фила-

това и др., специальную практику проходили на улице Рентгена – 7 бывший особняк балерины. 27 января 1944 года – снята блокада.

Студенческие годы быстро пролетели. Я окончила зубоветрачебную школу и была направлена в Псковскую область, куда я и хотела в Пушкино-горье, но пришла телеграмма, что место для работы врача не подготовлено, условий нет. После долгого моего раздумья, а заставили это сделать наши руководители школы: не выдавали продуктовые карточки, пока не возьмём направление. Пришлось взять в Коми АССР, туда было 20 точек. Подъёмные были самые большие – 60 руб. Так я и моя подруга Тоня Иванова поехали в Сыктывкар. Сначала ехали поездом до Котласа, затем пароходом до Сыктывкара по реке Вычегде. В Сыктывкаре кончились продукты и деньги, нас снабдили и тем, и другим. Пошли на базар, покупать хлеб, везде коми речь. Наконец поняли, что «выем» это есть хлеб, «абу» – нет. Так мы добыли всё, что нужно.

Подругу направили в Ижму, а меня в Усть-Цильму, и мы радовались, что будем близко друг от друга, но машинистка при печатании приказа вместо Усть-Цильмы написала Усть-Уса. Так я попала в с. Усть-Уса. Самолётом вылетела в Ижму подруга, через день также самолётом доставили в Усть-Усу меня. Работала в маленькой поликлинике, где было 2 врача – детский и терапевт, один фельдшер и я. В стационаре тоже 2 врача. Затем прибыл из Архангельска ещё врач-хирург и врач-терапевт, из Омска врач санэпидемстанции. Здесь, в Усть-Усе я через год, т. е. в 1948 году вышла замуж. В 1950 году в мае по семейным обстоятельствам переводом прибыла в Печору. Работала в Печорской линейной больнице с мая 1950 года до мая 1992 года. 42 года отдано больнице, плюс общественные нагрузки.

Самые значительные воспоминания – снятие блокады: люди ликовали, плакали. Погибло из 2,5 миллионов половина жителей. И конец войны.

Р. С. Хочу добавить, что снятие блокады Ленинграда 27 января 1944 года – было величайшим событием для ленинградцев. Лучшее всего выразил чувства ленинградцев ленинградский поэт, переживший блокаду Юрий Воронов. Он писал:

*За залпом залп
Гремит раскат
Ракеты в воздухе горячем
Цветами пёстрыми цветут
А ленинградцы – тихо плачут
Ни успокаивать пока
Ни утешать людей не надо
Их радость слишком велика –
Гремит салют над Ленинградом
Их радость велика,*

Но боль
Заговорила и прорвалась:
На праздничный салют
С тобой
Пол-Ленинграда не поднялось...
Рыдают люди и поют
И лиц заплаканных не прячут
Сегодня в городе – салют!
Сегодня ленинградцы плачут...

Воспоминания (рукопись) Генталь Е. А.
«900 дней в блокаде Ленинграда» от 03.07.1998 г. и 09.07.1998 г. –
архив Печорского историко-краеведческого музея, Ф-10-12.

В тяжёлую военную годину взметнула крылом коми песня

Деятели культуры – фронтовики, вернувшиеся покалеченными с войны, сделали очень много для развития коми литературы и искусства. Имена этих людей известны, труд их оценён по достоинству. Да и тема национального искусства военных лет достаточно изучена.

Однако стоило пристальнее взглянуть в глубину и даль времён войны, и открылись такие непроходимые события культурного значения, как зарождение современного песенного коми репертуара, появление новых жанров (опера, пьеса-сказка, лирическая комедия), высочайший профессионализм национального хора, ежегодные смотры художественной самодеятельности.

Всё это происходило на глазах и с участием юного музыканта, в будущем первого профессионального коми композитора А. Г. Осипова. Неслучайно, когда П. И. Чисталёв в 1960-е годы, работая над диссертацией, спросил в письме у А. В. Каторгина о музыкальной жизни Сыктывкара в годы войны, тот ответил, что лучше всех об этом знает Саша Осипов.

* * *

К началу Великой Отечественной войны коми искусство в целом находилось на взлёте. В Сыктывкаре появилась музыкальная школа, намечалось открытие музыкального училища, театра юного зрителя, в более отдалённой перспективе – такой театральной студии, на базе которой возник бы

НАДЕЖДА МИТЮШЕВА

Надежда Алексеевна Митюшева – коми краевед. В 1978 году окончила факультет журналистики Ленинградского университета. Работала в Коми государственном краеведческом музее, в Доме дружбы и мира, в Финно-угорском центре. Автор книги «Коми театр. Свет минувшего» (2013).

театральный техникум. Пока этого не было, кадры готовились художественной самодеятельностью. Ежегодно проводились творческие смотры и конкурсы, организовывались драматические и музыкальные кружки и курсы. В сёлах, лесных посёлках, в учебных заведениях создавались оркестры народных инструментов.

Газеты пестрели объявлениями:

«Республиканскому радиокомитету требуются хористы, мужские и женские голоса...» (*«За новый Север», 15 марта 1940 г.*)

«Концертно-эстрадное бюро Коми АССР производит дополнительный набор певцов-теноров, танцоров, баянистов и чтецов на постоянную работу и разовую. С предложениями обращаться в Дом народного творчества» (*«За новый Север», 10 октября 1940 г.*)

«Коми национальный драматический театр объявляет дополнительный набор на курсы творческого состава (артистов). Приём заявлений и дача справок ежедневно в здании театра (актёрский подъезд). Дирекция» (*«За новый Север», 25 декабря 1940 г.*)

«Ссылём да йоктём кузя ансамбль приглашайтё ансамбльын уджалём вылò сьылысьясòс да йòктысьясòс удждонён 150-сянь 600 шайтòдз» (*«Коми комсомолец», 21 июня 1941 г.*)

«Коми национальный ансамбль песни и пляски проводит набор мужчин в хоровую и танцевальную группы. Об условиях справиться по адресу: Сыктывкар, ул. Первомайская, 52» (*«За новый Север», 8 сентября 1943 г.*)

С первых дней войны начинается мобилизация артистов и писателей в армию, сокращаются штаты в творческих коллективах (А. Г. Осипова из ансамбля песни и пляски отправляют в Объячевский театр, где после первых мобилизаций открывается вакансия, джаз-оркестр КЭБа переводят на хозрасчёт в кинотеатр «Родина»). Организуются концерты на призывных пунктах республики, формируется военный репертуар, устраиваются на работу эвакуированные из центра работники искусства, закрываются Ижемский театр, коми журнал, молодёжная газета...

Когда в Усть-Куломе струнным оркестром руководил Александр Осипов (в 1938, 1939 годах на летних каникулах), послушать репетиции, поиграть на гармошке к нему приходил старшеклассник местной школы Василий Рассыхаев. Им по 15–16 лет, в будущем – композитор и артист. В 1939 году оба поедут учиться: один – в Вологду на музыканта, другой – в Москву, в театральный институт.

После двух месяцев на оборонных работах, на подступах к Москве, коми театральная студия, где учился В. Рассыхаев, в сентябре 1941 г. эвакуируется в Сыктывкар. Спустя полгода, когда А. Осипов будет уже на фронте, студенты станут дипломированными артистами. После ранения и полугодового лечения в госпиталях его демобилизуют, с простреленной грудной клеткой и плохо работающей левой рукой, и в январе 1943 г. друзья снова увидятся, а в марте встретятся при постановке спектакля «Зарни кыв».

*Александр Осипов,
доброволец Красной
Армии. 1941 г.*

Для всех это был дебют: А. Г. Осипов впервые написал музыку для театра и сам дирижировал; С. П. Бутиков, прекрасный актёр, режиссурой раньше не занимался; В. В. Юхнин – прозаик, автор романа «Огни тундры», попробовал себя в драматургии; до «Зарни кыв» В. Н. Рассыхаев играл в 1942 г. в дипломных спектаклях коми студийцев ГИТИСа, – а теперь для них начинался путь профессиональных актёров, и у Рассыхаева в спектакле «Зарни кыв» – главная роль богатыря Александра.

Огромное волнение накануне и после премьеры передаёт дневниковая запись В. В. Юхнина: «Апрель 1943 г. Пару слов о пьесе «Зарни кыв». Премьера была 4 апреля во время Декады коми искусства. Смотрел пленум обкома партии. Получилось лучше, чем я полагал. Вызывали на сцену. Кажется, вёл себя возбуждённо. В целом получилось так, как и полагал. Похвала, поздравления. Но дело не в этом. Дело в косности, в невежестве и в неверии со стороны некоторых субъектов во время работы и в решении вопроса. Нахальнее всех вели себя «признанные» драматурги. Во время чтения и разбора пьесы в театре Е. совсем не участвовал, а Д. сидел как на иголках, к концу, однако, выступил: «Чепуха, винегрет, сплошной молебень». Его раздражение мне понятно: на декаде хотел играть первую скрипку, а тут лезут с каким-то «винегретом» (у Д. была включена в программу ещё не написанная вещь). Зато позже стали официально ласковыми. Мне понятна статья – рецензия Е. о моей пьесе. Очевидно, он уже знал, что готовится награда им. А мне – шиш».

Женская группа хора Ансамбля песни и пляски Коми АССР в кокошниках, сшитых Е. А. Каторгиной.

В спектакле достаточно внимания уделено музыке: действие начинается и заканчивается хоровым произведением. Вступительный хор повествует о пробуждении природы, заключительный – славит победу народа над поверженным врагом.

При перечне своих сочинений для театра А. Осипов всегда начинал с «Зарни кыв». 23 января 1943 г. он пишет матери в Сторожевск: «Я дома работаю над коми песнями. Готовлюсь к декаде коми искусства. Кое-что уже написал». Однако и Павел Александрович Анисимов, сообщая дочери о своём музыкальном наследии, в письме от августа 1943 г. упомянул музыкальную сказку на современную тему о богатырях. Возможно, музыкальное оформление спектакля «Зарни кыв», о котором говорится ниже в рецензии Я. М. Рочева, и есть обработка собранных Анисимовым мелодий.

«Музыкальнӧй оформление ставнас бур, но том композитор да постановка дырйи музыкаӧн руководитель А. Г. Осиповлы колӧ индыны, мый торъя места-сын музыка шысӧ абу лишнӧй чинтыны, торйӧн нин Еленалӧн, Ӗлекандрлӧн да дед Морозлӧн арияяс сьылӧн, медым бурджыка дойдитис текстс. Тарабукина бура ворсис Еленаӧс, но эз вермы передайтны зрительлы содержанияисӧ сийӧ сочнӧй лирическойӧ песнялысь, кодӧс сьылӧ Ӗлекандрӧс туйӧ колльӧдӧгӧн» («Вӧрлэдзысь», 10 апреля 1943 г.).

Вокальные данные В. Н. Рассыхаева рецензент не стал оценивать, и вот поче-

му. По мнению Анны Фёдоровны Рассыхаевой, её супруг только открывал рот, а пел за него вокальные партии Пантелеймон Осипов (1906–1953), недавно вернувшийся на родину выпускник Ленинградской консерватории, великий коми баритон.

«Зарни кыв» – не плакат; и на зрителя воздействуют не только патриотические идеи и злободневность содержания, но и художественные средства. Огромную работу проделал художник В. А. Баусов: такого богатого оформления национальной постановки в коми театре ещё не бывало» (там же).

Коми писатели-фронтовики не могли видеть спектакля «Зарни кыв», но, прочитав пьесу и побеседовав с артистами и зрителями, они высказались о постановке положительно. И. В. Изъюров писал: «Замысел – в героической сказочной форме показать борьбу советского народа с немецко-фашистскими захватчиками. В пьесе и спектакле было много авторской и режиссёрской выдумки. Театр правильно понял замысел автора, донёс его полностью до зрителя, и он звучал как большая народная мудрость, воплощение дум о Родине, о героической борьбе со всеми тёмными силами за свободу».

Писатель-фронтвик П. Доронин из анализа текста пьесы сделал вывод о близости стихотворной формы «Зарни кыв» былинному песенному народному творчеству: «Произведение написано вольным белым стихом. Большое внимание автор уделяет звукописи и музыкальности строфы. Часто прибегает к инверсии и повторам строки, что придаёт стиху гибкость и естественно для эпической формы. Так происходит сближение сценической речи героев с поэтикой эпоса» («Войвыв кодзув», 1950 г., № 6).

Постановка «Зарни кыв» стала и дебютом жанра национальной сказки на сцене драмтеатра, где, начиная с предвоенных лет, на коми языке ставились исключительно драмы.

Одновременно с А. Г. Осиповым и В. Н. Рассыхаевым делали первые шаги в музыке и на сцене их сверстники, ставшие затем видными деятелями коми национального искусства. С 1936 г. посещали детскую художественную студию в Сыктывкаре В. В. Есева и Т. С. Клочкова (хор), Т. Д. Батиева (танцы). С открытия в 1939 г. детской музыкальной школы в ней учились оперная певица и режиссёр И. П. Бобракова, скрипач Н. Н. Маегов, продолжившие образование в Сыктывкарском музыкальном училище и затем в консерваториях, баянист и композитор Я. С. Перепелица.

На плечи 15-летнего Яши Перепелицы – порой единственного баяниста Ансамбля песни и пляски – война легла тяжёлым грузом. А недоучившийся в школе Коля Маегов в 1942 г. поступил в ремесленное училище и в качестве производственной практики три навигации проплавал кочегаром и судомехаником по Сыsole и Вычегде. В 1944 г. на катере он случайно столкнулся с попутчиками: товарищем по «музыкалке» Я. Перепелицей и знакомым по довоенным концертам

А. Осиповым. Они в составе концертной бригады совершали гастроли по сыольским сёлам и возродили в Николае мечту о скрипке...

Композитор П. И. Чисталёв раньше других приобщился к музыке. Начав с домашних концертов, он быстро прошёл ступень пионера-затейника и стал аккомпаниатором и оркестрантом в Нювчимском клубе, скрипачом и баянистом на школьных мероприятиях. Студентом Коми пединститута выступал по радио. И всегда в его репертуаре были коми наигрыши. Война на пять лет удалила П. И. Чисталёва от музыкальной жизни на родине. Демобилизовавшись, он преподавал математику в школе и не думал, что скоро музыка станет смыслом его жизни.

Созданным в 1939 г. Ансамблем песни и пляски Коми АССР все военные годы руководил Аполлон Васильевич Каторгин. Решающую роль в авторитете руководителя играли его увлечённость и самоотдача в работе. А. В. Каторгин добился, что женская группа научилась петь без мужчин и а капелла. Высокий уровень поддерживался самоотверженным трудом: выбором репертуара, за счёт репетиций, занятий опытных певцов с новичками – работой над дикцией и дыханием, речевыми упражнениями.

«Худрук был очень требовательный во всех отношениях человек, – вспоминала В. В. Есева о работе в ансамбле в 1941–1943 гг. – Каждую песню, пока не отшлифует, не покажет слушателям. Особенно был требователен к новичкам. Прежде чем встать в хор, девушки должны были пройти большую подготовку, выучить весь необходимый материал. Перед выходом на сцену проверял каждую в отдельности: в порядке ли костюм, правильно ли одеты артисты хора. Из-за своей ещё детской наивности часто доставалось мне. То не ту ленту вплела в косы, то не тот кокошник надела, туфли переменяла...»

Расформирование оркестра и мужской части хора не отразилось на уровне исполнения. В 1943 г. появилась возможность принять в штат ансамбля мужчин. Была организована непрерывная учёба новичков, которых брали в хор из вчерашних школьников и демобилизованных по ранению фронтовиков. Аполлон Каторгин выезжал в село Ыб Сыктывдинского района, где находился интернат для инвалидов Великой Отечественной войны. Привёз оттуда для прослушивания 14 человек. Отобраны были те, кто проявил большое желание работать в ансамбле. А. Осипова тоже зачислили в хор – других вакансий не было. Начались занятия по постановке голоса, выработке дикции, певческого дыхания.

Описав репетиции художественного руководителя в книге «О коми музыке и музыкантах», А. Г. Осипов назвал их «настоящей школой для молодых певцов и хормейстеров». Александр Георгиевич имел в виду и себя. После отъезда А. В. Каторгина в 1947 г. из республики исполнительское мастерство хора снизилось. В 1950–52 гг. с ним стал работать А. Г. Осипов, и хор вновь зазвучал слаженно и выразительно.

А.В. Каторгин осознавал ответственность за национальный репертуар. Поэто-

Мужская группа хора Ансамбля песни и пляски в концертных рубашках.

Они же, в центре Аполлон Васильевич, по правую руку от него Елизавета Андреевна Каторгина.

му увлечённо занимался изучением коми языка и народных песен, делал обработки для хора. Его оригинальные произведения «Коми кыв» на слова И. Куратова, «Кутшём шоньд да лёнь» на слова М. Лебедева и «Вычегда вылын» на слова Н. Фролова являются образцами национальной хоровой музыки.

Творческие связи коллективов театра и ансамбля песни и пляски зародились на постановке музыкальной драмы «Шыпича» весной 1941 г., закалились в совместных агитбригадах по обслуживанию тружеников тыла, в марте 1942 г. привели к премьере первой коми национальной оперы «Усть-Куломское восстание».

В 1941–1942 гг. композитор А. А. Воронцов при активном участии П. А. Анисимова, собирателя и знатока коми народных мелодий, пишет музыку к опере «Усть-Куломское восстание». Либретто в стихах – С. И. Ермолин и Н. М. Дьяконов, постановщик – Н. М. Дьяконов, хормейстер – А. В. Каторгин, дирижёр симфоническим оркестром – А. А. Воронцов, художник В. А. Баусов. В главных ролях Н. И. Ярапов, И. М. Терентьев и А. С. Морозова. Помимо них, хоровые партии и дуэты исполняли артисты Ансамбля песни и пляски. Премьера состоялась на сцене драмтеатра в конце марта 1942 г. (точная дата неизвестна).

Чтобы познать душу коми народной песни, Александр Александрович Воронцов выезжал в сельские районы. Он понимал: недостаточно изучать архивные за-

На первом плане солисты П. А. Осипов и Т. С. Шешукова, слева направо артистки хора: М. Г. Габова, Л. Н. Артеева, Н. Н. Семячкова, А. С. Морозова и танцовщица Т. Д. Батиева – у всех медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

писи, надо слушать, как песня живёт в народе. Без таких экспедиций, где одновременно тебе открываются история, материальная и духовная культура народа, национальную музыку не создать! Эту сторону характера А. А. Воронцова подчёркивают в своих воспоминаниях С. М. Попова и А. Г. Осипов.

В официальных изданиях спектакль «Усть-Куломское восстание» называют музыкальной драмой. А. Г. Осипов впервые назвал это произведение оперой на страницах журнала «Войвыв кодзув» (1951 г., № 5). В 1964 г. в своей диссертации, проанализировав музыку А. А. Воронцова в главе «Народная песня в произведениях крупных форм», он делает такое заключение: «В сочинении этом есть всё, что характеризует сложное синтетическое произведение – оперу: арии, ансамбли, хоры, песни, речитативы». Там же он подвергает критике оперу Г. Дехтярова «Гроза над Усть-Куломом», доказывая, что «произведение, написанное не на языке коми народа и вне национального художественного стиля, не может быть названо «национальной оперой».

Опера «Усть-Куломское восстание» стала на долгие годы вершиной национальной музыки. Симфонический оркестр, собранный по городу из любителей и профессионалов, ансамбль песни и пляски в полном составе, актёры театра, в основном студии ГИТИСа, объединив усилия, смогли осуществить замысел А. А. Воронцова и постановочной группы.

Если бы не война, спектакли «Шыпича» (музыка московского композитора Б. М. Терентьева) и «Усть-Куломское восстание» надолго бы закрепились в репертуаре и стали определять путь развития национального театрального искусства или хотя бы влиять на него более ощутимо.

10 апреля 1943 г. Указом Президиума Верховного Совета Коми АССР А. В. Каторгин был награждён Почётной грамотой «За хорошие успехи в области театрального искусства».

Премьера «Шыпичи» (первый результат сотрудничества театра с ансамблем песни и пляски) прошла 29 апреля 1942 г. – за один месяц до приезда А. В. Каторгина в Сыктывкар. Актёр и режиссёр В. Г. Григорьев в рецензии на постановку писал: «Спектакль «Шыпича» – начало того пути, по которому театр должен идти в дальнейшем. Это путь создания музыкальной драмы на материале народных легенд, сказаний и песен. Это путь объединения в театре всех элементов народного творчества. На этом пути театр ждёт действенной помощи от всех, кто знает, любит и изучает творчество коми народа. От всех фольклористов, сказителей, поэтов, писателей, хоровиков, певцов и танцоров. Такая помощь даст театру возможность и в дальнейшем создавать подлинно народные произведения» («За новый Север», 5 апреля 1941 г.).

Творческие связи двух коллективов имели решающее значение для расширения исполнительских возможностей драмтеатра в национальных постановках. Вслед за «Зарни кыв» на сцене театра с участием Ансамбля песни и пляски появи-

лись спектакли на коми языке: «В дни войны» (авторы С. Ермолин и Н. Дьяконов) и «Домна Каликова» этих же драматургов, режиссёр – Н. М. Дьяконов.

О пьесе «Война лунъясö», первой лирической комедии в национальной драматургии, позднее литературовед А. К. Микушев писал: «Обретение творческой самостоятельности у Н. М. Дьяконова началось несколько позднее, в середине 1940-х годов, с пьесы «В дни войны» – этого первого подступа к «Свадьбе с приданым». Именно в этой пьесе военной поры приоткрылся истинный дар автора – дар, получивший полное раскрытие в лирической комедии «Свадьба с приданным».

Спектакль «Домна Каликова», в качестве дипломного, был сыгран коми студией ГИТИСа 6 мая 1942 г. Но вскоре многие студийцы, как и другие актёры, ушли на фронт. Для участия в смотре национальных театров РСФСР в марте 1945 г. республиканский театр возобновил постановку в переработанном виде. Ценное свидетельство об этом спектакле, будучи в Сыктывкаре в командировке, оставил поэт и математик Н. Фролов: «А зритель хочет музыки. Большой успех комедии «В дни войны» объясняется в значительной мере насыщенностью этой постановки музыкой... «Домну Каликову» постановщики ведут в нескольких местах в форме оперы, хоть это и вредит реалистическому плану спектакля» (*«За новый Север»*, 24 марта 1945 г.).

Хор под управлением А. В. Каторгина был занят в массовых сценах: таких, как сцена войпука в занятой белыми деревне, где Домна ведёт агитацию, или сцена, где партизаны греются у костра в канун наступательной операции. Звучание хора или ансамбля в таких сценах вполне уместно. Да и сами герои могли петь революционные, народные и частушечные песни. Классическое исполнение хоровой партии в драме, если таковое было, могло служить фоном для развития сюжета.

Напрашивается предположение и об участии в спектакле Пантелеймона Осипова, солиста ансамбля, выдающегося коми певца с оперным голосом. Например, он вполне мог спеть «Югыд кодзув». И как вставной номер, и как музыкальную тему Домны Каликовой, и как кульминационный момент спектакля. Кстати, в архиве есть экземпляр рукописи этой пьесы, названный «Югыд кодзув».

А. Осипов сообщает, что эта народная песня была в числе любимых артиста и исполнялась им «без унылой грусти, как поётся обычно, в хорошем, жизнеутверждающем настроении и темпе». Может, именно образ Домны Каликовой, созданный Глафирой Сидоровой на сцене, и продиктовал певцу такой стиль исполнения?

Введение музыкальных номеров в «Домну Каликову» для самого Н. Фролова было необычным (с начала войны он не был в родном городе). Но режиссёрские работы Н. М. Дьяконова всегда отличались творческой смелостью и неуёмной фантазией. И сыктывкарцы к этому привыкли. Так было при постановке музыкальных спектаклей на коми языке, литературно-музыкальной программы из прошло-

го коми народа «Мед дзирдалас шонді», которой 27 марта 1943 г. в Сыктывкаре открылась Декада коми искусства.

Последние музыкальные новации, конечно же, были продуманы и согласованы. За ними стояло содружество многоопытного Н. М. Дьяконова с профессионалами высшего класса П. А. Осиповым и А. В. Каторгиным, всегда открытыми интересным творческим предложениям. Как они своим характером и талантом способствовали рождению нового песенного репертуара, в книге А. Г. Осипова «О коми музыке и музыкантах» сказано очень кратко, но весомо – со знанием дела.

Приказом начальника Управления по делам искусств 16 марта 1943 г. для подготовки Декады коми искусства А. Г. Осипов переводился из ансамбля в драмтеатр. С 27 октября 1944 г. по 1 августа 1945 г. (до отъезда на учёбу) он снова в штате ансамбля песни и пляски. Как вспоминал старейший сыктывкарский журналист Л. А. Лыткин, в 1943–1945 гг. (когда он сам учился в театральной студии), «Сашу Осипова часто можно было встретить в театре: влекли его студийная молодёжь и наш руководитель Н. М. Дьяконов». В ансамбле Александр Осипов помогает А. В. Каторгину, ведёт репетиции, дирижирует в концертах. 11 января, 5 и 12 апреля 1945 г. концерты хора ансамбля песни и пляски прозвучали в прямом эфире из студии коми радио. Записывающей аппаратуры тогда не было.

Вот программа одного из этих концертов: дирижёр А. Осипов, художественный руководитель А. В. Каторгин (слова диктора радио).

Песня о Ленинграде. Музыка Блантера. Исполняют: Анна Морозова и Вера Прокопьева.

Заздравная песня о Родине. Музыка Д. Шостаковича.

Менам милёй Ленинградын. Коми народная песня.

Виль во. Музыка А. Осипова, слова Я. Рочева. Хор.

Виль олём – виль сьылём. Слова М. Лебедева. Обработка А. Каторгина. Хор.

Коми му. Слова М. Лебедева. Хор.

В 1946 г. художественный руководитель Ансамбля песни и пляски Коми АССР Аполлон Васильевич Каторгин и его подопечные были награждены правительственной медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Один из выпускников студии при республиканском драмтеатре (1943–1947 гг.) В. А. Худяев после недолгой актёрской биографии, посвятил себя телевизионной режиссуре. Работая сначала в Ухте, потом в Сыктывкаре, он вынашивал идею создания телефильма о Домне Каликовой. И, наконец, в 1981 г. на Сыктывкарской студии телевидения снял такой телефильм – он был весь пропитан музыкой, савинскими и народными мелодиями. В. А. Латышева в опубликованной в журнале «Войвыв кодзув» (1981, № 12) рецензии подчёркивает выразительность музыкального оформления, роль музыки в раскрытии образа Домны Каликовой.

Сравнение двух постановок, 1945 и 1981 гг., уместно по той причине, что

режиссёр телефильма Василий Асекритович Худяев не только видел спектакль 1945 г., но и задействован в нём как учащийся четырёхгодичной студии при коми драмтеатре. Кроме того, он был музыкально одарённым человеком, учился вокалу в Сыктывкарском музучилище.

«Сыктывкарса телевидениелы тайö жанрыс выль пöлöс. Ми аддзам сцена выльсь драма... и документ, кодöс сетöма экран пасьта... и оратория кодь сьылöмлön юргöм... Режиссёр сетö Домналы позянлун петны туйö верзьöмön... петкöдлыны сийöс сьылгөн...» «Спектакльöн мед нор здукъясö кылöны Нёбдинса Витторлön «Югид кодзув» сьыланкыв шыяс... Эпиграф пыдди и эпилог пыдди мандолиналön оръясян вöсни шыяс быттьö бöрдöны коми нывлön юр весьтын. (Рытпукалысьяс сьылисны «Югид кодзув» нора, том кадсö казътылиг. Сергей сьылис сийöс гудöкасигөн. Домна вежöрын Сергей бара ворсö сийöс вöрын...) Нёбдинса Виттор быттьö тöдис коми йöзлысь югид, сöстöм олöмланы сетчöмсö. Тайö сьыланкывйыс быттьö Домна йывсьыс и эм» («Войвыв кодзув», 1981, № 12).

К концу войны назревал вопрос о реорганизации национального драматического театра в коми музыкально-драматический театр. На территории Коми республики в это время подобные театры существовали за колючей проволокой: в пос. Абезь – музыкально-драматический театр, в г. Ухте – театр музыкальной комедии, оперы и драмы. До преобразования они именовались: первый – ансамблем песни и пляски, второй – Ухтинским театром. Открыть театр оперы и театральное училище планировалось в Сыктывкаре уже к концу первой послевоенной пятилетки. С. М. Попова спустя десятилетия, в 1972 г. писала: «Если бы не война, после первой постановки оперы на коми языке, следующим шагом стало бы открытие в ближайшее же время коми национального музыкального театра» («Войвыв кодзув», 1972 г., № 12).

«Если учесть, что, кроме композиторских и исполнительских сил, имеющихся сегодня, мы можем рассчитывать и на музыкальное училище, силами которого в тот же день был дан хороший концерт по радио, а также на помощь со стороны композиторов Москвы и Ленинграда, то можно смело сказать, что уже наступило время создания таких крупных музыкальных произведений, как оперетта и опера. Надо только энергично вести работу по вербовке в Ансамбль песни и пляски новых артистов, а также готовить из числа лучших артистов хора солистов и создать симфонический оркестр», – писал Н. Фролов. («За новый Север», 24 марта 1945 г.).

Послесловие. Такой видится сквозь дымку времени история коми музыкального и драматического искусства военной поры. Фигуры А. А. Воронцова и А. В. Каторгина даны в интерпретации А. Г. Осипова по книге «О коми музыке и музыкантах». Преемственность, изучение и развитие традиций в национальном музыкальном искусстве коми народа остаются актуальными и сегодня.

Е. И. Зверьков – художник и воин

Мастер пейзажа Ефрем Иванович Зверьков (1921–2012) называет творческие поездки на Север значимыми событиями в своей жизни. Народный художник СССР, академик Российской академии художеств, лауреат Государственных премий, награждённый многими орденами и медалями, в том числе как участник Великой Отечественной войны, Ефрем Зверьков занимает достойное место в славной плеяде мастеров живописи России и мировом искусстве. Однако надо отметить, что на его долю судьба щедро отпустила как выдающиеся успехи, так и невероятные трудности.

В годы Великой Отечественной войны Ефрем Зверьков – рядовой Красной армии – с честью воевал на разных фронтах: сначала в пехоте, солдатом стрелковой роты, а после тяжелейшего ранения и трёх месяцев госпиталя – военным водителем в автобатальоне. Он был тем, кого в данный момент требовала фронтовая обстановка. Призванный на военную службу в 1939 году со студенческой скамьи Всероссийской академии художеств, он с первого и до последнего дня – на фронте. Куда только не забрасывала солдата фронтовая судьба. «Обыкновенные ужасы» войны заставили переосмыслить многое. Изменился он сам, стал другим его взгляд на мир, но искусство всегда оставалось содержанием и смыслом его жизни.

Детские годы Е. И. Зверькова прошли в Твери. Здесь он начал учиться живописи у Николая Яковлевича Борисова, окончившего Императорскую Академию художеств по мастерской великого Ильи Ефимовича Репина с Большой золотой медалью, присвоением звания «художник» и поезд-

ЛЮБОВЬ ШИРШОВА

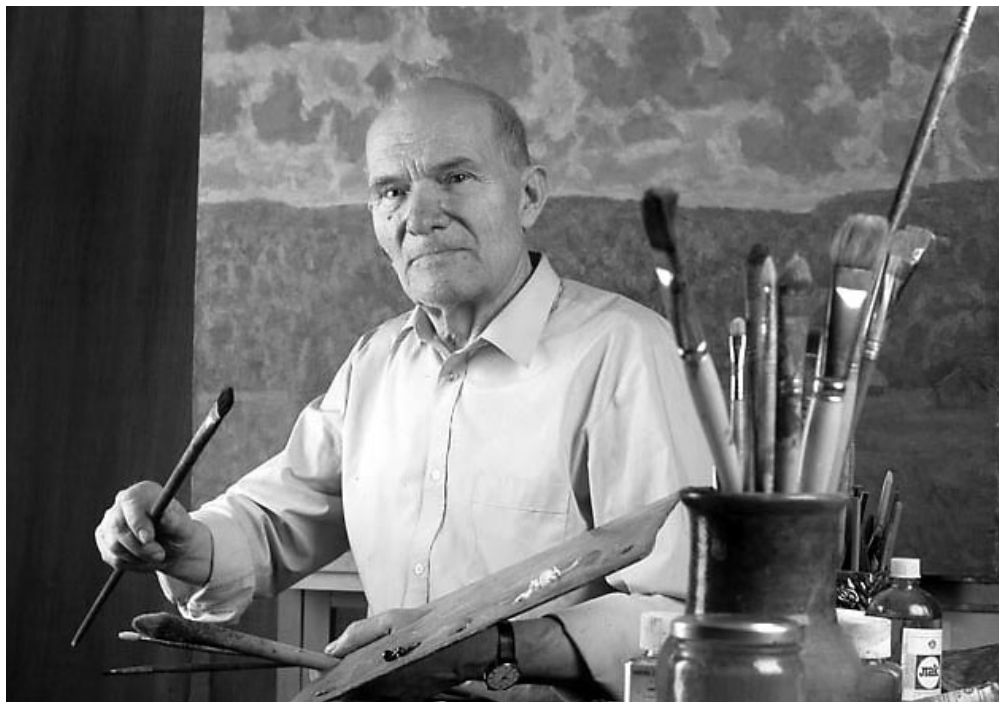
Любовь Васильевна Ширшова – доктор искусствоведения, профессор, академик Российской академии художеств, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, заслуженный работник культуры Российской Федерации. Область её научных интересов – искусство XX–XXI веков. Автор более 100 изданий, среди которых научные монографии, книги, каталоги, альбомы о мастерах живописи (Б. М. Кустодиеве, Е. И. Зверькове, В. И. Нестеренко, С. А. Щербакове и других), методическая литература. С 2013 года – член Правления Московского отделения Союза художников России. Удостоена ряда наград профессиональных, региональных и Русской Православной Церкви.

кой за границу. Человек талантливый, умный, широко образованный, Н. Я. Борисов преподавал своему ученику первые уроки живописи, научил видеть и ценить прекрасное и, главное, понимать, что постижение искусства требует высокого профессионального мастерства, строгой системы и подлинного подвижничества.

Великая Отечественная война на семь лет отложила обучение. После демобилизации и возвращения в родной город Ефрем Иванович, как прошедший большой отборочный конкурс в Твери, обучался в организованной Академией художеств СССР московской Студии художников-фронтовиков (1946–1947), в мастерской академика Владимира Борисовича Иогансона. Настоящей школой творческого мастерства стали учёба в Московском государственном художественном институте имени В. И. Сурикова (1947–1953) и уроки высокого искусства великого художника Аркадия Александровича Пластова.

В период хрущёвской «оттепели» (1950–1960-е годы), который олицетворял время великих перемен в духовной жизни общества и в искусстве, Е. И. Зверьков, создавший в 1960-е годы своё направление пейзажного искусства, стал лидером известной московской живописной школы. Он сумел привнести новое дыхание своим творчеством, соединяя национальные традиции с оригинальным авторским началом. Разрабатывая принципы импрессионистической живописи,

Е. И. Зверьков много экспериментировал, заражая других творческим духом времени, прекрасно понимая, что новая художественная ситуация является почвой для более свободного самовыражения.

В конце 1950–1960-х годов Ефрем Иванович Зверьков совершил шесть длительных творческих поездок на Север в Архангельскую область и в Республику Коми. Его спутниками всегда были художники. В разные годы он работал на Севере с Г. А. Дарьиным, И. А. Поповым, Ю. И. Семенюком и В. Ф. Стожаровым.

Неповторимая, грандиозная красота природы Севера, богатейшая история народов с их вековым жизненным укладом, традициями, искусством, старина и уникальные памятники архитектуры не могли не волновать настоящих художников.

Именно на Севере чувство причастности к истории помогло Ефрему Ивановичу осознать и ощутить, как важно для творческого человека соприкосновение с живой памятью, с землёй, на которой много веков в непростых условиях живут старообрядцы, бережно сохраняющие и передающие из поколения в поколение свои духовные ценности, свою веру. Север, живший настоящим, приобщал художника к прошлому, к постижению непреходящего.

Суровый край оказал активное влияние на изменения в творчестве живописца. Работая здесь, Е. И. Зверьков сумел в полной мере проявить свой огромный

талант пейзажиста, найти свой стиль, которому было суждено совершенствоваться в последующие годы творчества. Зверьков смог почувствовать непреходящую вечную суть могучей природы Севера – её первозданная красота, величие и грандиозность рождали иные мысли, иное восприятие пространства. Глубокое понимание природы и восхищение ею вылилось в создание большого цикла «чистых» пейзажей. Эмоциональное мировосприятие художника преломлялось в обобщённых синтезированных образах. Композиция больших пейзажей-картин строилась в несколько планов, на величественном замедленном ритме. Мастер словно охватывал панорамным зрением огромное пространство земли и неба. Новаторство северных пейзажей Е. И. Зверькова проявилось в пространственно-композиционных решениях, многообразии эмоциональных характеристик, глубоком, философском содержании работ. В эти годы стиль художника обретал черты большей обобщённости и монументальности. Например, цельностью восприятия красоты весенней природы отмечены широко известные его пейзажи, находящиеся в собрании Государственной Третьяковской галереи, – «Новая лодка» (1961) и «Северная весна» (1969). В них живописец убедительно передал стихию половодья – бесконечное пространство реки. В этой безбрежности водного пространства и необъятности облачных небес заключено ощущение необычайной космической панорамности пейзажей. Художественное осмысление композиционного строя, ритма и гармонии направлены на передачу торжества светлого начала мироздания. Философское ощущение мироздания подчиняет все другие чувства.

В северных пейзажах Е. И. Зверьков поднялся до высоты символического общения. Художнику, умеющему видеть, мыслить, ощущать новое, открывался мир Севера, живущий по своим законам. Живописец стремился внутренним взором вобрать как можно больше. Современность содержания и современность художественного языка добывались неустанным трудом и долгожданными открытиями. Постепенно рождался большой замысел цикла северных пейзажей. Эта работа открывала в те годы для Е. И. Зверькова новую огромную область самовыражения.

**ТОМ ГИЖЫСЬЯСЛӨН
ЛИТЕРАТУРНОЙ
ЖУРНАЛ**

Челядълӧн мойдкывъяс

Мойд – мый жӧ сійӧ сэтшӧмыс? Кагалы сійӧ – ёрт либӧ велӧдысь? Кутшӧм вочакывъяс зильӧ аддзыны мойдысь кага? Дерт, кӧнкӧ, медя шансьӧ да лӧсьдысӧ кӧсійӧ кывны. А оз кӧ кажитчы, вермас и ачыс мыйкӧ вежыштны гижӧдысь. Либӧ думыштны ассьыс мойд.

Коми Республикаын колян во мунӧмаӧсь «**Виль нимъяс**» да «**Менам мойд**» литературнӧй конкурсьяс. «Виль нимъяс» конкурссӧ ӧкмыс во нин ӧтув нуӧдӧны Национальнӧй политикаса министерство да Коми гижысь котыр. Сэтчӧ воӧма челядълӧн уна коми удж. Неуджыд дивӧмойдъяс лӧсьӧдӧмаӧсь Усинск районысь Щеллябӧж школаса да Луздор районысь Абъячой школаса велӧдчысьяс. Найӧ пыртӧмаӧсь гижӧдъясаныс чуймӧдана казьялӧмторъяс, югыд мӧвпъяс, стӧча серпасалӧмаӧсь геройясӧс. А вермысьяснас лоины: 10–14 арлыдаяс пиын – Щеллябӧж сиктысь Святослав Напалков; 15–30 арлыдаяс пиын – И. А. Куратов нима Гуманитарно-педагогическӧй колледжса велӧдчысь Виктория Макарова.

7–15 арӧса нывкаяс да зонкаяс пӧвстын «Менам мойд» конкурс нуӧдис Самуил Маршак нима Коми Республикаса челядълӧн национальнӧй библиотека. Комиӧн гижӧм медбур мойдъясысь жюри индис: I места – Милена Машуковалы (Абъячой); II – Карина Куликовалы (Абъячой); III – Глеб Манюхинлы (Айкатыла).

«Виль нимъяс» да «Менам мойд» котыртысьяс чолӧмалӧны вермысьясӧс, пӧся аттьӧбалӧны конкурсьясӧ пырӧдчысь челядӧс, бать-мамӧс, велӧдысьясӧс, библиотекарьясӧс, кодъяс пыдди пуктӧны да радейтӧны ас кыв, чужан му, матысса йӧзӧс.

Арсений КАНЕВ

Додь да Дадь

Ӧти овмӧсын олісны-вылісны пуысь вӧчӧм Додь да Дадь. Ӧтсӧгласӧн олісны. А сэсся коркӧ пӧрысьмысны. Ӧтчыл на костын пансис вензьӧм: кодӧ иуджык пӧльза вайис кӧзяиныслы аслас нэмӧн.

Додь шуӧ: «Ме и турун ваялі, кӧзяинӧс вӧрӧ новлӧдлі, ва катлі юкмӧсысь. Вӧв ме дорӧ доддывлісны. А со тэ дорӧ вӧвсӧ оз доддывны».

Дадь сылы вочавидзё: «А ме вылын кагаясöс новлöдлісны яслиö да сажйö, исласисны чой горув. Ватö на ваявлісны флягаöн. Тэ ыджыд да сьöкыд, и тэнö чельдыс оз вермыны кыскавны ки выланис, а менö вермöны».

Налысь пинясьöмсö кыліс көзяинис да кывкöрталіс: «Энö вензьöй, ті кыкнан-ныд уна буртор меным вöчинныд асланыд нэмöн. Öні менам эм быдсяма көрт техникаыс, но ме тіянöс ог шыбит, шылёда-мольёда да видзны кута, быттё музейын».

Василина ЛЫМИНА

Ичöт Мой

Оліс-выліс ичöт Мой. Оліс сійö öтнасöн, бать-мамыс чери кыйысьяслы тывйö сюрисны да. Быд лун Мой вöчис аслыс виль оланін. Ичöт Тим ёна радейтіс васö, лунтыр уяліс, тöдмасис вильторъясöн. Öтчид сійö пырис ва улö зэв пыдö да акнитіс: сэні вöлі сэтшöм лöсьыд, ставыс дзирдаліс-югъяліс, а шöрас сулаліс ыджыд двореч. Тадзи ичöт Тим сюрис ваувса царствоö. Сійöс кытшалісны кымынкö дзюла чери да нуöдісны цар дорö.

Цар пукаліс ыджыд трон вылын. Киас кутіс лэбын кодь бедь. Скöрпырысь юаліс, мый пö тэныд татысь колö. Шöйöвошöм ичöт Мойлөн кывыйс горшас сибдіс. Царыд аддзис Тимлысь повзьöм синсö да нюммуніс. Кутіс мелі гөлсöн ськөд сёрнитны. Мой висьтасис, мый зэв ёна радейтö ва, олö öтнасöн да корсьорö гажтöмтчö.

«Тайöс позьö вежны, – шуис цар. – Верман овны миян дінын».

Тим көсьысис да кольччис ваувса царствоö. Быд лун сійö тöдмасис виль олысьяскөд, нимкодясис мича местаясöн, но дум вылас пыр вöлі аслас оланіныс,

аслас шоныд позйыс. Жугыльмис Мойыд да бара шыдчис цар дорё: «Тіян дорын бур и мича ставыс, но ме көсья бөр гортё мунны». И цар лэдзис Тимёс да сетіс сылы свита, медым колльодасны берег дорёдзис.

Ёна и радліс Мой, кор бөр воис гортас. Оз од прёста висьтавны: гөститны йёзын бур, а гортад нөшта на бур.

Мария МАЦКОНИТЕ

Сандра

Оти сиктын оліс Сандра нима нывка, ёна дыш да төждысьтём морт. Эз вөвны сылөн чой ни вок. Мамыс уджаліс лун и вой, медым чөскыдджыка вердны отка нывсё.

Отчид сійё ыстіс Сандраос пөчыс дорё нуны нянь. А пөчыс оліс мөд сиктын – ылын-ылын вөр сайын. Нывкалы мунны вөлі зэв дыш. Мамыс шуё:

– Ветлы, нылук, ну няньсё! Пөчыд пөрысь нин, оз вермы ачыс воынысё.

Бөрдөмсорөн Сандра мөдөдчис. Кузь туй сійёс виччысис. Съод вөр пыр. Нывка поліс, но синсё кунис да пырис сэтчө. Муніс-муніс, и виччысьтөг юр вылас усис коль. Сандра кутіс видчыны да кокнас зымөдчыны. Эз и казьяв, кызди пырис нюрё да тувччис зыбучё. Коскөдзис кор нин вөйис, сөмын сэки повзис. Бур, орччөн пу вөлі быдмө. Нывка кутчысис вожас да кызкө петіс жө. Сөмын ставнас няйтчаліс. Видзөдліс Сандра дөра сумка вылас, перйис сэтысь көтасьём няньсё да шыбитіс муё.

– Омөлик нянь! Тэ вөсна ме чуть эг вөй! – горөдіс Сандра.

Сөмын тайёс шуис, веськаліс төдтём эрд вылө. Видзөдө, а сэні котралө нывка. Матыстчис сы дорё юавны, кытчө сійё сюрис, да чуймис. Ачыс вөлөма! А нывкаыс водзё котралө да горзё: «Мисьтём пуяс, сьөкыд сынөд, косьмөм ковтөм дзоридзьяс!»

Сандра видзөдіс-видзөдіс ас вылас да кызди бөрддзис: «Прөстит менө, мамө! Ме тэнө ёна радейта! Босьт менө татысь, пыр кута отсасьны да кывзысьны!» Бөрдіс-бөрдіс дай унмовсис. А кор восьтіс синсё, вөлөмкө, пөчыслөн керкаас нин куйлө крөвать вылын, киас нянь кутө. Одій котөртіс Сандра пөчыс дорё, сывьяліс сійёс да сетіс няньсё...

Рытнас нывка воис гортас. Ёна жө и кутліс мамсө! И унаысь вашкөдіс сылы пеляс: «Ме тэнө радейта!»

Сандра тайё кадсяньыс пыр кывзысис мамыслысь да отсасис.

Поводдя йылысь мойд

Оліс-выліс Педөр нима мужик. Коть и эз нин том вöv, весь эз ов. Век мыйкө вöчис-зіліс: то пырта сувтöдас, то пес поткöдлас да тэчас, то куртас да сотас кос турун – лунтыр горт гөгöрыс ноксьö.

А тулыснас кутіс сійö казявны, мый поводдя лунысь-лун лёкджык и лёкджык. То лунтыр зэрас, то лым усяс майын, то сэтшöм төв ныр кыпöдчас, коть кок йыв-сьыд нуас.

Пукалö Педөр öтчыд öшинь дорас, виччысьö зэрлысь помасьöм и мövпалö:

– Мый нö тайö поводдяыскöд вöчсьö? Некедз оз лэдз ывлаын уджавны. Мыйкө небеса-енэжас абу ладнö. Тадзи сэссия оз позь овны, мыйкө колö думыштны.

Кор зэрыс кобыштіс, Педөр муніс вөрö да кераліс кузь вöсни пуяс. Найöс öтилаö йитіс. Артмис зэв кузь потш. Сэссия Педөр вöчис дзик жö татшöм мöд потш. На вылö тувъяліс уна-уна дженьыд вöсни чурка – артмис пос. Вель кузь пос – весиг синнад он аддзы мöдар помсö.

Сэссия Педөр воліс гортас, босьтіс ыджыд ноп. Ноп пыткас с्याліс пурт, чер, гез, истöг да кос нянь. Шыбитіс нопсö мыш вылас да бөр муніс вөрö. А ывлаын бара нин зэрö.

Педөр босьтіс поссö, сувтöдіс – вöчöмторйыс нюжаліс дзик небесаöдз. Ньöжйöникөн тувчыштіс пос вылас да заводитіс кавшасьны.

Сійö кайис лун дай мöд, воис дзик кымөръяс дорöдз. Найöс вуджöм бöрын ад-дзис зэв югыд энэж. Видзöдліс гөгөр да казяліс дзор тошка старикöс.

– Коді тэ? – юаліс Педөр.

– Ме – энэж видзысь. А тэ коді?

– Ме, Педөр, муыввса коми мужик. Ме кöсья аддзысьлыны поводдянас юралысьыскöд.

– Поводдянас юралысьыс миян Скөр Makeй. Сы дорö бурджык не мунны.

– А ме мöда. Петкöдлан туйсö?

– Петкöдла, сöмын юалöм вылö вочавидз.

– Но сідзкö, юась.

– Коді асывнас ветлöдлö нель кок вылын, луннас – кык кок вылын, а рытнас – куим кок вылын?

– Тайö дзик кокни. Морт.

– Тэ тай збыльысь зэв төлка. На, босьт тупыльсö, сійö тэныд туйсö петкöдлас.

– Аттö, пöльö.

И Педөр мöдіс тупыль бöрся. Зэв дыр сійö муніс, куим лун дай куим вой. Казяліс, мый кымын матынджык сійö Скөр Makeй дорö, сымын поводдяыс лёкджык и лёкджык.

Другыс Педөр джöмдіс. Сы водзын сулаліс ыджыд морт, зэв скөр чужöма.

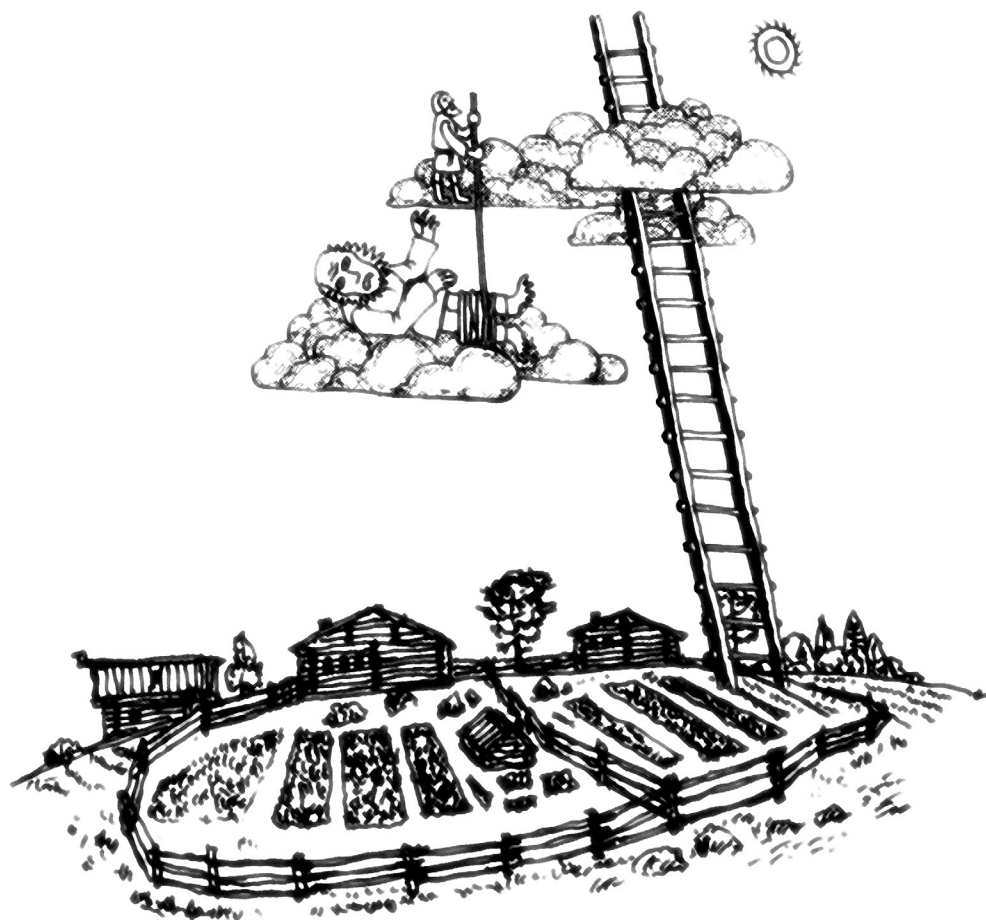
– Мый тэн колö? – юаліс мортыс.

– Ме корся Скөр Makeйӧс.
– Тэ сійӧс аддзин нин. Ме Скөр Makeйыс.
– Ме мыйкӧ юавны тэнсьыд кӧсья. Тэ верман поводдясӧ лӧсьыдджыкӧн вӧчны?

Скӧр Makeй босътчис серавны да шуис:

– Ме? Некор ог! Ха-ха-ха!
– Вай, сідзкӧ, тышкасям. Коді вермас – сійӧ и поводдянас юравны мӧдас.
– Ладнӧ.

И заводитісны тышкасьны. Скӧр Makeй вӧлі кык пӧв ыджыдджык Педӧрысь, да и кык пӧв ёнджык. Вынтӧммис коми мужик, но сетчыны абу окота. Дум вылас уси гезйыс, кодӧс босътчис аскӧдыс. Кыскис нопсьыс сійӧс. Сэсья ӧдійӧ гартліс Скӧр Makeйлысь коксӧ, кыскыштіс гезсӧ, и поводдяӧн юралысьыд грыпкысис-усис. Енэжыс весиг ставнас сырмунліс.

– Но мый, Скөр Makeй, ачыл му вылө поскөдыс лэччан либө тэныд отсавны? – юалис Педөр.

– Ачым, ачым.

Скөр Makeй лэччис му вылө, а Педөр кольччис енэжас, поводдянас юравны. Йөзыс сылы пуктисны Перун ним.

Поводдяяс сэксянь төдчымөн бурмис. Перун ыстывліс зэрсө, сөмын кор муыс ёна косьмыліс. Коми уджач йөз өні вермисны и турун пуктыны, и пес пилитны, и гөрны-көдзны... Кад сюрліс и шойччыны. А Скөр Makeй олө-вылө Педөр керкаын. Сылысь уджсө вөчө да овмөссө кутө. И нинөм вылө оз элясь.

Карина КУЛИКОВА

Вьльгортса иностранеч

Ылын-ылын лунвылын оліс-выліс Акеллө верблюд. Көзяиныс сылөн – зэв озыр купеч вөлі. Та понда верблюд пыр ськөд ветлөдліс да новлөдліс гөрб вылас төвар. Акеллө вөлі төлка да ыджыд вежөра пемөсөн. Сійө пыр көсийс ставсө төдны, но уджаліс көлуй новлысьөн.

Өтчыдысь Акеллө муніс аслас көзяинкөд пустыняті да кывзысис, мый йылысь сёрнитөны йөзыс. Вөлөмкө, эм сэтшөм страна – Россия. Сэні аслыспөлөс олөм, пемөсьяс, керкаяс. Но медся ёна Акеллөс чуймөдіс, мый роч йөзлөн абуось верблюдьяс, на пыдди – вөвьяс, а өнія кадө нөшта – машинаяс.

Пуксис рыт, да караван сувтіс шойччыны. Войбыд Акеллө эз узы, майшасис да мөвпаліс роч му йылысь. Зэв окота лоис сылы сэтчө веськавны.

Толысь чөж верблюд думайтіс пышйыны Россияө. И татшөм луныс воис. Көзяиныслөн вөлі нимлун. Локтісны весиг суйөрсайса гөсьтьяс, вайисны быдсяма козиньяс. Мөд луннас найө мунісны. Акеллө вөтчис машина бөрсяяс да воис аэропортө.

Верблюд виччысис, кор охранникьяс мунасны пажнайтны, и өдйө дзевсис самолётын багаж юкөнө. Мудзөмысла регыд унмовсис, а садьмис, кор самолёт пуксис нин. Охранникьяс эз на локны, да Акеллө ньөжйөникөн петіс самолётысь. Аэропорт вылын вөлі гижөма: «Видза корам Коми мулөн юркарө».

Поводдяяс вөлі ыркыд, зэра, абу лунвылын кодь, но верблюдөс тайө эз повзөд. Сійө петіс да дыр гуляйтіс карөд. Муніс-муніс да локтіс көрт туй дорө, сы дорысь аддзис кутшөмкө тешкодь пемөсьясөс. Вөлөмкө, тайө вөвьясыд и эмөсь. Найө төдмасисны. Вөвьяс висьталісны верблюдлы, мый зэв бура олөны, чөскыда сөйөны, а гаж дырйи новлөдлөны челядьөс. Акеллө шуис налы, мый көсийс эськө кольччыны татчө. Но коді сійөс босьтас?

Недыр мысти локтіс вөвьяслөн көзяиныс. Шай-паймуніс, кор аддзис «иностранечөс». Верблюд зэв меліа видзөдіс сы вылө...

Тадзи и кольччис Акеллө овны Вьльгорт сиктө. Быд лун сийö йирсьö көрт туй дорын. А гаж мунан лунъясьö вьль көзяиныс мичмөдö верблюдöс лентаясөн да нуöдö кар-сиктö радуйтны челядьöс.

Сыктывкарö ветлигөн ме ачым некымынысь аддзыли вьльгортса иностранечöс. Сийö весиг воліс мян сиктö да гуляйтöдіс менö! Быд пöрийö карö мунигөн, Вьльгортын, öвта верблюды кийөн. Тайö менам медся радейтана суйöрсайса пемöс!

Софья ТЕРЕНТЬЕВА

Дона гоб

Оліс-выліс ай-мамтөм том зон Тимошка. Босьтісны сийöс ас дінас лёк вира йöз. Тимошка на вылö помся уджаліс, мед көть сёянтор вичмөдасны. Тулыснас сийö көдзис шобді, гожөмнас чери кыйис, тшакаліс да вотчис, а арнас чукөртис град выв пуктас.

Öтчид көзьеваыс мөдөдісны Тимошкаöс вөрö тшакла. Зон босьтіс ыджыд көрзина да муніс. Дыр ветлөдліс, весиг кынөмыс сюмаліс. Кор көрзинаыс тырис, Тимошка мөдөдчис гортас да друг неылысь аддзис ыджыд дона гоб. Матыстчис, көсйис нетшыштны сийöс. А тшак шыасис сы дорö, менö кө пö колян татчö, тшөтш отсала. И зон сөглас сетіс.

Гоб топнитіс кокнас, да лоис дивö. Тимошка веськаліс вьль керкаö, а ськөд орччөн лоины шань да тöждысьысь бать-мам. Рытивбыд найö пукалісны сывьясьөмөн да сёрнитісны, а мөд луннас мунісны дона гоб дорö да муөдз копыртчылісны сылы.

Глеб МАНЮХИН

Кызди Мефодей олыся отсаліс каньлы

Öти керкаын оліс-выліс пöжасьысь. И вöлі сьлөн кань – Мусь. Сийö бура кыйсис, эз весь ов.

Пöжасьысьлөн керкаын тшөтш оліс и Мефодей олыся. Сийö вöлі шань и ёна ладмис канькөд. Но со каньыд пöрысьмис. Сийö кутіс лёка кывны, лёка аддзыны и эз нин вермы кутавны шыръясöс. А найö розьйөдлісны пызь мешökьяс, пакöститчисны. И пöжасьысь думыштис нуөдны Мусьöс вөрö да кольны сэтчö.

Кань гөгөрвоис көзяинлысь думсö да ёна дзугыльмис. Висьталіс асьыс шогсö Мефодейлы.

Олысялы эз жö ло нимкодь. Сийö муніс сёрнитчыны шыръяслөн царкөд. Тшөкты пö шыръясыдлы, мед пöрысь канькөд паныдасигөн водасны, быттьö

кулёмаось. А ме пö таысь быд лун мöда чöсмöдлыны тэнö пым пöжасөн.

Мöд лунас пöжасьысь пырис керкаас и казяліс: кань дорын кулём шырьяс куйлöны. Видыштис асьсö, мый тöкөтö каньöс эз вöтлы керкаысь, а сійö со кутшöм пельк вөлöма. Пöжасьысь колис Мусьöс гортас да бура кутис вердны.

Мусь кань да Мефодей олыся и öнөдз на олоны öтлаын да дözьöритöны ёрта-ёртсö.

Милена МАШУКОВА

«Варгöс Мишук»

Вöрын оліс-выліс Мишук нима том ош. Ок и дыш сійö вöлі – лун-лун быгласис туруна эрд вылын. Эрдыс вöлі зэв небыд, быттö шөлкысь кыём джодждöра, да тырöма быдсяма мича дзоридзөн.

Кызди и быд пемöслөн эм аслас тырмытöмтор, сідз и Мишуклөн вöлі. Зэв нин ёна радейтис сійö ма. Ма радейтис, а ветлыны сыла дышöдчис.

Öтчыдысь туруна эрд вывтi котöртiгөн ошлы юрас воис мöвп, кызди мала ветлöмсö позьö кокньöдны. И смелмöдчис варгöс Мишук лöсьöдны эрд вылас пасека. Сöмын мыйысь вöчны мазияслы оланінсö? Гашкö, кыз пу чуркаысь?

Эз на удит Мишук синнас лапнитны, мазияслы немын оланін вöлі дась. Ош сувтöдаліс найöс эрд пасьтала. Сэсся бара на кутіс юрсö жуглыны: «Кытысь нö меным мазияссö босьтны?» Тайö здукö неылын кыліс дзизгём шы. Вөлöмкö, мазияс асьныс локтöмаось.

Мишук корис найöс ас киён вöчöмтор дінö:

– Лэдза тiянöс выль оланінö, но кутанныд кö меным ма дасьтыны!

Мазияс видзöдлісны пасекасö – воисны öти кывйö ошкöд.

Мунісны луньяс, и дзизгысь гагьяс кутісны вайны ошлы ма. Ок и чöсмасис мудар пемöс юмовторнад, лун и вой радліс. Недыр мысти маыс лоис сэтшöм уна, мый Мишукыд эз нин вермы ставсö сёйны.

Бара на кутіс мöвпавны: «Колö мыйкö вöчны юмовторнас!» И думыштис сетны вöрса зверьяслы. Воис руч мала, а водзöсөн вайис чери. Сэсся – кöч вотöс тыра ыджыд көрзинаөн. Бöрас – сус пу колльөн сöвтöм пестерөн ур да мыш выв тыр тшакөн ёж. Тадзи и пондіс сёяныс ачыс воны варгöс ош дорö. Бура заптысис Мишук төв кежлö! И öні на век олö-вылö да радлö аслас вöрын!

** Мырпомсö сетам номерын медся бур гижöдысь.*

Козин

(Висьт)

Öти кар шöрын, джуджыд стрöйбаяс костын, сулаліс киссьöм стенма важ керка. Сы пытшкын куйлісны пазалöм сэй изъяс, тыдалісны чегъясьöм пöвторыяс, киссьöм öшиньяс, жугласьöм стеклö, косясьöм небöг, крукыль кока улöс, пызан да уна мукöдтор. Нинöм шензьöданаыс быттьö: этша-ö киссьöм стрöйбаыс карын? Керка бокті ветлöдлысь войтыр тшöкыда броткис: «Кор нин разясны тайö рухлясö?» И некод эз көсйи видзöдлыны керкаыслөн юкмöсö.

Сэтысянь неылын сулаліс школа. Зонъяс да нывъяс велöдчöм бöраныс мукöддырйи кежавлісны керка шеньöбас. Век мыйкö корсисны-бергöдлісны, ёрта-ёртнысö повзьöдлісны, ворсісны-чеччалісны. Сöмын некор аскöдныс эз нуöдлыны тайö керкаас öти нывкаöс. Герда оліс ас кежсьыс, торйөн. Век рам. Ёртъясыс кө ворсöны перемена дырйи телефонön, сійö небöг лыддьö. Чужöм сертиыс тыдалö: Герда мöвпалö мыйкö аслыссямаöс, сöмын сылы гөгөрвоанаöс.

Öткымын велöдысь весиг öтдортыштіс нывкаöс. А Герда на вылö таысь некор эз скöрмывлы: сылөн шань сьölöмыс кокниа примитіс олöмысь и гугсö, и бансö. И көть зонъяс эз лэдзны сійöс киссьöм керкаас, Гердалы нöшта на окота лои сэтчö веськавлыны, гашкö, корсьны мыйкö шензьöданаöс.

Арся войяслөн пемыдлуныс ойдöдіс уличсö. Шливгысь зэрыс көдзыд рунас кусöдіс йöзлысь шоныд нюмсёрсö. Юöс тöлыс быттьö ветлöдліс пытшкöстід, мыйлакö некыз эз лöнь.

– Ме ёрт дорö ветла, – öти рытö муркнитіс мелі гөлöснас бать-мамыслы Герда да петіс патерасьыс. Тöдтöм керка вöлі матын. Дас минут мысти нин нывка сулаліс сылы паныд да виччысис, кор туйвеж дорын сигнал сетан пöнарыс лэдзас водзö тувчавны карса чорыд веркöса туйті. Здук. Öзйис турунвиж би, и Герда лэбыштіс улич мöдарас. Матыстчис. Тэрыба суныштіс потшöсын розь пыр йөрö да веськөдчис керкалань. Пырис. Пöнарнас васöд сынöдсö югзьöдöмön Герда заводитіс тöдмасьны стрöйбанас. Сійö казяліс зэрысь вушъялöм кымынкö важ серпас, винил пластинкаяс, сера дöра, некымын киссьöм шкаф да уна-уна ёг. Нывка кытшовтіс став жырсö, но öти некыз эз воссьы.

– Мый эськö сәні? – ас кежсьыс мöвпаліс гортланьыс мунігön нин Герда. Талун сійö нинöм эз аддзы и юрсö лэдзöмön веськыда шлөпöдіс ва гөпьясöд, а юрас бергаліс мöвп: мый эськö сәні, сиптыса жыръяс.

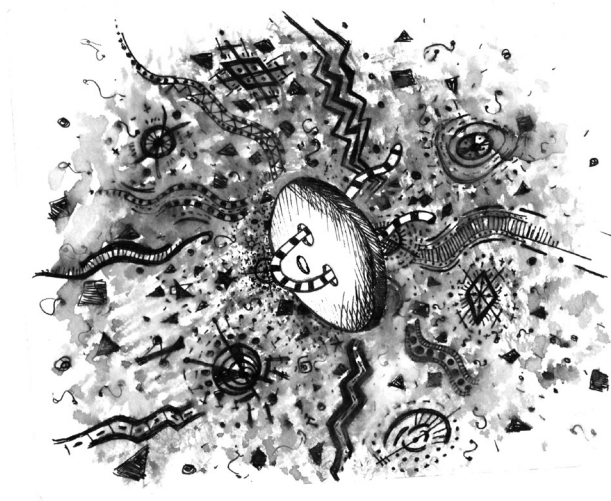
Карлөн визулыс быттьö көинөн вöтчис көр бөрся, но некыз эз вермы суöдны сійöс. Сынöдыс заводитіс ёнджыка и ёнджыка көйдны, и йöзыс эз нин вöвны гожöмын кодь шудаöсь. Найö öдйö тувччалісны жугыль чужöмъясаöсь. А Герда талун некытчö эз тэрмась. Сійö кывліс школаын зонъяслысь ошйысьöмсö, кызди

найö вермöмаöсь восьтыны тöдтöм жырийö нуöдысь öдзöссö. Рытнас нывка бара мунис киссьöм керка дорö. Пырис пыткас да восьтис жугöдöм игана öдзöссö. Пöнар югзьöдис дзурс пемыд жырийын медылыс стенмысь ыджидсьыс-ыджид рöмпöштан. Нывка матыстчис сы дорö да недыр видзöдыштис ас вылас. Пöнар югöрыс тыдовтчис нывкалөн мыш сайын, мöдар стенмын. Рöмпöштан пырыс Герда казялис, мый сэни öшалысь джаджийын сулалö кутшöмкö куд. Нывка öдийö бергöдчис да веськöдчис джаджлань. Босьтис сэтысь уна сера көрт кудсö, сöмын восьтыны эз вермы. Томан розыс тыдалис, но ключыс эз вöв.

– Кöни сийö? – ышловзис Герда и дыркодь корсис ключсö, сöмын эз и аддзы. Сэссия бөр мөдöдчис гортас. Шуда – талун керкаыс сылы дасьтöма козин, жугыль – немытысь ключыс эз сюр. Гортас локтöм бöрын нывка быд боксянь видлис восьтыны кудсö, но немыдз эз артмы. Сёрöнджык нин бара ветлис тайö стрöйбаас корсьны ключсö. Но... эз сюр. Дöнзис корсьнысö да пунктис кудсö джаджийö...

Арыс аслас кöдзыд мөвпъяснас личкис турунсö мулань. Фонтанъяс эз нин гажöдны ветлысь-мунысьöс йöктöмнаныс: найö мудзисны да вöйтчисны асланыс гуся думъясö. Пуяс гылöдисны корсö да пондिसны виччысьны тулыс. «Сийö локтас, сöмын тöвйыны колö», – мөвпалисны найö.

Öтчид Герда кылис школаын, аскисянь пö заводитасны разыны сылысь радейтана киссьöм керкасö. Рытнас нывка мөдöдчис пöрысь ёртыс дорö, медым, гашкö, бөръяысь шуны мыйкö янсöдчöм водзвылас. Герда ветлöдлыштис керка пыткакстыс да сувтис дзик шöрас, ланьтис. Здук. Кытыськö вылісяныыс мыйкö войтыштис да усис дзик кок улас. Сэссия нöшта кыкысь войтыштис. Тайö дзирдалысь войтъясылөн сөстöмлуныс сутш кежлö югзьöдлис пемыдсö. Герда чöвтис видзöдлассö джоджö да акнитис. Сийö местаас, кытчö усис куим войтыс, куйлис-югъялис зарни рöма ключ. Нывка босьтис ключсö да котöртис гортас. Колö видлыны восьтыны кудсö! Збыль, ключыс сьöкыдакодь, но век жö бергöдчис. Герда восьтис кудсö да аддзис сэтысь куим розя гöрдсьыс-гöрд кизы и кабала. Сэни вöли гижöма: «Вур да ло шудаөн!»

*Серпасыс
Диана Зайцевалён.*

МӨВПСЯМ

«ЛОНЫ ШУДАӨН УНА ОЗ КОВ»:

Т. Чаплыгинакөд ёрта сёрни

Таисия Чаплыгина чужис 1986 воын Изьва районса Сизяб сиктын. Мича нимыс вуджис нывлы Таисия бабсянныс, а гора овыс – Данил Чаплыгин верөссянныс. Сывны радейтöмыс чужис, кор баб босытлывліс нучкасö клубö – репетицияяс вылö. Öнi нин Таисияс тöдöны оз сöмын кызди сьылысьöс, но и кыв да шылад гижысьöс.

– Кызди чужис тiян семьяныд?

– Данил верöскöд ми тöдмасим 2002 воын искусство училищын «Йöзкостса хор» юкөнö велöдчыны пыригөн. Ачыс верöсöй Паджгаысь, велöдчыліс «Зарава» йöзкостса хорын концертмейстер – Дмитрий Владимирович Мартынов – ордын. Медводдза курсянь ми заводитім ёртасьны. Öтлаын петкöдчывлім концертъяс дырйи, ветлывлім театрö, бассейнö. Зілим быдлаö веськавлыны, сиктад татшöм позянлуныс абу да. Нöшта магнитофон отсöгөн гижлім медводдза сьыланъясöс: ме сьылі, а Данил ворсіс синтезаторөн. Сійö тшöтш сьыланкывъястö гижис, меным век вайліс петкöдлыны, мед

донъяла. Нельод курсың ёртасьом вуджис радейтчөмө... Колледж помалом бөрүн, 2006 воын, ме бөр вои чужаніө, Сизябө. Данил вуджис ме дорө. Ми кутім уджавны музыкальнөй школаын: верөспуөй велөдіс дзолукъясөс ворсны баянөн да концертмейстералис, а ме велөді ичөтъясөс сывны. Таысь кындзи заводитім «Реченька» котыркөд клубын уджавны. 2009 воын Данилөс босьтісны армияө. Во мысти, гожөмын, ми гөтрасим. Öні миян быдмөны кык пи: Ярослав да Дмитрий.

– Кыдзи чайтан, быдөнлы-ө сетсьө енбиыс? Либө тайө лыда йөз?

– Ме лыддя, мый енбиыс сөвмө вочасөн, кор мортсө мыйкө либө кодкө ышөдө, кор тайө ышөдана-торйыс лоө сылөн радейтана уджөн. Ставлы-ө вичмө енбиыс, ме ог төд. Но стөча төда, мый сійөс кө сетөма, колө сөвмөдны. Ме эськө радпырысь велөдчи гижны кывбур. Быттьөкө и кужа, но ог на тырвийө.

– Кор заводитін сывны? Коді вөлі ышөдысьнас, туйсө индысьнас? Көні велөдчин сыйлысьсө?

– Сывны ме босьтчи водз. Таисья бабөй ветліс «Ыбса дзоридзьяс» фольклор котырө и босьтлывліс менө сьорсьыс. Медводз ме сөмын сюся видзөді да кывзі. Сьорсьөн-бөрсьөн куті төдны налысь став сыйлансө, да бабөй шмонитөмөн корис менө хорө. И хор-мейстер лэдзис сывны ставкөд отув. Артмө, сцена вылө медводдзаысь петі 5-6 арөсөн. Меным зэв ёна кажитчис выступайтны, весиг ньөти эг повзвы.

Бабөй вурис изьваса мича костюм. Ссылі частушкаяс, и меным козыналісны 3 литра банкаын выльөв (сэки эськө выльөвтө ог на вөлі ю да). 1–4 классьясын велөдчигөн ветлөдлі «Купальница» фольклор котырө – Валентина Тимофеевна Чупрова сьөн веськөдліс.

1996 вося августын ичөт котырым вуджис Шелляюр посөлокө, Сизябсянь ветымынысь унджык километр ылнаын. Перво-наперво сентябр 1 лунө линейка бөрүн муні клубө кружок вылө гижөдчыны. Бөрйи, дерт жө, йөзкостса сьылан. И сідз, 5-өдсянь 8 классөдз сьылі хорын, корсьорө и өткөн, сиктса да районса концертъяс дырйи. Веськөдлысьнас вөлі Анастасия Ефимовна Терентьева. Сійө эз сөмын сөвмөд миянөс, но и ачыс вөлі композиторөн. Сьыланъясыс уналы вооны сьөлөм вылас.

Сійө жө кадас менө казяліс музыкальнөй школаын велөдысь – Татьяна Геннадьевна Стороженко – да вөзйис велөдчыны школа бөрүн музыка нырвизьын. Сэсся пө бөр воан посөлокө да восьтан школа бердын выль юкөн – «Йөзкостса сьылан». Сэки ме эг на бура гөгөрво олөмсө, кывъяссө эг босьт төд вылө, но век жө... пыри бөрыннас музыкальнөй школаө ворсны фортепианоөн. Тайө вөлі искусство училищеө пырөм водзын. И тайө меным зэв ёна отсаліс!

2002 воын пыри велөдчыны «Йөзкостса хор» юкөнө. Вокал серти мекөд уджаліс филармонияса сыйлысь Вера Витальевна Булышева.

Нель во велөдчөм бөрүн бөр вуджи ас посөлокө да уджала «Йөзкостса сьылан» велөдысьөн. И ньөти ог жалит, мый бөрйи тайө туйвизьсө.

А водзё вылө зэв окота пырны вылыс тшупода велөдчанінө.

– Кыдзи чужё сыланкывйыд?

– Кывъясыс локтёны другыс. Векджык, кор мыйкө вөрзёдас сёлөмөс, шемөсмодас. Медводдза куплетыс да припевыс өдйө артмёны. А сэсся заводитчө удж... Овлө, мый медводз воас шыладыс, а сэсся кывъясыс. Блокнотын эмөсь важөн заводитлөм сыланкывъяс, кодъяс дыркодь нин виччысьёны помсө.

– Кор пондiс гижсьыны комиён? Мый йылысь тайё сыланкывъясыс?

– Гижны сыланкывъяс комиён ме заводити 2008 воын, сөмын этшакодь на чукормис. Миян районын кык онас өтчыдысь нудсьё коми композиторъяслөн «Ас му йылысь сёлөм сылө» фестиваль. Тайё гаж дырйиыс медводдзасысь сыли ас сыланкывъяс. И та бөрын окота лои гижны комиён!

Өткымын сылан сиюма верөслы: «Бөрдысь сёлөм», «Ворсысь гудөк вылын», «Миян сыланкыв». Эмөсь кутшөмкө гаж водзё дасьтөм сыланъяс: «Выль вося», «Купальнича», «Луд вылө вай петалй» (Нина Каневакөд өтвылысь гижөм). Чужан мулы сиюма «Коми муын», «Ижемская земля», «Республика Коми» (верөскөд өтвылысь гижөм). Эм и челядылы сыланкывъяс: «Чоюкъяс», «Арся лунъяс», «Абу кө дыш», «Самовар», «Баблөн сикөтш», «Пышйысь дозмукъяс» (Илля Вась кывъяс вылө).

– Кодлы петкөдлан гижөдъястө медводз?

– Кор чужё кывбур, медводз

петкөдла сийөс бур төдсалы. Тайё коми кыв велөдысь Ольга Николаевна Чупрова. Сийө лыддьё да мукөддырйиыс индө нелючкисө, и таысь сылы шуа ыджыд аттьө! Ачым ме коми эськө, но окота, мед кодкө век жө донъялис гижөдөс.

Шыладсө гижачым жө, а бөрыннас шыөдча верөс динө аранжировкаяс гижны. А сылы тайё ёна кажитчө вөчны! Кор минусовка дась, пыр жө гижам фонограмма да пуктам отувезйө, мед йөзыс кывзасны да сыласны. Öд композиторлы нимкодь, кор сылысь сыланкывъяссө төдөны да кывзёны.

– Кыдзи кокниджык гижны да сывны: комиён либө рочөн?

– Сывны комиён и рочөн меным кокныыд өтмоза, өд төда кыкнан кывсө. А гижны комиён сьөкыдджык, сы вөсна мый изьватас диалектыс вевтыртө. Окота өд, мед гижөдыд вөли ставлы гөгөрвоана, матыс. Кор мыйкө падмөдө, кыйкнитла комиа-роча кывкудйө.

– Кутшөм пай босьтө тэнад олөмын коми кывйыс?

– Ме шуда, мый төда коми кыв. Сывтөг эськө эг гөгөрво орччөн олысь йөзөс, эг төд, мый йылысь найө мөвпалөны, сьылөны, гижөны. Ачым эськө эг куж гижны коми сыланъяс.

Радпырысь казяла, мый менам велөдчысьяслы, весиг кодi оз төд коми кывсө, кажитчө сывны комиён. Мукөддырйиыс асьныс корасны: «А вай велөдамөй коми сыланкыв!»

– Полан-ө петны сцена вылө?

– Петкөдчөм водзын ме век по-

лышта. Но быд пöрийö шуа аслым, мый колö бура кутчысьны, ме öд сывны велöдысь да бытьöн колö лöсьыда выступитны. И тайö век отсалö!

Медъёна полi 2013 вося «Василей» сьылан гаж дырйи, кодi мунiс опера да балет театрын. Зэв ёна майшаси, öд колö öткөн петны уна-уна морт водзö, да нöшта и жури кутас донъявны! Сэки медводдзайсы артмис сывны республика тшупöдын. «Бöрдысь сьöлöм» сьыланысь меным вичмис мöд места.

Талунъя лун кежлö ме зэв гежöда сьыла öтнам. Векджык петкöдча «Реченька» котыркöд.

– Сёрнитан-ö челядьыдкöд комиён? Позьö-ö буретш сьыланкыв отсöгөн сетны кывсö?

– Асьым челядьöс велöда сёрнитны комиён, но пока ворсiгмоз: вистала комиён пемöс да морт вывтыр юкөн нимъяс, лыдпасъяс да с. в. Кага öдйöджык велалö сёрниас, кор бать-

мамныс кыкнанныс комиöсь. А мян котырын сöмын ме коми, верöсöй роч... Зэв эськö окота, мед челядьöй бура кужисны сёрнитны коминас. Корсюрö пиянöй сьылöны öнiя коми сьыланкывъяс. На отсöгөн, дерт, позьö велöдны торъя кывъяс, но кывсö бура тöдöм вылö тайö этша.

– Артистöс тшöкыда ошкöны либö кулитöны. Быд мортлысь-ö шуёмсö пыдди пуктан?

– Ошкöм, дерт, кажитчö. Кызвыннас йöзыс бура донъялöны творчествоöс. Медъёна колис сьöлöмö нималана коми композитор Василий Чувъюрвлөн донъялöмыс. Татшöм шуöмыс отсалö гөгöрвоны асьыд вынтö, позялунтö, туйтö. Вöли и сэтшöмтор: лыдди ас йылысь эг зэв бур гижöд «Василей» гаж бöрын и ёна жугыльмыли. Но сэсся мöвпышти, мый он вермы ставлы кажитчыны! И сiйö кывъяссö шыбитi юрись – лои ёна кокныд!

– А овлө-ө сэтшөм здук, мый окота дзевсьывны йөзсьыс, олыштны өткөн?

– Овлө, мый окота кольччывны өткөн, шойччыштны. Мудза уна шыыс: лунтыръясөн удж вылын челядь брунгөны быд жырйын, то сэн, то тан ворсёны фортепианоён, домраён, гитараён, синтезаторён, нөшта на и сьылёны... Та кадө окота олыштны чөлас. Гортын телевизор ог чуткыв-

лы. Чөвлуныс бытёон колө и сьылан гижигөн, мед некод эз торк мөвпьястө.

– Верман-ө шуны, мый тэ шуда морт? Кыдзи лоны шудаён?

– Быдён ас мозыс донъялө шудсө. Лоны шудаён меным уна оз ков. Мед сөмын челядь да матыссаяс вөліны дзоньвидзаёсь, йөзкөд артмөдчи, радейтана удж вөлі. А тайө ставыс менам эм, сідзкө, ме шуда.

Шуда морт разөдө югыдсө мукөдлы, оз мыжды некодөс. Мед лоны шудаён, колө дугөдчыны волюсьны тэнө омөльтысь йөзкөд, быдлаысь аддзыны бурсө, вөчны сійөс, мый аслыд кажитчө.

– Мый йылысь мөвпалан водзө вылө? Кутшөм вермөмъяс виччысян семьяын да уджын?

– Семья серти кө шуны, кута лача, мый чужас на нылук. И окота, мед гортын эськө менө век виччысисны. Удж йылысь кө – көсья, мед петас изьва районса композиторъяслөн отувья сборник и мед челядьлы кажитчис велөдчыны ме дорын.

Сёрнитис Алёна СТАРЦЕВА.

Журналлөн редколлегия:

Елена Афанасьева, Алёна Шомысова, Любовь Ануфриева, Алёна Старцева.

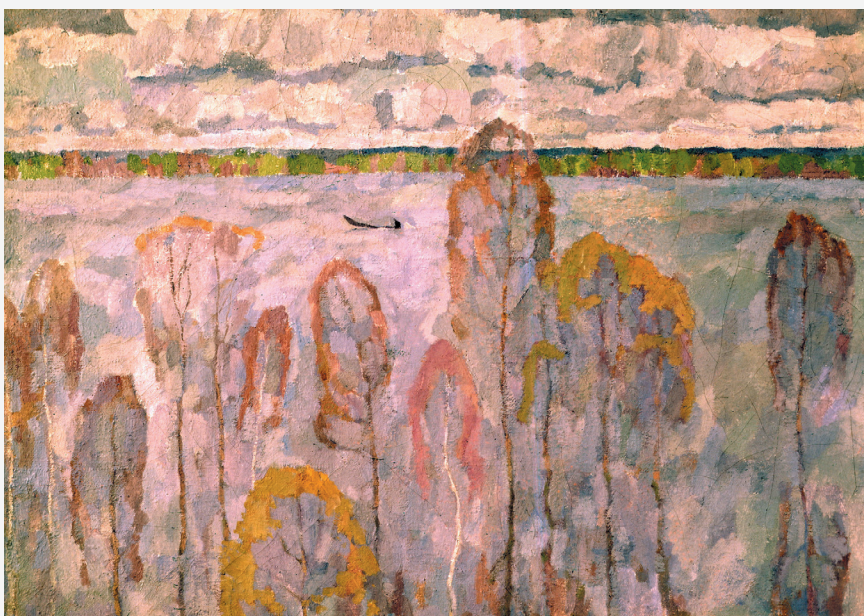

Лесная речка. 1965. Холст, масло. 100x80.

Весенний ручей. 1972. Холст, масло. 70x85.

Радуга. 1974. Картон, масло. 86x105.

Апрельские сумерки. 1971. Картон, масло. 80x103.

В лесном краю. 1974. Холст, масло. 120x150.

Голубой апрель. 1972. Холст, масло. 90x110.

Новая лодка. 1961. Холст, масло. 100x130.

Золотая осень. 1975. Холст, масло. 80x108.

Дождик. 1980. Картон, масло. 54x85.

Прудик. 1976. Картон, масло. 87x109.

На тверской земле. 1972. Холст, масло. 100x100.

Каргополь. Лодки. 1963. Картон, масло. 40x74.

Дом рыбака. Север. 1963. Картон, масло. 74x103.

*Улица в Каргополе.
1963. Картон, масло. 53,5х51.
Государственный
Русский музей.*

Северная деревня. Половодье. 1964. Картон, масло. 50х80.

Апрель в лесу. 1980. Холст, масло. 100x100.

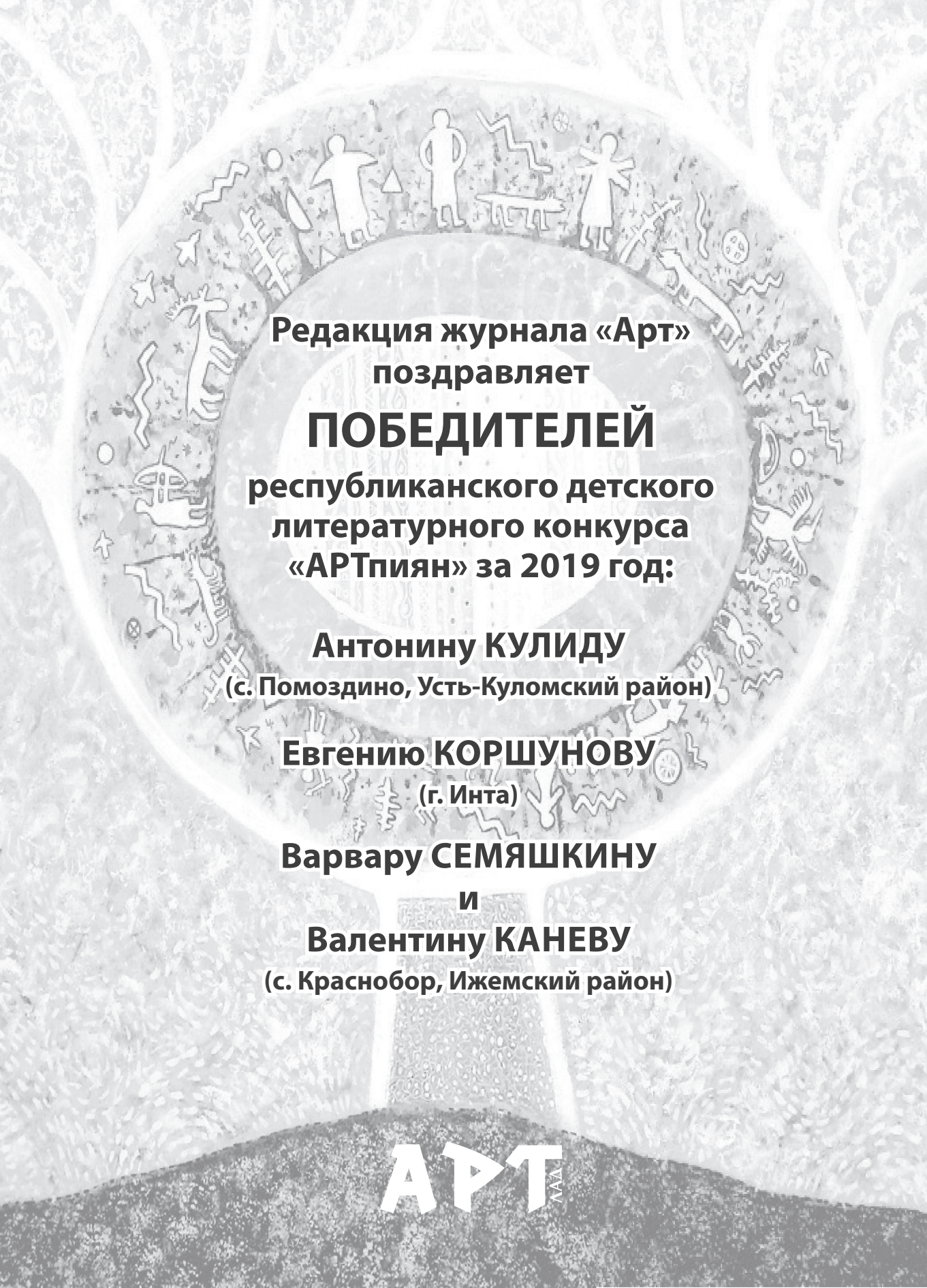
Весна. 2006. Холст, масло. 90x106.

Плывут по небу облака. 2007. Холст, масло. 90x100.

Осинки. 1965. Холст, масло. 70х80.

**Редакция журнала «Арт»
поздравляет
ПОБЕДИТЕЛЕЙ
республиканского детского
литературного конкурса
«АРТпиян» за 2019 год:**

Антонину КУЛИДУ
(с. Помоздино, Усть-Куломский район)

Евгению КОРШУНОВУ
(г. Инта)

Варвару СЕМЯШКИНУ
и
Валентину КАНЕВУ
(с. Краснобор, Ижемский район)

АРТ

ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART

<http://www.artlad.ru/>

Подписной индекс: П4453

ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART ART